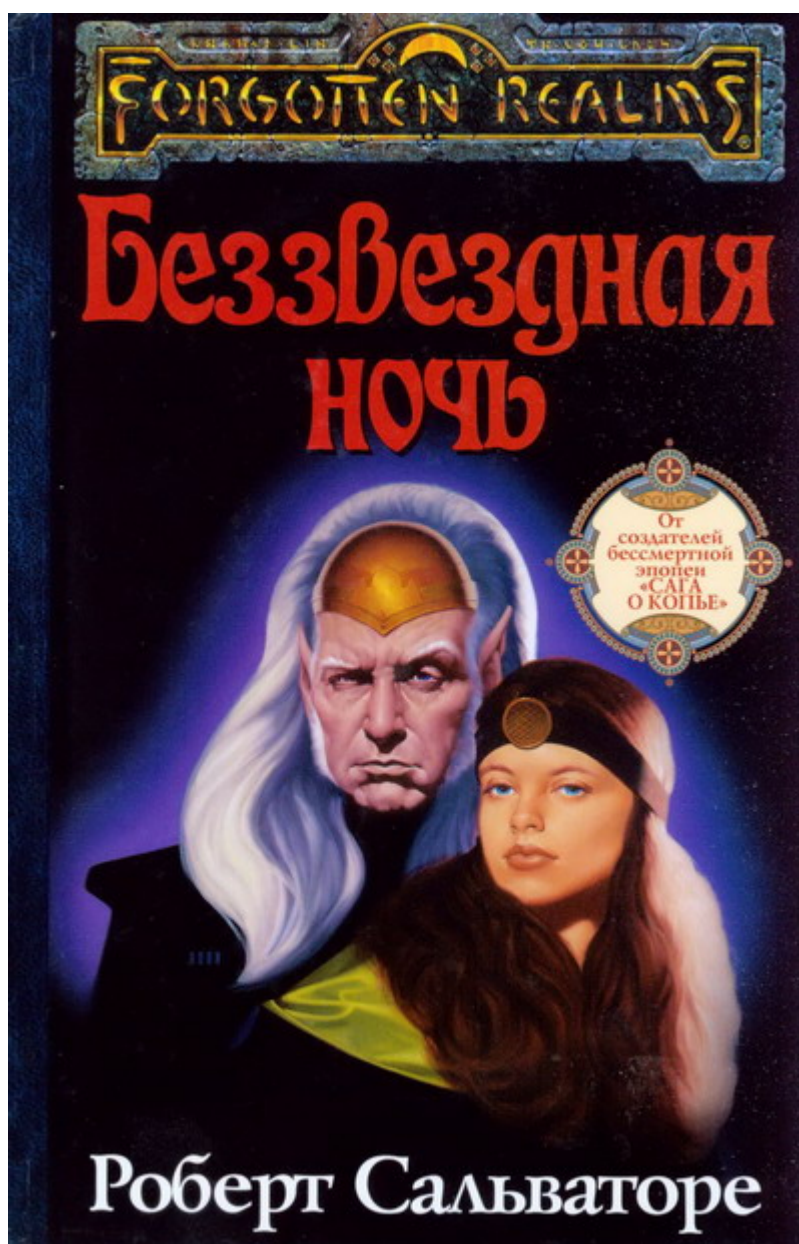

Роберт Сальваторе Беззвёздная ночь

Забывтые Королевства: Легенда о Дзирте – 8

- Lord Kiron. OCR & ReadCheck - Ergo80 <http://oldmaglib.com>
«Роберт Сальваторе "Беззвездная ночь"»: ИЦ Максима; Москва; 2004
ISBN 5-94955-014-5

Аннотация

Подземье. Это место, где царит тьма, где нет теней. Дзирт До'Урден не хочет туда идти. Но благородный дроу должен вернуться. Он снова окажется в Блингденстоуне, городе гномов, где встретит старых друзей, а потом продолжит свой путь в Мензоберранзан. И только оказавшись в городе дроу, Дзирт узнает, какой страшный заговор плетется здесь, угрожая его друзьям в Мифрил Халле.

Он найдет друзей там, где меньше всего этого ожидает, и встретится с врагами, которых больше не думал увидеть. Он будет сражаться с чудовищами настолько злобными, что им нет места в мире под солнцем, тогда как душу его будут раздирать

противоречивые чувства, охватившие благородного дроу, когда он вернулся на свою наводящую ужас родину. И все это время Дзирту придется жить под тяжестью чувства вины за гибель дорогого друга.

Роберт Сальваторе «Беззвёздная ночь»

*И в первый день Эд сотворил «Забытые Королевства», где
живет теперь моя фантазия.*

Эду Гринвуду, с благодарностью и почтением

ПРОЛОГ

Дзирт провел пальцами по совершенно гладкой, великолепно сработанной ониксовой статуэтке. Даже на выступающих гранях, обозначавших мощные мышцы на шее пантеры, не было ни сколов, ни отметин. До чего она похожа на Гвенвивар, просто полное подобие. И как же трудно с ней расстаться, особенно сознавая, что он скорее всего никогда больше не увидит пантеру!

— Прощай, Гвенвивар, — прошептал воин-дроу, с горечью глядя на фигурку. — Я пока что в здравом уме, поэтому не могу взять тебя с собой в это путешествие; ведь за твою судьбу я буду тревожиться больше, чем за себя самого. — Он печально вздохнул. Вдвоем с его боевой подругой они долго и трудно боролись за нынешнюю мирную жизнь, ради нее пошли на многие жертвы, и вот теперь Дзирт понял, что эта победа оказалась мнимой. Как бы ему хотелось сунуть фигурку обратно в мешочек у пояса и наугад пойти вперед, надеясь на лучшее.

Дзирт поборол минутную слабость и протянул статуэтку Реджису, хафлингу.

Реджис недоуменно уставился на Дзирта и долго молчал, пораженный просьбой друга.

— Пять недель, — напомнил Дзирт.

Красивое личико хафлинга страдальчески сморщилось. Если Дзирт не вернется через пять недель, Реджису придется передать Гвенвивар Кэтти-бри и рассказать ей и королю Бренору, куда и почему ушел дроу. И по помрачневшему лицу и угрюмому тону друга хафлинг догадывался, что Дзирт не надеется на возвращение.

Поддавшись внезапному порыву, Реджис бросил статуэтку на постель и стал возиться с цепочкой на шее; в ней запутались длинные темные пряди его вьющихся волос. Наконец он освободил цепочку, расстегнул замочек и снял подвеску, на которой мерцал большой волшебный рубин.

Дзирт был поражен. Он знал цену этой вещи и страстную любовь к ней хафлинга. Назвать поведение Реджиса необычным значило не сказать ничего.

— Нет, — отказался Дзирт, отталкивая руку друга. — Я ведь могу не вернуться, и тогда она пропадет...

— Бери! — настаивал Реджис. — Ты, без сомнения, заслужил ее за все, что сделал для меня, для всех нас. Одно дело оставить здесь Гвенвивар — страшно подумать, что будет, если она попадет в руки твоих злобных сородичей... Ну а это просто волшебная вещица, не живое существо, и она может сослужить тебе хорошую службу в путешествии. Ты же берешь свои сабли, возьми и ее. — Хафлинг помедлил, глядя прямо в лиловые глаза Дзирта, и добавил: — Друг мой!

Затем он щелкнул пальцами, нарушив прочувствованное молчание, и, шлепая по каменному полу босыми ногами, в развевающейся ночной рубашке, пробежал через всю комнату и достал из ящичка еще одну вещь — ничем не примечательную маску.

— Я ее... потом нашел, — сообщил он, не желая рассказывать, как ему досталась маска. На самом деле Реджис тайком покинул Мифрил Халл и разыскал Артемиса Энтрери, беспомощно свисавшего на обрывках плаща с обломка скалы над ущельем. Реджис

быстренько обшарил его карманы, а после перерезал единственный целый шов на одежде убийцы. Хафлинг с удовольствием прислушивался, как рвется ткань, удерживавшая на весу израненного, почти ничего не сознающего человека.

Дзирт долго смотрел на волшебную маску. Больше года назад он взял ее из логова банши. С помощью этой вещи ее владелец мог полностью изменить свою внешность и остаться неузнанным.

— Она поможет тебе попасть туда и вернуться обратно, — с надеждой произнес хафлинг. Но Дзирт не шелохнулся.

— Пусть она будет у тебя, — настаивал Реджис, неверно поняв его колебания и пытаясь сунуть маску в руку дроу. Реджис не понимал, что для Дзирта До'Урдена это была не просто маска. Дзирт уже однажды воспользовался ею, чтобы изменить свое обличье, поскольку ничего хорошего не ожидало темного эльфа, разгуливающего по поверхностному миру. И после этого Дзирт стал относиться к ней как к очередной лжи, пусть и небесполезной. Но он больше не мог заставить себя прибегнуть к ней, какие бы выгоды это ни сулило.

Или мог? Дзирт задумался, стоит ли отказываться от подарка. Если маска поможет в его деле, исход которого, вероятно, повлияет и на тех, кого он оставляет здесь, стоит ли отказываться от нее?

Нет, наконец решил дроу, вряд ли маска окажется так уж нужна ему. Тридцать лет он не был в родном городе — срок достаточно долгий. К тому же внешность у него не слишком приметная, и едва ли он пользуется настолько дурной славой, чтобы его сразу могли узнать. Он махнул рукой, отказываясь от дара, и Реджис, понимая, что настаивать бесполезно, пожал узкими плечиками и спрятал волшебную вещь.

Дзирт вышел, не произнеся больше ни слова. До рассвета оставалось еще несколько часов; в верхних коридорах Мифрил Халла неярко горели факелы; изредка мимо проходили дворфы. Вроде все тихо и спокойно.

Темный эльф беззвучно провел тонкими пальцами по поверхности деревянной двери. Он не хотел будить ту, что спала за ней, хотя и сомневался, что ее сон был сладок. Каждую ночь он хотел войти и успокоить ее, но не делал этого, зная, что его слова ничуть не облегчат горе Кэтти-бри. Как и в другие ночи, он постоял у этой двери бдительным, но беспомощным стражем и, как и в другие ночи, неслышно пошел прочь по каменному коридору, скрываясь в пляшущих тенях, отбрасываемых коптящими факелами.

Лишь немного помедлив у другой двери, за которой спал один из его самых дорогих друзей-дворфов, Дзирт вскоре вышел из жилой зоны. Он пришел к месту официальных собраний, где король Мифрил Халла устраивал развлечения для своих гостей. Несколько дворфов — очевидно, солдаты генерала Дагнабита — охраняли зал, но они не заметили Дзирта и не услышали его бесшумных шагов.

Проходя мимо Зала Думатойна, где хранились наиболее ценные реликвии дворфов, Дзирт снова остановился. Понимая, что задерживаться здесь не следует и надо уйти прежде, чем все проснутся, он все же не смог справиться с нахлынувшими на него чувствами. За две недели, прошедшие после того, как было отбито нападение дроу, он ни разу не заходил сюда, но понимал, что не простит себе, если не зайдет теперь.

Громадный боевой молот Клык Защитника покоился на постаменте в центре зала — месте наивысшего почета. Дзирту показалось справедливым, что молот затмевал собой все остальные сокровища: блестящие кольчуги, огромные топоры и шлемы давно умерших героев, наковальни легендарных кузнецов. Дроу усмехнулся, подумав, что ведь Клык Защитника никогда не принадлежал дворфу. Это было оружие Вульфгара, друга Дзирта, человека, добровольно отдавшего свою жизнь ради спасения остальных.

Долгим тяжелым взглядом Дзирт окинул поблескивавший мифриловый молот, на котором, несмотря на многочисленные жестокие битвы, не было ни одной царапины. Зато хорошо можно было разглядеть выгравированные знаки дворфского божества Думатойна. Потом он перевел глаза на темную адамантитовую рукоять с пятнами засохшей крови.

Упрямый Бренор так и не позволил их смыть.

Думая о Вульфгаре, вспоминая, как они сражались бок о бок — темный эльф и высоченный золотоволосый гигант со светлой кожей, Дзирт почувствовал, что колени его подгибаются, а решимость слабеет. Он вспомнил чистые глаза цвета северного неба, в которых всегда играли живые искорки. Вульфгар был всего лишь мальчишкой, так и не научившимся бояться жестоких реалий грубого мира вокруг.

Всего лишь мальчишка, но он, не задумываясь, распевая боевой гимн, пожертвовал своей жизнью ради тех, кого называл друзьями.

— Прощай, — едва слышно промолвил Дзирт, повернулся и побежал, по-прежнему бесшумно. Вскоре он выскочил на каменный навес, а оттуда спустился по лестнице в просторную комнату с высоким потолком. Там он промчался мимо недремлющих очей восьми королей Мифрил Халла, высеченных в каменной стене. Самым последним и наиболее выразительным был скульптурный портрет Бренора Боевого Топора. Лицо Бренора было сурово, а глубокий шрам, шедший от лба до самой челюсти, и отсутствие правого глаза усиливали гнетущее впечатление.

Но Дзирт понимал, что физические раны для крепкого, как скала, дворфа ничто по сравнению с душевной болью, болью утраты дорогого мальчика, которого он называл своим сыном. Был ли дух Бренора столь же крепок, как его тело, выдержит ли он? Дзирт не знал. Но в этот миг, глядя на изуродованное лицо короля дворфов, дроу подумал, что надо бы остаться, быть рядом с другом и подождать, пока затянутся его раны.

Но эта мысль промелькнула и ушла. Дроу напомнил себе, что Бренора могут ожидать еще горшие раны. Его и всех остальных друзей Дзирта.

* * *

Как и каждую ночь — точнее, каждую ночь, когда ей удавалось ненадолго забыться, — Кэтти-бри ворочалась и металась по постели, вновь и вновь переживая роковые минуты. Она слышала, как Вульфгар поет гимн Темпосу, своему богу войны, видела ясный взор могучего варвара, крушившего каменный навес у себя над головой, несмотря на нечеловеческую боль.

Кэтти-бри видела его ужасающие раны, белые кости там, где кожа была содрана акулистыми зубами йоклол, злобной потусторонней твари, чье мерзкое желеобразное тело походило на полурасплавленную свечу.

От раздавшегося в ушах грохота камней, сыпавшихся на ее любимого, Кэтти-бри проснулась и рывком села в кровати, глядя во тьму. Ее густые каштановые волосы прилипли к покрытому холодным потом лбу. Она глубоко вздохнула, пытаясь дышать ровно, и несколько раз повторила себе, что это лишь сон, страшное воспоминание, что все уже в прошлом. Свет мирно горевших у двери факелов немного успокоил ее.

На девушке была только легкая рубашка, а разметавшись, она сбросила с себя все одеяла. Теперь руки покрылись гусиной кожей, и она поежилась, чувствуя себя озябшей и несчастной. Кэтти-бри подобрала одеяла, натянула их на себя по самую шею и упала на спину, уставясь в потолок невидящими глазами.

Что-то не так! Она чувствовала — что-то складывается не так, как надо!

Девушка постаралась убедить себя, что ей это кажется, что ее просто взволновали кошмарные сны. Да, мир несправедлив к Кэтти-бри, чудовищно несправедлив, но ведь сейчас она в Мифрил Халле, среди друзей!

И девушка заставила себя поверить, что дурное ей только мерещится.

* * *

Когда взошло солнце, Дзирт был уже далеко от Мифрил Халла. В это утро он не стал, как всегда, присаживаться, чтобы полюбоваться рассветом. Он даже не взглянул на солнце, потому что сейчас оно казалось ему олицетворением обманутых надежд. Он посмотрел на юг

и восток, мысленно переносясь по ту сторону горной цепи, и погрузился в воспоминания.

Рука сама потянулась к шее, к гипнотическому рубину, подаренному Реджисом. Он прекрасно знал, как любил и ценил хафлинг эту вещь, и снова подумал, что таким и должен быть подарок настоящего друга. Дзирт знал, что такое дружба; его жизнь стала неизмеримо богаче с той поры, как он вступил на суровую землю, называвшуюся Долиной Ледяного Ветра, и встретил Бренора Боевого Топора и его приемную дочь Кэтти-бри. При мысли о том, что, возможно, он никогда больше не увидит их, Дзирта пронзила острая боль.

Хорошо, что волшебная подвеска была с ним, с ее помощью Дзирт надеялся узнать все, что хотел, и вернуться к друзьям, но он чувствовал себя виноватым за то, что раскрыл причину своего ухода. Ему самому это казалось слабостью, малодушным желанием опереться на друзей, которые ничем не могли помочь ему сейчас. Правда, он должен был оставить какое-то предостережение. Поэтому он велел Реджису сообщить Бренору правду через пять недель, чтобы Клан Боевого Топора мог подготовиться к тому черному будущему, которое могло ожидать их в случае, если Дзирт потерпит неудачу.

То был поступок, продиктованный здравым смыслом, но Дзирт понимал, что открылся Реджису не только поэтому, а еще и потому, что ему надо было кому-то рассказать о задуманном.

«А как же волшебная маска?» — спросил он себя. Может быть, и от нее он отказался из слабости? Ведь маска могла бы помочь ему, а следовательно, и его друзьям. Но он не мог найти в себе силы не только взять ее, но даже пальцем тронуть.

Сомнения носились в воздухе, дразнили его, смеялись. Дзирт вздохнул и потер рубин узкими темными ладонями. Дзирт До'Урден виртуозно владел клинком, как настоящий воин, он был верен своим принципам и неприхотлив, но, несмотря на это, он не мог обойтись без своих друзей. Обернувшись, он посмотрел туда, где остался Мифрил Халл, и спросил себя, так ли уж прав был, тайно покинув его и отправившись в одиночку в опасный поход.

Еще одно проявление слабости, подумал Дзирт и решил не поддаваться сомнениям. Он выпустил рубин, отбросил докучливые сомнения и, сунув руку в карман зеленого дорожного плаща, извлек кусок пергамента, на который была нанесена карта земель между Гребнем Мира и Великой Пустыней Анаврок. В правом нижнем углу был значок, отмечавший местонахождение пещеры, из которой он когда-то вышел и через которую мог вернуться в Подземье.

Часть первая УЗЫ ДОЛГА

Ни для одной расы во всех Королевствах слово «мечь» не звучит такой сладкой музыкой, как для ушей дроу. Для них она все равно что лучшее блюдо обеденного стола, они смакуют ее со сладострастной ухмылкой на губах. В предвкушении такого удовольствия дроу и пришли за мной.

Я не могу подавить свой гнев и избавиться от чувства вины за смерть Вульфгара, за те страдания, что враги из моего темного прошлого причинили моим бесценным друзьям. Каждый раз, глядя на светлое личико Кэтти-бри, я вижу бесконечную глубокую тоску, которой не место в ее искрящихся светлых глазах.

Сам мучась не меньше, я не нахожу слов, чтобы утешить ее, хотя и не думаю, что есть слова, способные принести мир ее душе. Именно поэтому я должен и дальше оберегать своих друзей. Я понял, что мне нужно преодолеть личную скорбь, превозмочь тоску, что овладела и дворфами Мифрил Халла, и суровыми варварами Сеттлстоуна.

Судя по тому, что Кэтти-бри рассказывает о той роковой ночи, чудическим, погубившим Вульфгара, была йоклол, прислужница Ллос. Зная эту неутешительную правду, я обязан стать выше сиюминутной печали и подумать о том, что настоящая тоска еще, возможно, впереди.

Я не в состоянии понять темные забавы Паучьей Королевы (и сомневаюсь, что даже верховные жрицы этой злобной твари понимают ее истинные намерения),

но даже мне, самому нерадивому из всех когда-либо штудировавших катехизис дроу, ясно, что появление йоклол — незаурядное событие. Вмешательство прислужницы означает, что охота за мной была начата по приказанию самой Паучьей Королевы. А это не предвещает Мифрил Халлу ничего хорошего.

Конечно, это всего лишь предположение. Возможно, моя сестрица Вирна действовала в согласии с другими темными силами Мензоберранзана, и моя связь с миром дроу оборвалась с ее смертью.

Но когда я смотрю в глаза Кэтти-бри или вижу страшные шрамы Бренора, то вспоминаю, как ненадежны и обманчивы бывают наши надежды. Мои злобные родичи уже отняли у меня одного друга.

Но больше я никого не отдам!

В Мифрил Халле никогда не найти ответов на мои вопросы, и я не буду знать, по-прежнему ли темные эльфы одержимы жаждой мести. Не отправится ли к поверхности новый отряд, чтобы получить награду, назначенную за мою голову. Неся на своих плечах такой груз, отважусь ли я отправиться в Серебристую Луну или другой город? Сумею ли вернуться к обычной жизни? Смогу ли спать спокойно, боясь в глубине души, что темные эльфы могут появиться в любой момент и мои друзья опять окажутся в опасности?

Кажущаяся безмятежность Мифрил Халла, задумчивая тишина, царящая в нем, не помогут мне разгадать намерения дроу. Но ради моих друзей я должен проникнуть в замыслы врагов. Боюсь, есть лишь одно место, где это возможно.

Вульфгар отдал свою жизнь за то, чтобы его друзья могли жить. Разве может быть моя жертва меньшей?

Дзирт До'Урден

Глава 1 ЛЮБИТЕЛЬ ИНТРИГ

Наемник прислонился к колонне, стоящей посреди широкого лестничного пролета, находившегося в северной стороне необъятной пещеры, в которой размещался город дроу, Мензоберранзан. Джарлакс снял свою широкополую шляпу и провел ладонью по гладкой лысой голове, выругавшись сквозь зубы.

В городе повсюду горели огни. В высоких окнах домов, высеченных в природных сталагмитовых образованиях, дрожал свет факелов. Огни в городе дроу! С незапамятных времен дома обрисовывало мягкое свечение призрачного феерического огня, по преимуществу сиреневых и голубых оттенков, но оно было совсем иным.

Джарлакс сделал шаг в сторону и поморщился, наступив на больную ногу. Сама Триль Бэнр, Мать-Хозяйка Арах-Тинилит, одна из самых высокочтимых жриц, залечивала его рану, но Джарлакс подозревал, что коварная жрица нарочно не довела дело до конца, чтобы боль в ноге постоянно напоминала наемнику о неудаче, которой окончилась попытка взять в плен предателя Дзирта До'Урдена.

— Этот свет глаза режет, — раздался за спиной недовольный женский голос. Джарлакс обернулся и увидел старшую из дочерей Матери Бэнр, ту самую Триль. Она была небольшого роста, ниже Джарлакса примерно на фут, но держалась с достоинством и уверенностью. Джарлаксу лучше других были известны ее силы (и взрывной характер тоже!), поэтому, общаясь с этой миниатюрной женщиной, он всегда был настороже.

Щурясь, она подошла и стала рядом, пробормотав:

— Чертов свет.

— Так повелела твоя мать, — напомнил ей Джарлакс. Он старался не смотреть на нее «здоровым» глазом, а второй был скрыт темной лентой, завязанной на затылке. Наемник снова надел шляпу и низко надвинул ее на лоб, чтобы Триль не заметила, как он ухмыляется в ответ на ее недовольную гримасу.

Триль не слишком нравились действия ее матери. Джарлакс понял это, когда Мать Бэнр

стала осторожно намекать о своих планах. Но из всех жриц Паучьей Королевы Триль была, пожалуй, самой фанатичной и ни за что не восстала бы против Матери Бэнр, главы первого Дома, — если только Ллос не приказала бы ей.

— Пошли, — буркнула она. Жрица повернулась и двинулась к самому красивому из трех зданий Академии, громадному сооружению, по форме напоминавшему гигантского паука.

Джарлакс, намеренно хромая, пошел за ней, преувеличенно постанывая на каждом шагу. Однако попытка разжалобить жрицу и выпросить еще один сеанс магической терапии ничем не увенчалась. Триль просто остановилась у двери в величественное здание и терпеливо ждала его, что было несколько не в ее характере, так как она никогда никого не ждала, и наемнику это было отлично известно.

Войдя в храм, Джарлакс вдохнул тяжелый воздух, в котором аромат благовоний смешался с запахом подсыхающей крови недавних жертв; из всех уголков доносились молитвы. Триль ни на что не обращала внимания; в коридоре несколько учеников поклонились ей, но она, даже не взглянув, прошла мимо.

Поглощенная своими мыслями, дочь Бэнр направилась наверх, в личные покои Хозяек Школы. Она прошла небольшую прихожую, в которой пол шевелился от множества ползавших там пауков (некоторые были Джарлаксу по колено).

Триль остановилась между двумя одинаковыми, богато украшенными дверьми и жестом указала наемнику на правую. Джарлакс помялся и попытался скрыть замешательство, но Триль, видно, не удивила его реакция. Она схватила наемника за плечо и грубо развернула:

— Значит, ты здесь не впервые!

— Я был здесь только после окончания школы воинов, — ответил Джарлакс, высвобождаясь из ее цепких рук. — Как и все выпускники Мили-Магтир.

— Ты проник на верхние этажи, — рявкнула Триль, глядя в лицо наемнику. Он усмехнулся. — Ты колебался, когда я показала направо, — продолжала жрица, — потому что знал, что слева — моя личная комната. Думал, я тебя туда приглашу?

— Я вообще не думал, что ты вызовешь меня сюда, — парировал Джарлакс, пытаясь сменить тему. Ему было не по себе под пытливым взглядом Триль. Может, он недооценил ее тревогу по поводу намерений матери?

Триль вперила в него тяжелый взор и долго смотрела, не моргая, плотно сжав губы.

— У меня свои осведомители, — наконец сдался Джарлакс.

Триль не шелохнулась.

— Ты сама просила, чтобы я пришел, — напомнил он.

— Приказала, — поправила она.

Наемник склонился в преувеличенно низком поклоне, широко взмахнув снятой с головы шляпой. Глаза жрицы вспыхнули злобой.

— Хватит! — рявкнула она.

— Тогда хватит играть со мной! — выпалил Джарлакс. — Ты попросила, чтобы я пришел в Академию, хотя знаешь, что я чувствую здесь себя не в своей тарелке, и я явился. Если у тебя есть вопросы, то я, возможно, смогу на них ответить.

Триль насторожилась. Она лучше многих в Мензоберранзане знала, как нелегко добиться от хитрого наемника правды. Мать-Хозяйка и прежде много раз имела с ним дело, но не была уверена, действительно ли ей удавалось вызвать его на откровенность. Она передумала и показала на дверь слева, и Джарлакс, отвесив еще один изящный поклон, вступил в нарядную, устланную толстым ковром и освещенную мягким волшебным свечением комнату.

— Сапоги сними, — велела Триль и, прежде чем ступить на пушистый ковер, сама сбросила обувь.

Джарлакс стоял у самой двери и рассматривал свои сапоги. Любому, знавшему наемника, было известно, что они волшебные.

— Ну ладно, — уступила жрица, закрыв дверь и пройдя в глубь комнаты, где она уютно устроилась в огромном мягком кресле. За ее спиной стояло бюро, а позади на стене висело множество гобеленов, один из которых изображал жертвоприношение невероятных размеров эльфа с поверхности, окруженного толпой танцующих дроу. Над эльфом виднелось полупрозрачное существо, наполовину дроу, наполовину паука с прекрасным и божественно-безмятежным лицом.

— Не нравятся огни твоей матушки? — поинтересовался Джарлак. — А у самой комната залита светом.

Триль закусила губу. Как правило, жрицы пользовались светом, правда довольно тусклым, и только для того, чтобы можно было читать. При помощи инфразвучия нельзя было разглядеть рун на странице. Правда, были рукописи, где чернила все еще сохраняли теплоту, но такие книги были чрезвычайно дороги, и достать их было весьма непросто даже для тех, кто обладал такой властью, как Триль.

Джарлак наблюдал за хмурым лицом жрицы. «Вечно она чем-то недовольна», — подумал он.

— Но огни как нельзя кстати для того, что задумала твоя мать, — продолжил он.

— Точно, — злым голосом отозвалась Триль. — Но неужели у тебя хватает наглости считать, что ты понимаешь истинные намерения моей матери?

— Она снова отправит войска в Мифрил Халл, — без обиняков выдал Джарлак, не сомневаясь, что жрица и сама это уже давно поняла.

— Да ну? — простодушно спросила Триль.

Наемник даже подался назад, озадаченный ее словами. Он шагнул к другому креслу, громко стукнув каблуками, несмотря на то, что шел по толстому мохнатому ковру.

Триль усмехнулась, на нее волшебные сапоги не произвели никакого впечатления. Все знали, что Джарлак мог ходить бесшумно или издавая звук любой громкости, по желанию. Бесконечные самоцветы, браслеты и брелоки, которыми он был обвешан с головы до ног, тоже могли, по его прихоти, либо брнчать, либо не издавать ни звука.

— Если сделаешь мне дыру в ковре, заткну ее твоим сердцем, — пообещала Триль, наблюдая, как он, удобно устроившись на подушках, покрывавших каменное сиденье, расправлял складки на подлокотнике, чтобы хорошо было видно тканое изображение черно-желтого паука джи'анту, подземного двойника тарантула.

— А почему ты полагаешь, что твоя мать этого не сделает? — спросил Джарлак, демонстративно пропустив угрозу мимо ушей, хотя, неплохо зная Триль Бэнр, любопытствовал про себя, сколько же сердец уже вплетено в ковер.

— А разве я это сказала?

Джарлак устало вздохнул. Он так и думал, что во время их встречи Триль попытается выудить из него любые крохи сведений, постаравшись не раскрывать своих карт. Все же, когда Триль настойчиво попросила его прийти к ней вместо того, чтобы самой встретиться с ним, как было заведено, у наемника появилась надежда, что на этот раз повод был существенным. Но, очевидно, причиной стало всего лишь желание встретиться в укромном месте, где можно было бы не опасаться, что подробности разговора тут же станут известны ее матери.

И теперь эта встреча, устроить которую стоило стольких трудов, превращалась в бесцельную заурядную перепалку.

Похоже, Триль была раздосадована не меньше. Она вдруг резко подалась вперед, и черты ее лица исказились.

— Она хочет расширить владения! — выпалила она.

Джарлак сомкнул кончики пальцев, звякнув браслетами, и подумал, что наконец-то начался серьезный разговор.

— Матери Бэнр мало править Мензоберранзаном, — продолжала Триль спокойнее, снова откидываясь в кресле. — Ее манят другие горизонты.

— Я полагал, что она просто послушна видениям, посланным Ллос, — заметил

Джарлакс и несколько опешил, уловив откровенное презрение в словах Триль.

— Возможно, — согласилась жрица. — Паучья Королева будет только рада захвату Мифрил Халла, особенно если удастся поймать этого предателя Дзирта До'Урдена. Но это не единственный расчет.

— А что, еще и Блингденстоун? — предположил Джарлакс, имея в виду город свирфов, глубинных гномов, давнишних врагов друу.

— Не только, — ответила жрица. — Блингденстоун просто расположен почти по дороге в Мифрил Халл.

— Твоя мать упомянула, что со свирфами можно будет разобраться на обратном пути. — Джарлакс решил подбросить несколько не подлежащих разглашению подробностей, чтобы вынудить Триль быть и дальше столь же откровенной. Наверное, она и так чувствовала себя глубоко уязвленной оттого, что пришлось приоткрыть завесу над своими глубоко личными чувствами и страхами.

Жрица кивнула, принимая новость сдержанно и без видимого удивления.

— Но это еще не все, — повторила она. — Задача, поставленная перед собой Матерью Бэнр, непосильна, и для достижения успеха потребуются такие союзники, как илликиды.

Рассуждения Триль показались наемнику вполне здравыми. Мать Бэнр уже давно держала при себе одного иллидида, отвратительную и опасную тварь. Джарлакс всегда чувствовал себя скованно в присутствии этих осьминогочелюстных существ. Наемнику удалось выжить и столь многого достичь благодаря отличному умению понимать своих врагов и предугадывать их ходы. В отношении же иллиидов он был совершенно бессилён. Этот народ называли «прорицателями сознания», они мыслили иначе, чем все остальные расы, и действовали в соответствии с правилами и принципами, понятными только им.

Но все же у темных эльфов были неплохие отношения с общиной иллиидов. Ведь в Мензоберранзане было двадцать тысяч отличных воинов, а иллиидов в окрестностях набиралась едва ли сотня. Так что опасения Триль казались несколько преувеличенными.

Правда, этого Джарлакс ей не сказал. Зная непостоянный и злобный нрав жрицы, наемник предпочитал больше слушать, чем говорить.

Триль была занята своими мыслями, и лицо ее оставалось недовольным. Она вскочила с кресла, взмахнув полами фиолетово-черного, расшитого пауками одеяния и стала кружить по комнате.

— Но ведь не один Дом Бэнр участвует в этом, — заметил Джарлакс, надеясь немного успокоить ее. — Огни видны и в окнах других Домов.

— Мать постаралась и подняла весь город, — признала жрица, слегка замедляя шаг.

— Но все же ты боишься, — продолжил за нее Джарлакс. — И тебе нужны надежные сведения, чтобы быть готовой к любым последствиям.

Он не смог удержаться от тихого язвительного смеха. Они с Триль враждовали долгое время, и ни один из них не доверял другому — и не без основания! А теперь она не может без него обойтись. Ведь она была жрицей в закрытой школе, куда почти не доходили городские слухи. Обычно Триль могла узнать все, что нужно, вознеся молитву Паучьей Королеве, но теперь, если Ллос действительно покровительствовала Матери Бэнр (а так оно, похоже, и было), то Триль оставалась в абсолютном неведении. Ей был необходим шпион и наушник, а равных в этом деле Джарлаксу и его шпионской сети не было во всем Мензоберранзане.

— Мы нужны друг другу, — веско сказала Триль, повернувшись и бросив на наемника проницательный взгляд. — Мать вступила на опасную тропу, только слепой этого не заметит. И если ее постигнет неудача, сам подумай, кто окажется во главе правящего Дома.

Что ж, вполне справедливо, признал Джарлакс про себя. Триль, старшая дочь Дома, бесспорно, наследовала место Матери Бэнр, к тому же как у попечительницы Арах-Тинилит у нее было самое высокое — после Матерей восьми правящих Домов — положение в городе. И в руках у Триль уже была сосредоточена значительная власть. Но в Мензоберранзане, где закон использовали как прикрытие для самых черных беззаконий, власть могла так же легко

переходить из рук в руки, как смещаются лавовые озера.

— Я посмотрю, что можно сделать, — ответил Джарлакс и встал, готовясь уйти. — И как только узнаю, сообщу тебе.

Триль понимала всю неискренность предложения, но ей ничего не оставалось, кроме как принять его.

Вскоре Джарлакс уже шагал по извилистым улицам Мензоберранзана, проходя под настороженными взглядами и взведенным оружием стражников, стоявших почти на каждом сталагмите и на неровных уступах многих низко висящих сталактитов. Он не испытывал страха, потому что по характерной широкополой шляпе его узнавал весь город, а ни один из Домов не пожелал бы ссориться с Бреган Д'эрт. Это была самая засекреченная банда — немногие в городе хотя бы имели представление о количестве ее членов, — а ее укрытия были разбросаны по многочисленным укромным уголкам и разломам громадной пещеры. Однако слава о них гремела, и правящие Дома с этим мирились. Многие жители города называли бы наемника одним из самых могущественных лиц Мензоберранзана.

Джарлакс чувствовал себя настолько свободно, что едва ли замечал пристальные взгляды бдительных стражей. Он был погружен в собственные мысли, пытаясь по отдельным намекам выяснить истинные мотивы и опасения Триль. Предполагаемый захват Мифрил Халла казался весьма многообещающим. Джарлакс и сам был в этой твердыне и видел, как надежно охраняется Мифрил Халл. Но все же он не устоит перед сильным, отлично вышколенным войском дроу. Когда под руководством Матери Бэнр они завоюют Мифрил Халл, Ллос будет чрезвычайно довольна, а Дом Бэнр вознесется на вершину власти.

Как сказала Триль, ее мать расширит владения.

Вершина власти? Эта мысль вдруг поразила Джарлакса. Он остановился неподалеку от Нарбондели, громадной колонны, служившей в Мензоберранзане часами, и широкая улыбка разлилась по его черному лицу.

— Вершина власти? — вслух прошептал он.

Джарлакс вдруг понял, что на самом деле тревожило Триль. Она боялась, что ее мать выйдет за пределы дозволенного, забросит и без того огромные владения ради новых. Чем больше Джарлакс размышлял, тем яснее видел за всем этим другой, более глубокий смысл. Предположим, Мать Бэнр достигнет желаемого, Мифрил Халл будет завоеван, а потом придет черед Блингденстоуна, рассуждал наемник. Тогда не останется внешних врагов, угроза нападения которых до сих пор придавала непрочной иерархии дроу некоторую устойчивость.

Не поэтому ли Блингденстоун, вражье гнездо в непосредственной близости от Мензоберранзана, и смог просуществовать столько столетий? Теперь Джарлакс понимал, что своим присутствием гномы непреднамеренно цементировали ступени лестницы власти Мензоберранзана. Когда рукой подать до общего врага, внутренняя борьба дроу между собой хоть чем-то сдерживалась.

Но Мать Бэнр хотела включить в свою империю не только Мифрил Халл, но и докучливых гномов. И Триль боялась не разгрома войска дроу; не пугал ее и союз с крохотной колонией иллитидов. Она боялась того, что ее мать добьется успеха и обретет новое наследие. Мать Бэнр была старухой, древней даже по меркам дроу, а Триль — первым претендентом на место главы Дома. Останься все как есть, ее будущее было бы весьма привлекательным, но если Мифрил Халл и Блингденстоун войдут в состав владений дроу, то положение станет гораздо более шатким и непрочным. Больше не будет общего врага, и между Домами наверняка начнутся распри, а сама Триль будет привязана к верхним областям, где неизбежно придется отражать набеги союзников Мифрил Халла.

Джарлакс понял, чего добивалась Мать Бэнр, но ему было не вполне ясно, чего желала Ллос, поддерживая притязания этой женщины, одной ногой уже стоящей в могиле.

— Хаоса, — наконец решил он.

Долгое время Мензоберранзан не испытывал никаких потрясений. Некоторые Дома боролись друг с другом, но это было в порядке вещей. Два правящих Дома, До'Урден и Де

Вир были уничтожены, но общее внутреннее устройство города оставалось неизменным.

— Как ты великолепна! — с восхищением произнес Джарлакс, думая о Ллос. Ему вдруг показалось, что Паучья Королева просто хочет повеселиться, устроить ставшему скучным городу основательную встряску. Неудивительно, что Триль, готовясь унаследовать трон своей матери, не находила в этом ничего забавного.

Сам большой любитель интриг, лысый наемник от души рассмеялся и бросил взгляд на Нарбондель. Жар в колонне заметно уменьшился, а это значило, что в Подземье уже была глубокая ночь. Джарлакс звонко щелкнул каблуками по камню и отправился к Келларц'орлю, высокому плато у восточной стены пещеры, где располагался самый могущественный Дом Мензоберранзана. Ему не хотелось опаздывать на встречу с Матерью Бэнр, которой он собирался дать отчет о «тайном» свидании с ее старшей дочерью.

Джарлакс прикинул, что стоит сообщить Матери, а какую информацию выгоднее всего придержать.

До чего же он любил интриги!

Глава 2

РАССТАВАНИЯ И ТАЙНЫ

После еще одной долгой бессонной ночи Кэтти-бри встала с опухшими глазами, натянула на себя одежду и вышла из спальни, надеясь, что дневной свет немного успокоит ее. С одной стороны ее густые золотисто-каштановые волосы примялись, с другой торчали, но она не обратила на это никакого внимания. Потирая усталые глаза, она чуть было не наткнулась на косяк, да так и застыла, чем-то пораженная.

Она провела пальцами по деревянной поверхности двери, не в силах справиться с тем же ощущением, что и ночью: что-то не так, неправильно. Вместо того чтобы сразу идти завтракать, она решила отправиться к Дзирту.

Девушка быстрым шагом поспешила к комнате дроу и постучала в дверь. Немного подождав, она окликнула: «Дзирт?» И, не дождавшись ответа, резко распахнула дверь. Ни кривых сабель дроу, ни его дорожного плаща не было на месте. Даже не успев удивиться этому, девушка перевела взгляд на постель. Она была убрана, а одеяла аккуратно застелены. Вроде бы ничего необычного...

Подойдя поближе, Кэтти-бри внимательно осмотрела все складочки и поняла, что кровать была застелена давно и этой ночью в ней не спали.

— Что все это значит? — вслух произнесла она, затем быстро оглядела всю комнату и вышла. Дзирт и раньше покидал Мифрил Халл, никого не предупредив, и нередко уходил ночью. Чаще всего он отправлялся в Серебристую Луну, сказочный город на востоке, всего в неделю пути от Мифрил Халла.

Но почему на этот раз Кэтти-бри было не по себе? Почему она не могла отделаться от чувства, что что-то не так? Девушка попыталась избавиться от назойливых мыслей и справиться со своими страхами. Она убеждала себя, что просто разволновалась, что после потери Вульфгара стала чересчур трястись над остальными своими близкими.

Размышляя так, Кэтти-бри брела по коридору и остановилась у другой двери. Она тихонько постучала. Ответа не последовало (хотя девушка не сомневалась, что тот, кто там живет, еще не встал), и она постучала сильнее. Из комнаты донеслось сонное мычание.

Кэтти-бри толкнула дверь и, быстро пройдя вперед, опустилась на колени перед небольшой кроватью. Она резко сдернула одеяла со спящего Реджиса, тот заворочался, а девушка стала щекотать его под мышками.

— Эй! — отчаянно натягивая на себя одеяла, вскричал пухлый хафлинг, уже вполне оправившийся после того, как побывал в лапах у Артемиса Энтрери. Сон мигом слетел с него.

— Где Дзирт? — спросила Кэтти-бри, потянув одеяло на себя.

— Откуда мне знать? — возмутился Реджис. — Я сегодня еще не выходил!

— Вставай. — Кэтти-бри сама поразилась своему резкому тону. Ей снова стало не по себе, и теперь от этого ощущения отмахнуться было труднее. Пытаясь понять, что вдруг встревожило ее, девушка обвела глазами комнату.

И увидела фигурку пантеры!

Кэтти-бри не мигая смотрела на самую дорогую Дзирту вещь. Что она делает в комнате Реджиса? И почему Дзирт ушел, не взяв статуэтку с собой? Это подтверждало нехорошие предчувствия девушки. Она перепрыгнула через кровать (Реджис тем временем натянул одеяла до самого подбородка) и схватила фигурку. Потом перескочила обратно и вновь ухватилась за одеяла, в которых упрямый хафлинг прятался, как в панцире.

— Нет! — заверещал Реджис. Он улегся лицом вниз, зарывшись головой в подушку.

Кэтти-бри ухватила его за вырез рубашки, сдернула с кровати и потащила через всю комнату, чтобы усадить на один из двух деревянных стульев, стоявших около небольшого столика. Не выпуская подушку из рук и не отрывая от нее лица, Реджис ткнулся головой в столешницу.

Кэтти-бри молча сжала уголок подушки в кулаке и рванула его на себя, так что не ожидавший ничего подобного хафлинг больно стукнулся о стол.

Ворча и постанывая, Реджис выпрямился, поглаживая пухлыми пальчиками свои мягкие упругие локоны, не растрепавшиеся даже после долгого ночного сна.

— Чего тебе? — ворчливо спросил он.

Кэтти-бри со стуком поставила на стол перед хафлингом статуэтку пантеры.

— Где Дзирт? — повторила она ровным голосом.

— Наверное, в Нижнем городе, — буркнул Реджис, проведя языком по нечищеным зубам. — Не лучше ли пойти и узнать у Бренора?

Упоминание о короле дворфов слегка охладило пыл Кэтти-бри. «Пойти узнать у Бренора?» — горько усмехнулась она про себя. Бренор почти ни с кем не разговаривал и был настолько поглощен своим горем, что вряд ли заметил, если бы все его подданные вдруг собрались и ушли посреди ночи.

— Так, значит, Дзирт оставил Гвенвивар, — невинно заметил Реджис, решив притворяться до конца. Однако чуткая девушка почувствовала фальшь в его словах и, недоверчиво щуря свои прекрасные голубые глаза, испытующе вглядывалась в хафлинга.

— Ну что еще? — с наигранным простодушием спросил он, чувствуя, как забилося его сердце от этого пронизательного взора.

— Где Дзирт? — снова произнесла Кэтти-бри удивительно спокойным, не предвещавшим ничего хорошего голосом. — И почему кошка у тебя?

Реджис развел руками и, тихо постанывая, снова театрально уронил голову на стол.

Но Кэтти-бри слишком хорошо знала Реджиса, чтобы попасться на его уловки. Она ухватила его за темные кудри и дернула, заставив смотреть на нее, потом другой рукой схватила за рубашку на груди. Хафлинг был ошеломлен ее грубостью, это было видно по его глазам, но она не остановилась. Реджис взлетел в воздух со своего стула. Кэтти-бри протащила его три шага и с размаху прижала спиной к стене.

Сердитое лицо девушки слегка смягчилось, и она ослабила хватку, но тут увидела, что у Реджиса на шее нет волшебной рубиновой подвески, с которой хафлинг никогда не расставался. Новая странность поразила ее, укрепив в уверенности, что вокруг творится что-то неладное.

— Сдается мне, ты кое-что знаешь, — произнесла она, и ее лицо вновь посуровело.

— Кэтти-бри! — пискнул Реджис, глядя вниз на свои волосатые ножки, болтающиеся в двадцати дюймах над полом.

— И скажешь мне об этом, — продолжала девушка.

— Кэтти-бри! — снова взмолился Реджис, надеясь образумить ее.

Кэтти-бри сгребла обеими руками ночную рубашку хафлинга, оторвала его от стены и снова с силой оттолкнула.

— Я потеряла Вульфгара, — угрюмо произнесла она, словно предупреждая Реджиса,

что от нее теперь всего можно ожидать.

Реджис не знал, что и думать. Дочь Бренора Боевого Топора всегда была самой уравновешенной в их компании, ее спокойствие на всех действовало благотворно. Даже невозмутимый Дзирт нередко брал с нее пример. Но сейчас...

Реджис видел не свойственную Кэтти-бри жесткость в глубине ее прозрачных голубых глаз.

Она снова оторвала его от стены и опять с размаху прижала к ней.

— Ты расскажешь мне все, что знаешь, — подчеркнуто спокойно произнесла она.

Затылок Реджиса уже ныл от ударов. Ему было очень, очень страшно. И за Кэтти-бри не меньше, чем за себя. Неужели горе довело ее до такого отчаяния? И зачем он только во все это ввязался? Ведь Реджису нужно от жизни так мало: теплая постель и горячий завтрак.

— Нам надо пойти посоветоваться с Брено... — Он не закончил, потому что Кэтти-бри влепила ему пощечину.

Хафлинг поднес руку к пылающей щеке и усталился на девушку, не в силах поверить в то, что произошло.

Похоже, Кэтти-бри не меньше хафлинга была поражена своей вспышкой. Ее ясные глаза наполнились слезами. Она задрожала, и Реджис испуганно ждал, что она сделает в следующую секунду. Он вдруг подумал, как сильно могут изменить человека несколько недель или даже дней.

— Дзирт пошел домой, — мягко сказал он, действуя по наитию. Беспокоиться о последствиях придется позже.

Кэтти-бри чуть-чуть смягчилась.

— Его дом здесь. Ты же не имеешь в виду Долину Ледяного Ветра?

— Я имею в виду Мензоберранзан, — уточнил Реджис.

Даже пущенная в спину стрела вряд ли поразила бы девушку сильнее, чем эти слова. Она выпустила Реджиса и, качнувшись назад, тяжело опустилась на край кровати хафлинга.

— Вообще-то он оставил Гвенвивар тебе, — сказал Реджис. — Вы обе ему очень дороги.

Но на лице Кэтти-бри по-прежнему отражался ужас. Как нужна была сейчас Реджису рубиновая подвеска! Девушка не смогла бы противостоять ее чарам и успокоилась бы.

— Но Бренору ничего говорить нельзя, — добавил он. — К тому же Дзирт, должно быть, еще не ушел далеко. — Хафлинг считал, что подсластить горькую пилюлю, пусть даже соврав, никогда не вредно. — Он сказал, что навестит леди Аластриэль и решит, куда идти.

Это было не совсем правдой, Дзирт ведь только упомянул, что может зайти в Серебристую Луну, но Реджис решил, что надо как-то обнадежить Кэтти-бри.

— Только Бренору говорить нельзя, — настойчиво повторил хафлинг. Кэтти-бри подняла на него глаза — никогда еще Реджис не видел такого отчаяния.

— Он вернется, — произнес Реджис, кинувшись к ней и садясь рядом. — Ты же знаешь Дзирта. Он вернется.

Этого Кэтти-бри уже не могла вынести. Она мягко оттолкнула руку хафлинга и встала, взглянув на стоящую на столе фигурку пантеры. У девушки не осталось сил даже на то, чтобы взять ее.

Кэтти-бри молча вышла из комнаты хафлинга, добрела до своей собственной и без сил упала на кровать.

* * *

Дзирт немного поспал днем в прохладной тени пещеры, находящейся за много миль от восточного входа в Мифрил Халл. Было самое начало лета, но воздух уже прогрелся, солнце жарко сияло в безоблачном небе, и даже ветер с ледников не казался холодным.

Дроу спал недолго и неглубоко. Ему не давали покоя мысли о Вульфгаре и остальных друзьях, тревожили забытые образы и воспоминания о жутком месте, где прошла его

молодость, — Мензоберранзане.

Жутком и прекрасном, как и сами дроу, создавшие его.

Дзирт вышел из пещеры, чтобы перекусить. Он грелся в теплых ласковых лучах, окруженный живыми звуками природы. Как все это отличалось от его дома в Подземье! И как это было чудесно!

Дзирт отшвырнул сухарь и стукнул кулаком о камень.

До чего прекрасна была обманчивая надежда, маячившая перед его взором. Единственное, к чему он в жизни стремился — так это держаться подальше от своих соплеменников и жить в мире. Вскоре после того, как он очутился на поверхности, Дзирт решил, что здесь, где жужжат пчелы и щебечут птицы, греет солнце и серебрится луна, будет его дом. Здесь, а не в непроглядно темных туннелях Подземья.

Дзирт До'Урден выбрал мир на поверхности, но что означал этот выбор? Неужели то, что он встретит новых друзей, которые станут ему бесконечно дороги, и одним своим присутствием заведет их в западню, расставленную мраком его прошлого? Вульфгар погиб по вине сестры Дзирта, а вскоре и всему Мифрил Халлу будет грозить опасность.

Это означало, что он сделал ложный выбор и не может здесь больше оставаться.

Однако закаленный воин быстро заставил себя успокоиться и продолжил трапезу, насильно заставляя себя есть, несмотря на душивший его гнев. За едой он раздумывал, куда направиться. Дорога прямо перед ним выведет его из гор и пройдет мимо деревни под названием Пенгаллен. Дзирт уже был там недавно, и снова идти туда ему не хотелось.

В конце концов он подумал, что вовсе сойдет с дороги. Что толку идти в Серебристую Луну? Дзирт сомневался, что застанет там леди Аластриэль, ведь сезон торговли был в самом разгаре. Да и что она может сказать ему такого, чего он сам не знал?

Нет, Дзирт уже все для себя решил и вовсе не нуждается в том, чтобы Аластриэль одобрила его намерения. Он собрал свои вещи и вздохнул, вновь подумав о том, каким унылым будет путь без его дорогой спутницы — пантеры. Дроу вышел на яркий свет и направился на восток, сойдя с торной дороги.

* * *

Она даже не почувствовала голода, пропустив и завтрак, и обед, и продолжала неподвижно лежать на кровати, подавленная отчаянием. Всего за несколько дней до свадьбы она потеряла Вульфгара, а вот теперь Дзирт, которого она любила не меньше юного варвара, тоже покинул ее. Похоже, весь мир вокруг рушился. То, что казалось выстроенным из камня, на деле рассыпалось под дуновением ветра, как песок.

Всю свою недолгую жизнь Кэтти-бри была воином. Она совсем не помнила матери и смутно помнила отца, убитого во время набега гоблинов на Десять Городов, когда она была еще ребенком. Бренор Боевой Топор взял ее к себе, растил, как родную дочь, и Кэтти-бри хорошо жилось среди дворфов его клана. Но все дворфы, за исключением, конечно, Бренора, были для нее друзьями, а не семьей. Со временем у девушки появилась новая семья — первым в нее вошел Бренор, потом Дзирт, затем Реджис и, наконец, Вульфгар.

А теперь Вульфгар мертв, а Дзирт ушел обратно на свою ужасную родину. Без особой надежды на возвращение, как понимала Кэтти-бри.

И она ничего не могла с этим поделать! Она видела, как умирал Вульфгар, видела, как он обрушил каменный навес себе на голову, чтобы его друзья могли спастись от щупальцев чудовищной йоклол. Кэтти-бри пыталась помочь любимому, но у нее ничего не вышло, и все, что осталось ей, была груда камней и Клык Защитника.

Несколько недель после этого Кэтти-бри едва справлялась с собой, не в силах одолеть охватившее ее горе. Она часто начинала плакать, но обычно, глубоко вздохнув после нескольких всхлипов, усилием воли заставляла себя успокоиться. Разговаривала она только с Дзиртом.

А сейчас Дзирт ушел, и Кэтти-бри расплакалась, разразившись целым потоком слез и

сотрясаясь всем телом. Пусть Вульфгар вернется! Она кляла всех богов, какие только могли ее слышать, за то, что забрали его у нее таким молодым, когда впереди его ждало еще столько великих свершений!

Постепенно ее плач стал похож на рычание. Она разбросала по комнате подушки, потом сгрэбла в кучу одеяла с кровати и швырнула их на пол. Затем перевернула кровать, чтобы с удовольствием услышать, с каким треском ломается дерево, ударившись о каменный пол.

— Нет! — Вопль вырвался из самой глубины ее души. Какая несправедливость, что Вульфгара нет, а она, Кэтти-бри, бессильна что-либо сделать.

И то, что Дзирт ушел, тоже несправедливо, и она снова ничего не может...

Вдруг Кэтти-бри остановилась. Все еще дрожа, но уже справившись с собой, она застыла над перевернутой кроватью. Она поняла, почему Дзирт ушел, не сказав никому ни слова, почему он, как всегда, взвалил на себя весь груз.

— Нет, — уже спокойно, словно что-то решив, повторила девушка, сбросила ночную рубашку, потом натянула штаны и блузу. Она намеренно не задумывалась над тем, что делает, боясь, что размышления заставят ее переменить решение. Девушка торопливо надела тонкую легкую мифриловую кольчугу, так искусно сделанную дворфскими мастерами, что она была почти неощутима под верхней свободной рубахой.

Лихорадочно мечась по комнате, Кэтти-бри натянула сапоги, схватила плащ, кожаные перчатки и бросилась к шкафу. Оттуда она достала пояс с мечом, колчан и свой зачарованный лук, Тулмарил Искатель Сердец. Она выскочила из комнаты и помчалась к двери хафлинга. Стукнув всего один раз, девушка ворвалась внутрь.

Реджис — ничего удивительного — снова был в постели, и под одеялом круглился его животик, куда недавно попал завтрак, плавно перешедший в обед. Однако он не спал и не выказал особой радости, увидев приближающуюся к нему Кэтти-бри.

Она рывком посадила его, и он с любопытством посмотрел на девушку. На ее щеках видны были следы слез, а белки чудесных голубых глаз покраснели. Реджис, сколько себя помнил, был вором, и сама его жизнь зависела от того, насколько хорошо он понимает людей, поэтому ему несложно было догадаться, что стоит за неожиданным воодушевлением девушки.

— Куда ты засунул пантеру? — требовательно спросила Кэтти-бри.

Реджис молча смотрел на нее, и Кэтти-бри грубовато встряхнула его.

— Быстро отвечай! — велела она. — Я и так уже потеряла много времени.

— Для чего она тебе? — уточнил Реджис, хотя и сам знал ответ.

— Не болтай, а давай сюда кошку, — сказала Кэтти-бри. Реджис бессознательно глянул на бюро, и Кэтти-бри бросилась туда, распахнула его и стала один за другим вытряхивать ящики.

— Дзирту это не понравится, — спокойно заметил Реджис.

— Тогда пусть катится в Девять Проклятых Кругов! — огрызнулась Кэтти-бри. Она отыскала фигурку и поднесла к глазам, любуясь ее безупречной формой.

— Думаешь, Гвенвивар приведет тебя к Дзирту, — почти утвердительно произнес Реджис.

Кэтти-бри опустила статуэтку в кармашек на поясе и не удостоила хафлинга ответом.

— Предположим, ты его нагонишь, — продолжал он, пока девушка шла к двери. — И чем ты поможешь Дзирту в городе дроу? Тебе не кажется, что женщина из рода людей будет смотреться там несколько необычно?

Последнее саркастическое замечание остановило Кэтти-бри, и она в первый раз задумалась над тем, во что собиралась ввязаться. Реджис прав! Как же она попадет в Мензоберранзан? А даже если и попадет, она ведь потолка над головой там не разглядит!

— Не важно! — упрямо выкрикнула Кэтти-бри, не слушая доводов разума. — Я все равно пойду! Не могу же я сидеть и ждать, пока погибнет еще один мой друг!

— Не сомневайся в нем! — взмолился Реджис, впервые испугавшись, что ему не

удастся отговорить стремительную девушку.

Кэтти-бри тряхнула волосами и снова направилась к двери.

— Подожди! — жалобно крикнул Реджис, и девушка обернулась. Хафлинг застыл в нерешительности. Он понимал, что надо бы бежать и звать на помощь Бренора, Дагнабита или других дворфов, чтобы удержать Кэтти-бри. Если понадобится, даже силой. Она же помешалась; идти за Дзиртом — совершенное безрассудство.

Но Реджис понимал ее нетерпение и всем сердцем сочувствовал ей.

— Если бы ушла я, — начала Кэтти-бри, — то Дзирт пошел бы следом и...

Реджис кивнул в знак согласия. Если бы Кэтти-бри или любой из них отправился туда, где грозила несомненная опасность, Дзирт До'Урден ни секунды не медля бросился бы следом и принял бой с любым врагом, даже если бы перевес был не на его стороне. Дзирт, Вульфгар, Кэтти-бри и Бренор пересекли чуть не половину материка в поисках Реджиса, когда его похитил Энтрери.

Хафлинг знал Кэтти-бри еще с той поры, когда она была ребенком, и всегда очень высоко ценил ее, но в эту минуту он по-настоящему гордился ею.

— В Мензоберранзане человек будет помехой Дзирту, — повторил он.

— А мне плевать, — едва слышно отозвалась Кэтти-бри. Она не поняла, к чему клонил Реджис.

Он соскочил с кровати и направился к Кэтти-бри. Она дернулась, думая, что он хочет удержать ее, но он пробежал мимо нее к бюро и выдвинул один из нижних ящиков.

— Вот и надо перестать быть человеком! — победоносно заключил хафлинг и бросил Кэтти-бри волшебную маску.

Кэтти-бри поймала ее и озадаченно разглядывала, пока Реджис снова промчался мимо нее к своей кровати.

Этой маской воспользовался Энтрери, чтобы проникнуть в Мифрил Халл, и при помощи ее волшебной силы так правдоподобно притворился Реджисом, что все друзья хафлинга, включая самого Дзирта, до поры до времени не замечали подвоха.

— Дзирт действительно направляется в Серебристую Луну, — произнес Реджис.

Кэтти-бри удивилась, так как полагала, что Дзирт просто спустится в Подземье через нижние уровни Мифрил Халла. Но, хорошенько подумав, поняла, что это невозможно, поскольку Бренор выставил в нижних туннелях усиленную стражу и приказал, чтобы все двери были заперты.

— Возьми еще кое-что, — сказал Реджис, и девушка, прикрепив маску к поясу и повернувшись к кровати, увидела, что он стоит на разворошенной постели и держит в руках красивый, богато украшенный самоцветами кинжал.

— Мне он не понадобится, — пояснил Реджис. — По крайней мере здесь, где я под защитой Бренора и тысяч его воинов. — Он протянул ей клинок, но Кэтти-бри взяла его не сразу.

Девушка и раньше видела этот кинжал, он принадлежал Артемису Энтрери. Однажды он даже был приставлен к ее горлу. Тогда, перед лицом убийцы, куда-то улетучилась вся ее отвага, и она почувствовала себя беззащитной маленькой девочкой. Кэтти-бри боялась, что неприятные воспоминания не дадут ей покоя, если она возьмет эту вещь с собой.

— Энтрери больше нет, — подбодрил ее Реджис, не совсем понимая, почему она медлит.

Кэтти-бри рассеянно кивнула, хотя сама все еще была мыслями в том далеком дне, когда Энтрери сделал ее своей пленницей. Она помнила этого человека, теперь неизменно ассоциировавшегося у нее с абсолютным злом. Какой беспомощной она была... совсем как в ту минуту, когда на Вульфгара с грохотом обрушился каменный навес. Что ж, неужели она будет такой же беспомощной и сейчас, когда она, наверное, нужна Дзирту?

Кэтти-бри стиснула зубы и взяла кинжал. Она крепко сжала его, а потом заткнула за пояс.

— Не смей говорить Бренору! — предупредила она.

— Он все равно узнает, — возразил Реджис. — Про Дзирта я бы еще сочинил что-нибудь — он ведь часто уходит, но Бренор быстро поймет, что тебя тоже нет.

Возразить было нечего, но Кэтти-бри это уже не волновало. Нужно догнать Дзирта. Только так она снова совладеет с собственной жизнью, внезапно перевернувшейся с ног на голову.

Она бросилась к кровати, с силой прижала к себе Реджиса и горячо поцеловала его в щеку.

— Прощай, мой друг! — воскликнула она, снова опуская его на постель. — Прощай!

И стремительно вышла, а Реджис так и остался сидеть, подпирая подбородок пухлыми ручками. Один день — и такие перемены. Сначала Дзирт, а потом Кэтти-бри! Вульфгара больше нет, и теперь из их дружной пятерки в Мифрил Халле остались только двое — Реджис да Бренор.

Бренор! Реджис упал на бок и застонал. При мысли о могучем дворфе хафлинг даже закрыл личико руками. Если только Бренор узнает, что Реджис помог его дочери в этом опасном предприятии, то разорвет его на клочки.

Реджис и представить себе не мог, что скажет королю дворфов. Он вдруг пожалел о том, что сделал, пожалел, что не прислушался к голосу разума. Он знал, что поступил правильно, дав Кэтти-бри уйти, чувствовал, что ей было необходимо последовать за Дзиртом — в конце концов она взрослая женщина и прекрасная воительница. Если она действительно этого хочет — пусть, но как объяснить случившееся Бренору?

Хафлинг подумал, что и Дзирт его тоже не понял бы, и снова застонал. Он нарушил данное дроу слово, раскрыл тайну в первый же день! И по его вине Кэтти-бри теперь в опасности.

— Дзирт меня убьет! — запричитал он.

Из-за косяка высунулась головка Кэтти-бри, на ее лице была широкая лукавая улыбка, а ведь Реджис уже успел позабыть, как она улыбается. Она снова была полна воодушевления, такая, какой все ее помнили и любили: преисполненная жизни молодая женщина. До того мига, когда груда камней погребла под собой Вульфгара. Даже краснота в глазах девушки пропала, зато появились веселые искорки.

— Тогда надейся, что за этим Дзирт и вернется! — пропела она, послала Реджису воздушный поцелуй и убежала.

— Подожди! — не очень уверенно выкрикнул хафлинг. Вообще-то он был рад, что Кэтти-бри не остановилась. Он по-прежнему считал, что поступил неразумно, даже глупо, и понимал, что перед Бренором и Дзиртом отвечать все равно придется, но, увидев эту прощальную улыбку и живые искорки в глазах девушки, перестал об этом беспокоиться.

Глава 3

МАТЬ БЭНР БЛЕФУЕТ

Наемник подошел к территории Дома Бэнр с западной стороны и, прячась в тени, приблизился к серебристой паутине, отгораживавшей ее со всех сторон. Как и любой другой дроу, Джарлакс в который раз был поражен великолепием Дома, включавшего в себя двадцать гигантских пустотелых сталагмитов и тридцать богато украшенных сталактитов. Он занимал огромную площадь, по меркам Подземья, где пространство ценилось превыше всего, — почти полмили в длину и вдвое меньше в ширину.

Все в постройках Дома Бэнр было чудесно. Строители не упустили из виду ни одной мелочи; рабы без передышки трудились над новыми орнаментами там, где поверхности еще не были украшены. Творения магии, которыми здания были обязаны Громфу, старшему сыну Матери Бэнр и Архимагу Мензоберранзана, были не менее великолепны. Он же расставил в нужных местах световые акценты сиреневого и голубого феерического огня, подчеркивавшие общее величие построек и внушавшие благоговение.

Двадцатифутовая ограда, казавшаяся крохотной по сравнению с громадными

сталагмитами, была одной из диковин Мензоберранзана. Ходили слухи, что это был подарок самой Ллос, хотя все в городе, кроме, пожалуй, самой «ископаемой» Матери Бэнр, были слишком молоды, чтобы знать, как она появилась. Ограда была сделана из струн толщиной с руку дроу, не уступавших по крепости железу. Она была заколдована так, что схватывала свою жертву и держала ее прочнее любой паутины. Даже острейшее оружие дроу, которому не было равных, пожалуй, во всем мире, не способно было рассечь струны ограды Дома Бэнр, и, будучи пойманным, никакое, даже самое сильное чудовище, гигант или даже дракон, не могло надеяться на то, что вырвется.

Обычно посетители Дома Бэнр подходили к каким-нибудь из находящихся в нескольких местах двустворчатых ворот. Здесь стражник произносил пароль на этот день, и струны ограды разворачивались наружу, открывая отверстие.

Но Джарлакс не был обычным посетителем, и Мать Бэнр подчеркнула, что его визиты должны оставаться в тайне. Он стоял в тени, и прошедшие мимо часовые не заметили его. Они не слишком-то бдительны, отметил про себя наемник, хотя им это и ни к чему, ведь все равно никто не осмелился бы напасть на Дом. В войске Бэнр было по меньшей мере две с половиной тысячи умелых, отлично вымуштрованных солдат и шестнадцать жриц высшего ранга вдобавок. Ни один Дом во всем Мензоберранзане — даже пять правящих Домов вместе — не мог похвастаться подобной мощью.

Наемник мельком глянул на Нарбондель, чтобы узнать, сколько еще ему осталось ждать. Едва он повернулся, послышался высокий и чистый звук рожка, потом другой.

Изнутри донеслось тихое пение, и все пехотинцы поспешили на свои позиции, стали навтыжку и подняли оружие перед собой, согласно церемониалу. Это представление должно было продемонстрировать славу Мензоберранзана, показать, что подозрения возможных врагов в том, что темные эльфы слишком большие индивидуалисты и не способны сплотиться для общего дела, безосновательны. Наемники не-дроу, в основном серые дворфы, не жалели золота и драгоценных камней на то, чтобы только посмотреть на смену караула Дома Бэнр.

Вспышки оранжевого, красного, зеленого, синего и фиолетового цветов побежали вверх по сталагмитам, встречаясь с такими же вспышками, струящимися сверху, с зубчатых сталактитов. Эта феерия возникала благодаря волшебным светящимся знакам Дома Бэнр на форме охранников, которые поднимались к самому своду пещеры, сидя верхом на подземных ящерах, с одинаковой легкостью передвигавшихся по полу, стенам и потолкам.

Музыка не умолкала. Сияние сливалось в узоры, перемещавшиеся вверх и вниз, многие из них были похожи на пауков. Это событие случалось дважды в день, и всякий дроу, находившийся поблизости, замедлял шаг, чтобы полюбоваться великолепным зрелищем. В Мензоберранзане смена караула Дома Бэнр символизировала одновременно невероятную мощь Дома и непреклонную преданность всего города Ллос, Паучьей Королеве.

Джарлакс, как и велела ему Мать Бэнр, воспользовался тем, что всеобщее внимание было сосредоточено на представлении, и никем не замеченный подкрался к ограде. Он спустил свою широкополую шляпу за спину и надел бархатистую черную маску с восемью отростками по сторонам. Бросив быстрый взгляд вокруг, наемник стал подниматься, цепляясь руками за толстые струны, как будто они были простой железной решеткой. Никакими другими волшебными заклятиями нельзя было этого добиться, миновать забор было невозможно ни при помощи левитации, ни телепортации, ни другими способами магических перемещений. Только эта паучья маска, чрезвычайно редкая и ценная, одолженная Джарлаксу Громфом Бэнром, могла перенести любого на неприступную территорию Дома.

Джарлакс перекинул ногу через край забора и скользнул на другую сторону. И тут же застыл на месте, увидев слева оранжевое свечение. Проклятье, неужели его поймали! Сам стражник не представлял никакой опасности — ведь все здесь хорошо знали главаря Брегана Д'эрт, но если Мать Бэнр узнает, что он попался, она вполне может снять с него с живого кожу.

Свет рядом почти тотчас же погас, и, когда зрение наемника привыкло к цветному мельканию, он разглядел красивого юношу с аккуратно подстриженными волосами, сидевшего на большом ящере и державшего в руке десятифутовое копье. Копье было зачаровано, Джарлакс это знал и видел в инфракрасном свете, как дрожит в предвкушении убийства его смертоносный, острый, как лезвие, наконечник.

Привет тебе, Бергиньон Бэнр, показал знаками языка жестов наемник. Бергиньон был младшим сыном Матери Бэнр, начальником «кавалерии» Дома, они с Джарлаксом хорошо друг друга знали и не питали взаимной враждебности.

И тебе, Джарлакс, ответил Бергиньон. *Ты, как всегда, точен.*

Того требует твоя мать, отозвался Джарлакс. Бергиньон ухмыльнулся в ответ и махнул наемнику, чтобы тот проходил, а сам пришпорил своего ящера и помчался вверх.

Джарлаксу нравился младший из мужчин Бэнр. За последнее время он много дней провел вместе с юношей, учась у него, поскольку Бергиньон когда-то был одноклассником Дзирта До'Урдена в Мили-Магтир и часто сражался с ним в учебных поединках. Движения Бергиньона в бою были стремительны и почти совершенны, и Джарлакс проникся еще большим уважением к предателю-дроу, зная, что тот неоднократно побеждал молодого Бэнра.

Джарлакс почти жалел, что Дзирт скоро умрет.

Оказавшись по ту сторону ограды, наемник снял маску и положил ее в мешочек. Он непринужденно шел по территории Дома, так и не надев свою знаменитую шляпу и получше запахнув плащ, чтобы спрятать рубашку без рукавов. Однако лысую голову не спрячешь, а поскольку дроу не брили волос, он понимал, что многие стражники его узнали, пока он продвигался к самому большому из сооружений — огромному великолепному сталагмиту, где жила знать Дома Бэнр.

Стража там, однако, не заметила его или только притворилась, что не заметила, если ей велели. Джарлакс чуть было не рассмеялся вслух: скольких хлопот можно было избежать, пройди он просто через ворота. Ведь все, включая Триль, отлично знали, что он здесь появится. Все это лишь игра, интриги, притворство, а главным игроком была Мать Бэнр.

— З'ресс! — выкрикнул наемник пароль, слово, обозначающее на языке дроу «силу», и толкнул каменную дверь, которая мгновенно поднялась вверх.

Проходя по узкому коридору, Джарлакс снова надел шляпу и касался ее полей кончиками пальцев, приветствуя невидимую охрану (скорее всего громадных быкоподобных рабов, которых предпочитала Мать Бэнр), наверняка направивших на него смертоносные копья из нескольких узких бойниц.

Внутри строение было ярко освещено, и Джарлаксу пришлось подождать, пока его глаза не привыкнут к обычному спектру. Мимо сновали десятки женщин-дроу, одетых в серебристо-черную форму Дома, плотно облегающую их сильные, гибкие тела. Все глаза обратились к нему — в Мензоберранзане многие желали бы заполучить главаря Брегана Д'эрт. Женщины бросали на него похотливые взоры, и Джарлакс закусил губу, чтобы не рассмеяться. Многих мужчин задевали такие плотоядные взгляды, но наемник считал, что откровенное сластолюбие женщин было ему только на руку.

Подойдя к большой черной колонне в самой середине круглого центрального зала, он провел рукой по гладкому мрамору и нащупал пластинку, нажатием на которую открывалась дверь.

Внутри колонны Джарлакс увидел Дантрага Бэнра, оружейника Дома, непринужденно прислонившегося спиной к стене. Наемник сразу понял, что Бэнр ожидал его. Как и младший брат, Дантраг был красив, высок ростом (ближе к шести футам, чем к пяти) и строен, с отлично тренированными мускулами. Его глаза имели необычный янтарный оттенок, но в моменты воодушевления становились красными. Длинные белые волосы сзади были стянуты в хвост.

Как оружейник Дома Бэнр, Дантраг был снаряжен для боя лучше всех дроу города. Когда он двигался, на нем поблескивала черная мифриловая кольчуга, с такой точностью

повторявшая все изгибы тела, что казалась второй кожей. На украшенном драгоценными камнями поясе были прикреплены два меча. Только один из них был сделан мастерами-дрои, но зато это было едва ли не самое совершенное их творение из всех, когда-либо виденных Джарлаксом. Второй, как поговаривали, когда-то принадлежал жителю поверхности и был наделен собственной волей и жадой убийства. Кроме того, он мог легко отсекать куски камня и при этом нисколько не тупился.

Воин вскинул руку, приветствуя наемника. При этом показался один из его волшебных поручей, сделанных из туго затянутых черных ремешков, унизанных мифриловыми колечками. Дантраг никогда не говорил, для чего они. Многие думали, что они обеспечивают ему магическую защиту и благодаря им он чаще побеждает. Джарлак видел, как дерется Дантраг, и был склонен верить этому.

Но может, они и ни при чем, потому что и без всяких волшебных уловок Дантраг Бэнр был, бесспорно, одним из лучших воинов Мензоберранзана. Раньше его главным соперником был Закнафейн До'Урден, отец и наставник Дзирта, но Закнафейна больше не было в живых, его принесли в жертву за кощунства по отношению к Паучьей Королеве. Теперь достойным противником Дантрага считался лишь великан и силач Утегенталь, оружейник Барризон Дель'Армго, второго Дома Мензоберранзана. Зная, насколько честолюбивы оба воина, Джарлак подозревал, что однажды они сойдутся где-нибудь в тайном месте на смертный бой только для того, чтобы решить, кто же из них лучший.

Наемнику было бы любопытно посмотреть на это зрелище, хотя понять подобную гордость он никогда бы не смог. Многие из тех, кто видел наемника в бою, сказали бы, что он мог поспорить с обоими, но Джарлак ни во что подобное никогда бы не ввязался. Сражаться из гордости казалось ему глупостью, особенно если таким отличным оружием и с такими способностями можно добиться гораздо более вещественных ценностей. Вот хотя бы эти поручи, подумал Джарлак. Может, они-то и помогут Дантрагу снять с тела Утегенталя все ценное?

Все возможно с помощью магии. Продолжая разглядывать Дантрага, Джарлак улыбнулся — он любил всякие волшебные диковинки, а Дом Бэнр был буквально набит ими.

Вот, например, этот пустотелый цилиндр, где он сейчас стоит. На первый взгляд, всего лишь ничем не примечательная круглая комната, с одним отверстием в потолке, чуть левее Джарлакса, и одним — в полу, чуть правее.

Дантраг сделал приглашающий жест рукой налево, и Джарлак встал под отверстием. Магическая волна подхватила его и медленно подняла в воздух, перенесла на второй этаж громадного сталагмита. Внутренность цилиндра здесь ничем не отличалась от того, который остался внизу, и Джарлак быстро перешел к такому же отверстию в потолке, чтобы подняться на третий этаж.

Дантраг появился на втором, когда Джарлак уже тихо воспарил на третий, и еле успел ухватить наемника за рукав, когда тот уже собирался выйти из цилиндра. Дантраг кивком показал на потолок, откуда путь шел на четвертый этаж, в личные покои Матери Бэнр.

Медленно левитируя вслед за оружейником на четвертый уровень, Джарлак раздумывал, почему Мать Бэнр вызвала его туда, в личный тронный зал, хотя обычно принимала посетителей на третьем этаже.

У Матери Бэнр уже есть один гость, пояснил Дантраг на языке жестов, когда голова наемника показалась над полом.

Джарлак последовал за оружейником, но тот не пошел прямо к двери, а вынул из мешочка горсть отсвечивавшей серебром пыли. Подмигнув Джарлаксу, он подбросил ее в воздух. На фоне черной стены пыль рассыпалась искрами и прихотливо завертелась в воздухе, образуя серебристый рисунок в виде паутины. Потом в паутине появилось отверстие, почти так же, как в знаменитой огаде.

После тебя, вежливо предложил Дантраг.

Джарлак внимательно посмотрел на хитрого воина, соображая, нет ли здесь подвоха. Совершенно очевидно, что это — вход в другое измерение, и может, войдя туда, он окажется

на каком-нибудь адском уровне бытия?

Дантраг остался невозмутим, и обычно столь пронизательный Джарлак не смог ничего прочесть на его красивом, точеном лице с высокими решительными скулами. Но в конце концов наемник решил, что оружейник не опустится до того, чтобы просто отправить его в небытие. Если бы ему понадобилось убрать кого-нибудь с дороги, он воспользовался бы оружием, а не колдовскими фокусами.

Вслед за Джарлаком сын Бэнр тоже вошел в крошечный межуровневый «мешок», соединявшийся с тронным залом Матери Бэнр. Держась за серебристую нить, Дантраг провел наемника к его дальнему концу, откуда можно было видеть все помещение.

Дряхлая Мать Бэнр сидела на большом сапфировом троне. Ее лицо было испещрено тысячами морщин. Но не она привлекла внимание наемника, а трон, и он, даже не отдавая себе отчета, облизнулся. Заметив это, Дантраг хихикнул, поняв, что так соблазнило наемника. На обоих подлокотниках трона сияли огромные бриллианты, каждый весом не меньше тридцати каратов.

Сам трон был вырезан из черного сапфира чистой воды. В его прозрачной тьме извивались причудливые очертания; говорили, что это страдающие души тех, кто предал Ллос. Несчастные при жизни были превращены в жутких драуков, а после смерти помещены в угольно-черное пространство трона Матери Бэнр.

Эти мысли несколько отрезвили наемника; он мог мечтать, но никогда бы не свалил дурака, попытавшись стащить один из этих бриллиантов! И только потом он перевел взгляд на саму Мать Бэнр. За ее спиной стояли два неприметных писца и без усталости работали. Слева от нее стояла Бладен Керст, старшая из живших в Доме дочерей, третья, после Триль и Громфа, чадо Матери. Еще больше, чем Триль, Джарлак не любил Бладен Керст за ее кровожадность, не знавшую никакой меры. Несколько раз ему даже казалось, что он бы убил ее, если бы пришлось защищаться. Правда, тяжелых последствий было бы не миновать, но наемник подозревал, что Мать Бэнр в глубине души не прочь избавиться от жестокой Бладен Керст. Даже властной главе Дома подчас с трудом удавалось управлять ею.

Справа от Матери Бэнр стоял еще один персонаж из тех, кого Джарлак терпеть не мог. Это был иллидид Метил Эль-Видденвельп, осьминогочелюстный советчик матери. На нем, как всегда, было простое малиновое одеяние с длинными рукавами, под которыми он скрывал мерзкие тощие ручонки с тремя когтями. Джарлак был бы только рад, если бы этот урод надевал еще маску и капюшон. Каждый раз, глядя на его багровую грушевидную голову с четырьмя щупальцами на месте рта и совершенно белыми глазами без зрачков, наемник испытывал неодолимое отвращение. Вообще-то, когда светила какая-то выгода, Джарлак был вполне способен не обращать внимания на внешность, но все же предпочитал не иметь никаких дел с уродливыми, загадочными и чрезвычайно опасными иллидидами.

Большинство дроу испытывали к иллидидам такие же чувства, и Джарлака вдруг поразило, почему это Эль-Видденвельп занимает сейчас такое почетное место рядом с Матерью Бэнр. Однако, разглядев стоящую перед троном женщину-дроу, он все понял.

Она была худенькой и невысокой, даже ниже Триль, и уж конечно слабее. На ней были скромные черные одежды — облачение, не приличествующее Матери Дома. Однако эта женщина, Кьорл Одран, на самом деле возглавляла Облодру, третий Дом Мензоберранзана.

Кьорл? — знаками спросил изумленный наемник у Дантрага. Кьорл была одной из самых презираемых правительниц Мензоберранзана. Мать Бэнр испытывала к ней личную ненависть и не раз открыто выражала надежду, что без вечно досаждающей Одран в Мензоберранзане будет только лучше. Единственным, что удерживало Дом Бэнр от уничтожения Облодры, был загадочный ментальный дар, которым владели женщины третьего Дома. Если кто и мог понять сокровенные мысли непроницаемой и непредсказуемой Кьорл, так это иллидид, Эль-Видденвельп.

— Триста, — произнесла Кьорл.

Мать Бэнр с кислым видом откинулась на спинку трона:

— Жалкие крохи.

— Половина моих рабов, — возразила Кьорл с обычной ухмылкой, говорившей о том, что Кьорл, такая с виду простушка, лжет.

Мать Бэнр закудаhtала, потом резко оборвала сама себя. Подавшись вперед и положив руки на сказочно красивые камни, она гневно посмотрела на стоящую перед ней женщину. Ее ярко-красные глаза превратились в узкие щелки. Что-то еле слышно прошептав, она убрала одну ладонь с бриллианта. Великолепный камень вспыхнул огнем, из него появился фиолетовый луч и ударил в неприметного слугу Кьорл. Тот, крича и вскидывая руки, потонул в бесконечных фиолетовых арках потрескивающих энергетических разрядов.

Мать Бэнр приподняла вторую ладонь, и за первым лучом последовал второй. Теперь от несчастного дроу остались только фиолетовые очертания.

Джарлакс наблюдал за Кьорл. Она нахмурилась и закрыла глаза, но почти тотчас же открыла их и недоуменно уставилась на Эль-Видденвельпа. Наемник был достаточно сведущ, чтобы понять — между ними в мгновение ока разыгралась настоящая ментальная схватка, и похоже, «прорицатель сознания» вышел из нее победителем.

Бедный слуга уже был слабой тенью, а миг спустя и вовсе исчез.

Во взгляде Кьорл Одран зажглась ярость, она, казалось, вот-вот взорвется, но Мать Бэнр даже не дрогнула.

Неожиданно Кьорл широко ухмыльнулась и беспечно заявила:

— Он был всего лишь мужчиной.

— Кьорл! — рявкнула Бэнр. — Это дело угодно Ллос и ты обязана принять в нем участие!

— Угрожаешь?

Мать Бэнр поднялась с трона и встала прямо напротив дерзкой Одран. Она поднесла руку к щеке Матери Облодры, и сдержанная Кьорл вздрогнула против воли. На пальце Матери Бэнр было надето большое золотое кольцо, четыре разорванные полоски которого шевелились, как восемь живых паучьих лапок. В центре блеснул громадный черный сапфир. Кьорл знала, что в этом кольце заключена живая велшаресс оррб, царица пауков, родня «черной вдовы» из поверхностного мира, только гораздо более опасная.

— Тебе должна быть понятна важность этого дела, — проворковала Мать Бэнр.

К изумлению Джарлакса (он заметил, что рука Дантрага непроизвольно легла на эфес меча, как будто он хотел выскочить из межуровневого «мешка» и убить непокорную), Кьорл отбросила руку Матери Бэнр.

— Барризон Дель'Армго согласны, — спокойно сказала Мать Бэнр, вскинув руку, чтобы остановить свою дочь и советника.

Кьорл усмехнулась, понимая, что Бэнр блефует, но ей все же неприятно было слышать, что первый и второй Дома могут объединиться ради предприятия, в котором она не желала участвовать.

— И Фэн Тлаббар тоже, — хитро добавила Мать Бэнр, назвав четвертый Дом, являвшийся ненавистным соперником Облодры. Это была открытая угроза, потому что при поддержке Дома Бэнр и Дома Барризон Дель'Армго Фэн Тлаббар с легкостью победит третий Дом и займет его место в городской иерархии.

Не отрывая взгляда от Кьорл Одран, Мать Бэнр вернулась в свое кресло.

— В моем распоряжении не так уж много дроу, — произнесла Кьорл, и Джарлакс впервые увидел, как эта выскочка пошла на попятный.

— Знаю, но у тебя много пушечного мяса — кобольдов! — осадила ее Мать Бэнр. — И не смей прикидываться, что их только шестьсот. Туннели под Домом Облодра в Клорифте огромны.

— Я дам тебе три тысячи, — ответила Кьорл, по-видимому решив торговаться по-крупному.

— Мне надо в десять раз больше! — взревела Бэнр.

Кьорл промолчала, только склонила голову и несколько заносчиво посмотрела на нее.

— Я настаиваю на двадцати тысячах, не меньше, — сказала Мать Бэнр, кладя конец

торговле. — Оборону дворфов не так-то просто сломить, и нам потребуется много пушечного мяса, чтобы пробиться вперед.

— Не слишком ли велика цена?

— Двадцать тысяч кобольдов не стоят далее одной жизни дроу, — бросила Бэнр и уже исключительно ради эффекта добавила: — В глазах Ллос.

Кьорл зловеще прищурилась и хотела что-то сказать, но старуха оборвала ее.

— Избавь меня от своих угроз! — взвизгнула она, вытянув вперед тощую морщинистую шею. — В глазах Ллос это предприятие неизмеримо важнее, чем борьба Домов между собой, и клянусь тебе, Кьорл, что в случае неповиновения Дом Облодра уступит свое место Дому Тлаббар!

Джарлакс изумленно раскрыл глаза и оглянулся на Дантрага, который лишь пожал плечами. Никогда прежде наемнику не доводилось слышать — ни самому, ни в чьем-либо пересказе — столь открытой угрозы одного Дома другому. На этот раз Кьорл не нашлась что ответить и даже не смогла выдавить из себя обычную ухмылку. Наблюдая за хрупкой женщиной, молчавшей и изо всех сил старавшейся не выдать своих чувств, Джарлакс понял, что это начало анархии. Кьорл Одран и Дом Облодра не скоро забудут это оскорбление, а при высокомерии Матери Бэнр обиды другим Домам не замедлят себя ждать. Вспоминая свою встречу с крайне обеспокоенной Триль, наемник теперь гораздо лучше понимал, какое взрывоопасное наследство она может получить.

— Двадцать тысяч, — тихо согласилась Кьорл, — если только мне удастся собрать этих крыс в таком количестве.

Сразу после этих слов Мать Облодры удалилась. Едва она вошла внутрь мраморного цилиндра, Дантраг выпустил из пальцев кончик серебряной нити и выбрался из «мешка» в тронный зал.

Джарлакс, неслышно шагая, последовал за ним. У трона он отвесил глубокий поклон, обмахнув пол пером диатримы, свешивавшимся с поля его знаменитой шляпы.

— Необыкновенное зрелище, — приветствовал он Мать Бэнр. — Не могу передать, как я счастлив, что мне было позволено...

— Заткнись! — все еще полыхая злобой, оборвала его старуха и откинулась на спинку трона.

Улыбаясь, наемник замолчал, всем своим видом изображая внимание.

— Кьорл неподатлива, и это опасно, — сказала Мать Бэнр. — От дроу ее Дома я почти ничего не прошу, хотя их непонятный ментальный дар мог бы оказаться полезным, чтобы сломить волю упорных дворфов. Все, что мне нужно от них, — это кобольды, из них можно создать живой щит, а раз этот сброд плодится, как паршивые крысы, то невелика потеря.

— А что будет после победы? — отважился полюбопытствовать Джарлакс.

— Это зависит от самой Кьорл, — быстро ответила Бэнр. Она взмахнула рукой, чтобы все, включая писцов, вышли из комнаты и решили бы, что она намеревается дать Джарлаксу задание следить за Домом Облодра.

Все, за исключением Бладен Керст, бросившей на наемника злобный взгляд, послушно подчинились и вышли. Бладен Керст ненавидела Джарлакса точно так же, как и остальных мужчин-дроу, которые, по ее мнению, годились лишь на то, чтобы подвергать их изощренным пыткам.

Наемник передвинул повязку на другой глаз и недвусмысленно подмигнул в ответ.

Бладен Керст тут же посмотрела на мать, словно прося позволения избить наглеца до бесчувствия, но старуха жестом приказала ей удалиться.

— Тебе угодно, чтобы Бреган Д'эрт не спускала глаз с Облодры, — сделал вывод Джарлакс, когда они остались вдвоем. — Дельце не из легких...

— Нет, — перебила Мать Бэнр. — Даже Бреган Д'эрт будет непросто следить за этим загадочным Домом.

Наемник был рад, что она сама это признала. Он секунду подумал над этим неожиданным ответом, а потом широко улыбнулся и даже согнулся в новом поклоне,

отдавая дань умению старухи плести интриги. Она хотела, чтобы все остальные, и в особенности Эль-Видденвельп, считали, что она прикажет Бреган Д'эрт шпионить за Облодрой. Так она отвлечет внимание Кьорл, которая утратит бдительность, гоняясь за несуществующими призраками.

— До Кьорл мне дела нет, мне нужны лишь ее рабы, — продолжала Мать Бэнр. — Если она не сделает того, что ей велено, Дом Облодра просто будет низвергнут в Клорифту и забыт.

Она произнесла это таким будничным тоном, что не было никакой причины сомневаться в том, что так и случится.

— Но раз первый и второй Дома заодно, что еще остается Кьорл? — спросил наемник.

Бэнр задумалась, словно Джарлакс о чем-то ей напомнил. Но, видимо, отмахнулась от этих мыслей.

— У нас сейчас нет времени обсуждать твою встречу с Триль, — сказала она, и Джарлакс почувствовал, что его разбирает любопытство, поскольку он-то считал, что это и есть настоящая причина того, почему он сейчас находится в Доме Бэнр. — Я хочу, чтобы ты начал прикидывать, как подойти к территории дворфов. Мне нужны карты вероятных маршрутов и подробные детальные описания окрестностей Мифрил Халла, чтобы Дантраг и его генералы могли составить план нападения.

Джарлакс молча согласился. Уж чего он делать ни в коем случае не собирался, так это спорить со скорой на расправу старухой.

— Можно заслать шпионов еще дальше в дворфский комплекс, — предложил он, но она снова оборвала его:

— Незачем!

— Но ведь последняя экспедиция так и не добралась до самого Мифрил Халла, — удивленно взглянув на нее, напомнил наемник.

Губы Матери Бэнр искривились в довольной злобной улыбке, и Джарлаксу оставалось только гадать, что же она скажет. Не торопясь, старуха пошарила в складках своего роскошного одеяния и извлекла цепочку с висевшим на ней кольцом. Оно было белого цвета и такой формы, словно выточено из большого зуба.

— Знаешь, что это такое? — спросила она, держа вещицу перед глазами наемника.

— Поговаривают, это зуб какого-то дворфского короля и внутри кольца заключена его страждущая душа, — ответил он.

— Какого-то дворфского короля! — повторила Мать Бэнр. — Знаешь, на свете ведь не так уж и много дворфских королевств.

Джарлакс нахмурился, а потом его лицо просияло.

— Мифрил Халл?

— Именно. Судьба приготовила мне чудесный подарок. Внутри этого кольца — душа Гэндалуга Боевого Топора, первого короля Мифрил Халла, основателя Клана.

Мозг Джарлакса стал лихорадочно просчитывать возможные выгоды. Ничего удивительного, что Ллос приказала Вирне разыскать ее предателя-брatца! Дзирт — всего лишь ниточка, связывающая Подземье с поверхностью, пешка в большой игре.

— Гэндалуг разговаривает со мной, — довольно, как кошка, промурлыкала старуха. — Он помнит все дороги в Мифрил Халле.

Тут вошла Сосумпту Бэнр и, не обращая на Джарлакса ни малейшего внимания, прошла напрямик к матери. Старуха не выгнала ее, как ожидал наемник, а повернулась и выжидательно посмотрела на нее.

— Мать Мез'Баррис Армго начинает терять терпение, — сказала Сосумпту.

Джарлакс понял, что она ждет в часовне, поскольку Сосумпту была хранительницей полной чудес часовни Бэнр и редко выходила из нее. Наемник на секунду задумался. Мез'Баррис была Матерью Дома Барризон Дель'Армго, второго Дома Мензоберранзана. Но к чему ей быть здесь, если, как заявила Мать Бэнр, они уже пришли к соглашению?

Действительно, к чему?

— Может, сперва надо было переговорить с Матерью Мез'Баррис? — хитро поинтересовался наемник у Матери Бэнр. Старуха восприняла это замечание благосклонно — оно свидетельствовало, что ее любимый шпион по-прежнему ясно мыслит.

— С Кьорл сложнее договориться, — ответила Бэнр. — Если заставить ее ждать, она будет в еще более паршивом настроении, чем обычно. Мез'Баррис намного спокойнее и лучше понимает, какую выгоду может принести это дело. Она согласится воевать с дворфами.

Мать Бэнр прошла мимо наемника к мраморному цилиндру; там ее уже ждала Сосумпту.

— Кроме того, — добавила старуха со зловещей ухмылкой, — что еще остается Мез'Баррис теперь, когда Дом Облодра вступил с нами в союз?

«До чего же она хороша, эта старуха, — с восхищением подумал Джарлакс. — До чего хороша!» Он бросил последний плотоядный взгляд на великолепные бриллианты, украшавшие подлокотники трона, испустил глубокий вздох и вслед за обеими женщинами вышел из святой святых Дома Бэнр.

Глава 4 ОГОНЬ В ЕЕ ГЛАЗАХ

Кэтти-бри плотнее запахнула серый плащ, пряча кинжал и маску, полученные от Реджиса. Пока она шла к личным покоям Бренора, ею владели смешанные чувства: она надеялась, что застанет там дворфа и, одновременно, — что не застанет.

Разве можно было уйти, не взглянув на Бренора, ее отца? И в то же время Кэтти-бри казалось, что этот дворф — лишь тень прежнего, обессиленный старик, покорно ожидающий смерти. Ей не хотелось видеть его в этом состоянии и унести с собой образ *такого* Бренора.

Она подняла руку, чтобы постучать, но передумала, тихонько открыла дверь и заглянула в гостиную. Неподалеку от горящего камина находился другой дворф, не Бренор. Это был Тибблдорф Пвент, берсерк, он двигался кругами и подскакивал, пытаясь, очевидно, изловить надоедливую муху. На нем, как всегда, был панцирь со множеством острых ребер, из наколенников и налокотников которого, а также из перчаток и вообще всех мыслимых углов торчали острейшие шипы. Когда Пвент вертелся и прыгал, доспехи скрежетали так, что у Кэтти-бри сводило скулы. Пвентов серый шлем без забрала лежал рядом, на стуле; он тоже был увенчан шипом в половину роста хозяина. Впервые увидев Пвента без шлема, Кэтти-бри обнаружила, что дворф был почти полностью лыс, только несколько засаленных боковых прядей переходили затем в неимоверно длинную кустистую черную бороду.

Кэтти-бри приоткрыла дверь пошире и увидела Бренора, сидевшего подле почти потухшего камина и рассеянно ковырявшего кочергой наполовину прогоревшее полено. Сердце Кэтти-бри болезненно сжалось. Она вспомнила, что еще совсем недавно неистовый король просто влез бы в очаг голой рукой и как следует треснул бы по не желавшему разгораться бревну.

Глянув на Пвента, который теперь что-то жевал (девушка от души понадеялась, что это не пойманная им муха), Кэтти-бри вошла в комнату, еще раз проверив, надежно ли скрывает одежда полученные сегодня дары.

— Кого я вижу! — взревел Пвент, не переставая жевать. Хоть девушке и противно было думать, что во рту у него могла быть муха, она не могла не удивиться: что там было так долго пережевывать.

— Тебе надо отрастить бороду! — выкрикнул берсерк вместо обычного приветствия. С самой их первой встречи дворф не переставал напоминать Кэтти-бри, что она стала бы красавицей, отрасти она бороду.

— Я стараюсь, — ответила девушка, искренне признательная ему за веселый тон. — Клянусь, с тех пор как мы познакомились, я ни разу не брилась. — Она погладила берсерка по лысой макушке, но сразу пожалела об этом, почувствовав, что ее пальцы покрылись

жиром.

— Вот и умница, — ответил Пвент. Он вдруг снова помчался «охотиться», очевидно высмотрев еще одно насекомое.

— Куда ты собралась? — резко спросил Бренор, не дав дочери даже поздороваться.

Кэтти-бри вздохнула, глядя на хмурое лицо отца. Как бы ей хотелось вновь увидеть Бренора улыбающимся! Девушка заметила синяк у него на лбу. Она слышала, что пару ночей тому назад у него был приступ тоски, и он головой бился в тяжелую дубовую дверь, пока двое дворфов помоложе отчаянно, но безуспешно пытались оттащить его. С этим синяком, жутким шрамом от лба до подбородка и пустой глазницей лицо старика казалось одной сплошной раной.

— Куда собралась? — повторил Бренор, начиная терять терпение.

— В Сеттлстоун, — солгала девушка, имея в виду город варваров, соплеменников Вульфгара, расположенный в долине у восточного входа в Мифрил Халл. — Племя намерено возвести курган, чтобы почтить память Вульфгара. — Кэтти-бри сама поразилась, с какой легкостью лжет; она частенько усыпляла бдительность Бренора, что-то недоговаривала или играла словами, чтобы не сказать правду в лоб, но никогда еще так нагло не врала ему.

Однако, памятуя, насколько важно дело, ради которого она так поступала, девушка смело посмотрела в лицо рыжебородому дворфу.

— Я хочу попасть туда до начала строительства — проследить, чтобы все было как положено. Вульфгар этого заслуживает.

Единственный глаз Бренора затуманился, что придало ему еще более плачевный вид, и изувеченный дворф отвернулся, снова погружившись в бесцельное ворошение углей, правда, перед этим он рассеянно кивнул в знак согласия. В Мифрил Халле все знали, что Бренор не любил говорить о Вульфгаре — он даже стукнул одного жреца, настаивавшего на том, что Клык Защитника нельзя поместить на почетное место в Зале Думатойна, поскольку его хозяином был не дворф, а человек.

Кэтти-бри вдруг обратила внимание, что не слышит больше скрежета доспехов Пвента, и обернулась посмотреть, куда подевался берсерк. Он стоял у отворенной двери и безнадежно смотрел в спину своему королю. Кивнув девушке, он тихонько (насколько позволяли его невозможные доспехи) вышел из комнаты.

Теперь Кэтти-бри осталась наедине с жалким стариком, в которого превратился Бренор Боевой Топор, и она с болью смотрела на него.

— Все тебе сочувствуют, — обратилась она к нему, желая как-то поддеть Бренора, хотя тот, казалось, ничего не слышал. — Весь Мифрил Халл с такой жалостью говорит о своем раненом короле.

— Скройся с глаз моих, — почти не разжимая губ, произнес Бренор. Он по-прежнему сидел, глядя в огонь.

Девушка понимала, что за грубыми словами ничего не последует, и это еще раз указывало на то, как сильно изменился ее отец. Если раньше Бренор Боевой Топор так обращался к кому-нибудь, тот немедленно исчезал, а то Бренор и сам мог помочь ему убраться. Но, похоже, стычка со жрецом и драка с дверью были последними вспышками его душевного пыла, и сейчас он почти угас, как огонь в очаге перед ним.

— Ты что, до конца жизни собираешься сидеть вот так и ковырять уголья? — спросила Кэтти-бри, намеренно пытаясь поиграть на его гордости и разозлить.

— Если мне это будет по душе, — безучастно отозвался дворф.

Кэтти-бри еще раз вздохнула и демонстративно распахнула плащ. Несмотря на то, что она собиралась отправиться в путь одна и вовсе не намеревалась посвящать в свои планы Бренора, она молила богов, чтобы в нем остались еще хоть какие-то искры душевного жара и он хотя бы обратил внимание на маску и кинжал Энтрери у нее на поясе.

Мучительно долго тянулись минуты, и ничто не нарушало тишину, кроме редкого потрескивания поленьев в камине да шипения сырого дерева.

— Я вернусь, когда захочу, — не скрывая досады, отрывисто бросила Кэтти-бри и

направилась к двери. Бренор рассеянно махнул ей через плечо, даже не удосужившись взглянуть на дочь.

Кэтти-бри постояла у выхода, потом открыла дверь и тихонько прикрыла ее, не выходя из комнаты. Выждав немного, она бесшумно прокралась к противоположной двери, ведущей в спальню короля.

Девушка прошла к большому дубовому столу Бренора, подаренному ему народом Вульфгара. Дерево было отполировано до блеска, а боковые стороны стола украшали резные изображения Клыка Защитника, боевого молота, сделанного Бренором собственноручно для юного варвара. Несмотря на спешку и боязнь, что отец ее обнаружит, Кэтти-бри приостановилась, вспоминая Вульфгара. Никогда она не смирится с этой утратой! Она хорошо понимала это, но в то же время чувствовала, что ее скорбь идет на убыль и пора возвращаться к жизни. Особенно сейчас, когда другому ее другу грозила опасность.

В каменном ларце, стоявшем на столе, Кэтти-бри нашла то, что искала, — маленький медальон на серебряной цепочке, подарок Бренору от Аластриэль, госпожи Серебристой Луны. Во время первого похода в Мифрил Халл случилось так, что друзья сочли Бренора погибшим, потеряв его в туннелях. Но он смог выбраться, едва не угодив к злобным серым дергарам, считавшим Мифрил Халл своей собственностью. И тогда Аластриэль помогла ему разыскать Кэтти-бри в юго-западном городишке Широкая Скамья. Дзирт и Вульфгар к тому времени уже ушли дальше на юг, пытаясь найти Реджиса, захваченного в плен Артемисом Энтрери. Поэтому Аластриэль и дала тогда Бренору волшебный медальон. Внутри него был миниатюрный портрет Дзирта, и при помощи этой вещицы можно было узнать, куда ушел дроу. Точное направление и расстояние определялось по степени исходившего от медальона волшебного тепла.

Сейчас его металлическая поверхность была прохладнее воздуха в комнате, и это значило, что Дзирт уже успел уйти далеко.

Девушка открыла крышку и долго разглядывала удивительно четкое изображение своего дорогого друга. Она никак не могла решиться взять медальон. Едва они нападут на след Дзирта, Гвенвивар обязательно выведет ее к нему.

Где-то внутри жила тайная надежда, что Бренор, узнав обо всем от Реджиса, бросится в погоню и в его глазах вновь вспыхнет прежний огонь. Она любила того, неудержимого Бренора, и так хотела, чтобы он помчался на помощь к ней, помог спасти Дзирта, но понимала, что это была лишь детская фантазия, не только несбыточная, но еще и опасная.

Кэтти-бри решительно захлопнула медальон и сжала его в ладони. Так же неслышно она проскользнула из спальни в гостиную (рыжебородый дворф по-прежнему сидел у огня, унесясь мыслями куда-то далеко, и не заметил ее). Выбравшись наружу, она поспешила в туннели верхнего уровня, торопясь уйти, пока решимость не оставила ее.

Уже на поверхности она снова взглянула на медальон, понимая, что, взяв его, тем самым лишила себя единственной надежды, что Бренор последует за ней. Теперь она могла рассчитывать только на себя.

Значит, так и должно быть, решила Кэтти-бри, надела цепочку на шею и стала спускаться вниз по горному склону, надеясь застать Дзирта в Серебристой Луне.

* * *

Тихо и незаметно, как только возможно, он пробирался темными улицами Мензоберранзана, и его теплочувствительные глаза светились во мраке красными точками. Самым большим желанием путника было добраться до Джарлакса, единственного из дроу, оценившего его по достоинству.

— Ваэла риввил! — послышался резкий окрик откуда-то сбоку.

Он тут же остановился, устало привалившись спиной к груде камней у никем не занятого сталагмита. Он и раньше не раз слышал эти слова, и всегда в них звучала явная насмешка.

— Вазла риввил! — повторил женский голос, и перед ним возникла женщина-дроу, державшая в руке красноватый хлыст, чьи три хвоста длиной в восемь футов извивались сами по себе, словно им не терпелось наброситься на жертву. Хорошо еще, у нее нет одной из тех зубастых плеток, подумал он, вспоминая о страшных орудиях из живых змей, которые обычно носили жрицы высокого ранга.

Она стала перед ним, и он, не оказывая ни малейшего сопротивления, почтительно потупил глаза, как учил его Джарлак. Он подозревал, что незнакомка тоже хотела пройти по улицам города незамеченной — иначе зачем женщине-дроу, да еще облеченной властью (о чем свидетельствовал хлыст), красться переулками одной из самых безлюдных частей Мензоберранзана?

Она певуче произнесла какую-то длинную фразу на языке дроу, но так быстро, что он почти ничего не понял. Он уловил только слово «каре», подразумевавшее приказание, и «харл' ил' цик», значившее «опуститься на колени», чему он совершенно не удивился, поскольку ему всегда велели падать на колени.

Он тут же послушно опустил, хотя падать коленями на камень было больно.

Женщина медленно вышагивала перед ним, давая ему возможность насладиться видом ее стройных ног. Потом остановилась и, промурлыкав свое имя: «Джерлис», откинула назад его голову, чтобы он взглянул ей в лицо, действительно очень красивое.

Затем нагнулась, словно хотела его поцеловать, но вместо этого больно ударила по щеке. Его руки непроизвольно дернулись, чтобы выхватить меч и кортик, но он напомнил себе, каковы будут неизбежные последствия, и тут же остыл.

Женщина все так же неспешно шагала, разговаривая как бы сама с собой. «Иблис», — несколько раз повторила она слово, означавшее «испращения», и он наконец решился прервать ее, произнеся лишь одно дроуское слово: «аббан», значившее, как говорил Джарлак, «союзник».

— Аббан дель дартхиир! — взвизгнула она и наотмашь ударила его по затылку, отчего он чуть не упал лицом вниз.

Он не вполне понял, но решил, что «дартхиир» обозначает что-то связанное с поверхностными эльфами. И тогда он начал понимать, что попал в серьезную передрагу, из которой вряд ли будет легко выпутаться.

Одно из щупальцев хлестнуло его по затылку, и он на мгновение ослеп. Правая рука пока не слушалась после первого удара магическим хлыстом.

Однако надо было что-то делать. Левой рукой он потянулся к правому боку, где висел кортик, но сразу передумал и занес руку в другую сторону.

— Аббан дель дартхиир! — замахиваясь, снова пронзительно крикнула Джерлис.

Он круто развернулся и мечом отразил удар. Оружие, изготовленное не в Подземье, гневно вспыхнуло, соприкоснувшись со щупальцами. Зеленый сполох, и один отросток упал на каменный пол, но два других, дико извиваясь, мазнули его по лицу.

— Дживвин! — восторженно воскликнула женщина, что на ее языке означало «игра», «развлечение», и, ловко играя хлыстом, порадовалась, что его глупое сопротивление превратило их встречу в прекрасную забаву.

— Попробуй-ка поиграть вот с этим, — отозвался он, прыгнув вперед с поднятым мечом.

И тут же на него опустился магический шар непроглядного мрака.

— Дживвин! — рассмеялась Джерлис и сделала шаг вперед, занося руку. Но незнакомец, очевидно, не впервые сражался с темными эльфами, и, к ее удивлению, внутри темной сферы его не оказалось.

Он обошел шар кругом, левой рукой виртуозно играя полыхающим мечом, поскольку правая по-прежнему висела без движения. Но его соперница тоже была мастером боя, да и ее оружие многого стоило. Она ловко парировала его удар и напала сама.

Только намерений своего противника она не поняла.

Он бросился вперед, повернулся влево, словно задумав нанести удар с разворота, но

потом перехватил рукоять, отскочил вправо и метнул меч, как копье.

Острые меча вошло точно в середину груди, разрубив кольчугу, отчего во все стороны посыпались искры.

Нападавший прыгнул вслед и обеими ногами пнул дрожащий эфес, всадив клинок в тело злосчастной жертвы еще глубже. Она полетела на грудь камней и стала медленно сползать вниз, пока не зацепилась за какой-то выступ, да так и застыла в полусидячем положении, изумленно вытаращив красные глаза.

— Какая жалость, Джерлис, — прошептал он ей на ухо и легонько чмокнул в щеку, нагибаясь, чтобы выдернуть меч. При этом он с удовольствием наступил на извивавшиеся щупальца хлыста. — А ведь нам могло бы быть так хорошо вместе.

Он вырвал меч из ее груди и поморщился, подумав о последствиях. Но все равно чувствовал удовлетворение оттого, что хоть в некоторой степени начал снова распоряжаться собственной жизнью. Неужели надо было выйти победителем из всех прежних схваток лишь для того, чтобы окончить свои дни рабом!

Чуть позже он вышел из переулка, предварительно завалив Джерлис и ее хлыст камнями. Его поступь снова стала уверенной.

Глава 5 ПОСЛЕ СТОЛЬКИХ ЛЕТ

Дзирт чувствовал, что за ним наблюдают. Он был уверен, что это светлые эльфы и что наверняка на него нацелен не один лук. Но он продолжал спокойно идти по тропинке, вившейся по Лунному лесу. Он не приготовил оружие и откинул капюшон своего изумрудного плаща, не скрывая белоснежной шевелюры и черного лица.

Солнце слегка пробивалось сквозь густые зеленые кроны, и все вокруг было в бледных золотистых бликах. Дзирт не прятался в тень, демонстрируя поверхностным эльфам, что он не обычный дроу и не меньше них любит солнечное тепло и свет. Ровная и широкая дорожка уводила его все дальше в дремучий девственный лес.

Прошел час, заросли стали гуще, и Дзирт стал думать, что он, возможно, так и пройдет весь лес, никого не встретив. Конечно, неожиданности были ему ни к чему, ведь он хотел как можно быстрее начать и завершить задуманное.

Наконец он вышел на небольшую полянку. Вокруг выложенного камнем кострового места квадратом лежали поленья. Дзирт понял, что это не чей-то лагерь, а место, где мог остановиться любой путник, чтивший лес и его обитателей.

Дроу обошел полянку, внимательно глядя себе под ноги. Во мху на корнях громадного дуба он заметил несколько рисунков. Контуры их уже немного стерлись, но можно было узнать стоящего на задних лапах медведя и кабана. Это были знаки вольных странников, таких же как и Дзирт. Дроу уважительно кивнул и тщательно обшарил кустарник у корней дерева. Вскоре он обнаружил тайник. Внутри нашлись сушеные припасы, топорик и кожаный мех, наполненный хорошим вином. Дзирт отлил из него совсем немного и пожалел, что ему нечего оставить взамен, поскольку в долгой дороге по полному неожиданностей Подземью ему пригодится каждая крошка.

Расколов топориком найденное поблизости бревно, Дзирт снова сложил все на место и легонько прочертил на покрытом мхом стволе свой собственный знак — единорога. Потом вернулся, чтобы развести костер и приготовить еду.

Но ничего не успел, потому что за его спиной раздался мелодичный голос:

— Ты не такой, как все дроу. — Незнакомый говорил на языке эльфов, и голос его был благозвучнее человеческого.

Дзирт медленно обернулся, понимая, что в этот момент он представляет собой идеальную мишень для лучников. Перед ним стоял один-единственный эльф. Точнее, одна — это была девушка, еще моложе Дзирта, хотя и он не прожил пока даже десятой части отпущенного ему срока. На ней была одежда цветов леса: зеленый плащ, похожий на тот, что

был на Дзирте, коричневая рубашка и трико. За спиной у девушки висел длинный лук, а к поясу был прикреплен узкий меч. Ее черные волосы отливали синевой, а кожа была настолько бела, что тоже казалась голубоватой. Яркие синие с золотыми искрами глаза сияли. Дзирт понял, что перед ним представительница серебряных, или, как их еще называли — лунных эльфов.

За годы, проведенные на поверхности, Дзирт До'Урден несколько раз встречал эльфов, но все они были солнечными. Только раз в жизни он видел лунных эльфов, в ту самую первую вылазку на поверхность, когда он вынужден был участвовать в жестоком набеге дроу, во время которого его родичи истребили большую семью эльфов.

При взгляде на это прелестное нежное существо на Дзирта нахлынули воспоминания о той страшной ночи. Тогда уцелел только один лунный эльф, маленькая девочка, которую Дзирт спрятал под телом ее убитой матери. Этот обман дорого ему обошелся. Семья Дзирта лишилась милости Ллос, и из-за этого в конечном итоге погиб Закнафейн, его отец.

Дзирт снова взглянул на девушку с сияющими глазами. Ей было лет тридцать, не больше. Темный эльф похолодел. Именно в этой местности его сородичи много лет назад устроили кровавую бойню.

— Ты не похож на других дроу, — повторила девушка на своем языке. Ее слова звучали угрожающе, глаза недобро сверкали.

Дзирт широко развел руки. Он понимал, что нужно что-то сказать, но слова не шли на ум, а в горле застрял ком.

Глаза девушки сузились; она сжала зубы и непроизвольно схватилась за эфес.

— Я не враг, — с усилием вымолвил Дзирт, понимая, что если сейчас не заговорит, ему придется принять бой.

Но девушка уже бросилась на него, подняв меч.

Дзирт даже не притронулся к своим саблям. Он так и стоял, разведя руки, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Девушка-эльф остановилась напротив него, не опуская оружие, но выражение ее лица вдруг изменилось, как будто она внезапно что-то разглядела в лиловых глазах дроу.

Она издала пронзительный крик и занесла было меч, но Дзирт молниеносно прыгнул вперед и, крепко сжав, остановил ее руку, а другой рукой обвил ее за плечи и крепко прижал к себе. Он думал, что она вцепится в него или укусит, но, к его изумлению, девушка обмякла в его объятиях и, уткнувшись лицом ему в грудь, вся затряслась от рыданий.

Даже не успев подумать, что сказать ей в утешение, Дзирт ощутил, что ему в шею сзади уперлось острие меча. Он тут же отпустил девушку и снова развел руки в стороны. Из-за деревьев показался эльф постарше, с суровым, но тоже очень красивым лицом, обнял девушку и увел ее.

— Я не враг, — повторил Дзирт.

— Зачем ты идешь через Лунный лес? — на Общем языке осведомился эльф, стоявший у него за спиной.

— Мне нужно... — рассеянно отозвался Дзирт, все еще думая об удивительной девушке. — Мне нужно только пересечь Лунный лес с запада на восток, и я не причиню никакого вреда ни вам, ни вашему дому.

— Единорог, — послышался голос еще одного эльфа позади. Видимо, он нашел метку, оставленную Дзиртом на мшистом стволе исполинского дуба. Меч, к радости дроу, был тут же убран.

Дзирт немного постоял молча, ожидая, что скажут эльфы. Потом собрался с духом и обернулся. На поляне никого не было, лунные эльфы неслышно скрылись среди густой зелени.

Он хотел было выследить их, узнать, кто была та девушка, но передумал, решив, что нехорошо беспокоить эльфов в их лесном доме. Он быстро покончил с едой, внимательно осмотрелся, убедился, что оставляет поляну в том же виде, что и нашел, потом собрал вещи и вновь тронулся в путь.

Пройдя около мили, он увидел необычное зрелище. Перед ним стояла полностью взнузданная лошадь с вплетенными в упряжь бубенцами. Увидев приближающегося дроу, она забила копытом.

Дзирт ласково заговорил с животным и постарался подойти к нему как можно тише, чтобы не напугать. Однако лошадь совсем не боялась и даже потерлась об него мордой, когда он подошел вплотную. Это было прекрасное существо, Дзирт оценил его с первого взгляда. Лошадь была отлично ухожена, а под шкурой ее обозначались крепкие мускулы, хотя сама она была невелика. По всей шкуре были разбросаны черные и белые пятна, пятна были даже на морде — один глаз окружен белым кольцом, а второй — черным.

Дзирт огляделся, но не заметил вокруг никаких следов. Он догадывался, что лунные эльфы приготовили лошадь для него, однако уверенности не было, а уводить чужое животное он не собирался.

Поэтому он погладил шею лошади и прошел мимо. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как услышал фыркание и топот копыт. Лошадь обогнала дроу и снова стала на тропинке перед ним.

Дзирт из любопытства вновь обошел ее, но животное опять загородило ему дорогу.

— Кто тебя научил так делать? — спросил Дзирт, потрепав холку лошади. — Это вы ей велели? — громко выкрикнул он, обводя взглядом заросли. — Я обращаюсь к эльфам Лунного леса: эта лошадь — для меня?

В ответ послышался только гомон потревоженных птиц.

Дроу пожал плечами и решил, что может верхом добраться до границы леса — в конце концов, это не так уж далеко. Он вскочил в седло и быстро поскакал по широкой ровной тропе.

К восточной кромке Лунного леса он подъехал ближе к вечеру этого же дня, когда длинные тени уже протянулись от стволов деревьев. Считая, что эльфы снабдили его лошадью только для того, чтобы он поскорее покинул их царство, Дзирт остановил лошадь в тени, намереваясь спешиться и отпустить ее обратно в лес.

Вдруг дроу заметил какое-то движение на широком лугу, начинавшемся сразу за лесом. Он разглядел за кустами сидевшего на высоком вороном жеребце эльфа, смотревшего в его сторону. Эльф поднес пальцы к губам и пронзительно свистнул. Лошадь под Дзиртом сорвалась с места и помчалась по густой траве.

Эльф тут же скрылся в зелени, а Дзирт не стал оставлять лошадь. Теперь он убедился, что лесные жители решили издали помогать ему, поэтому с признательностью принял их дар и поехал дальше.

Незадолго до того, как остановиться на ночлег, Дзирт заметил, что всадник-эльф не отстает от него, только движется немного южнее. Похоже, доверие эльфов было не беспредельным.

* * *

Кэтти-бри нечасто доводилось бывать в городах. Она проезжала через Лускан, на волшебной летающей колеснице пересекла замечательное Сияющее Море и побывала в великолепном южном городе Калимпорте. Но ничто не могло сравниться с теми красотами, что ожидали ее на широких улицах Серебристой Луны. Она уже была здесь однажды, но тогда, находясь в плену у Артемиса Энтрери, вовсе не интересовалась изящными шпилями и роскошными зданиями города.

В Серебристой Луне жили философы и художники. Город славился своей терпимостью. Здесь архитектор, руководствуясь только полетом воображения, мог выстроить стофутовый шпиль. Здесь поэт мог выйти на улицу и во всеуслышание читать свои стихи, принимая звонкие монеты, что бросали ему прохожие, честно зарабатывая на жизнь своим искусством.

Несмотря на серьезность положения и перспективу вскоре спуститься во тьму

Подземья, с лица Кэтти-бри не сходила широкая улыбка. Теперь девушка понимала, почему Дзирт так часто покидал Мифрил Халл, чтобы посетить этот город; она даже не подозревала, что где-то в мире можно встретить такое великолепие.

Повинуясь порыву, девушка свернула в темноватый, но чистенький переулочек. Она вынула фигурку пантеры и поставила ее перед собой на мощенную камнем мостовую.

— Иди сюда, Гвенвивар, — тихо позвала она. Девушка не знала, вызывал Дзирт здесь кошку или нет, и понятия не имела, не нарушает ли она какие-нибудь правила, но ей очень хотелось, чтобы Гвенвивар тоже полюбовалась окружающей красотой. Почему-то ей верилось, что в этом городе можно следовать голосу сердца.

Над статуэткой сгустился серый туман, который понемногу принял очертания пантеры. Вскоре рядом с Кэтти-бри стояла угольно-черная мускулистая кошка, весом в шестьсот фунтов и высотой в половину роста девушки. Пантера озиралась, пытаясь понять, где она.

— Мы в Серебристой Луне, Гвен, — шепотом сообщила Кэтти-бри.

Пантера тряхнула головой, словно спросонья, и негромко и спокойно заворчала.

— Иди рядом, — велела Кэтти-бри, — никуда от меня не отходи. Не знаю, можно тебе здесь находиться или нет, но я хотела, чтобы ты посмотрела город.

Из переулочка они вышли вместе.

— Ты здесь раньше бывала, Гвен? — спросила Кэтти-бри. — Я ищу леди Аластриэль. Ты не знаешь, где она может быть?

Пантера ткнула девушке в ногу и отскочила в сторону, как будто показывая, куда идти, и Кэтти-бри последовала за ней. Многие оборачивались на странную парочку: покрытую дорожной пылью молодую женщину и ее необычную спутницу. Но все смотрели хоть и с любопытством, но довольно дружелюбно, никто не пугался и не бросался наутек.

Выскочив на другую просторную улицу, Гвенвивар чуть не столкнулась с двумя мирно беседующими эльфами.

— Что за чудо! — воскликнул один из них певучим голосом.

— Изумительно! — поддержал другой. Он осторожно протянул к пантере руку и спросил Кэтти-бри: — Можно?

Девушка решила, что ничего плохого в этом нет, и кивнула.

Лицо эльфа просияло, и он легко коснулся пальцами сильной шеи Гвенвивар. С улыбкой до ушей он оглянулся на своего менее решительного товарища.

— Что ж, покупай! — согласился тот.

Кэтти-бри вздрогнула; Гвенвивар прижала уши и зарычала. Эхо отразилось от стен домов.

Девушка знала, что эльфы быстро бегают, но этих словно ветром сдуло еще до того, как она успела что-нибудь сказать.

— Гвенвивар! — сердитым шепотом одернула она пантеру.

Уши у кошки снова поднялись, она повернулась и, встав на задние лапы, положила передние на плечи Кэтти-бри. Потом ткнула носом девушке в лицо и потерлась о ее щеку. Кэтти-бри еле удержалась, чтобы не упасть, и ей пришлось долго втолковывать кошке, что ее извинения приняты.

Они пошли дальше. Многие показывали на них пальцами, а некоторые встречные даже переходили на противоположную сторону улицы, пропуская женщину с пантерой. Кэтти-бри понимала, что они слишком заметны, и начала корить себя за легкомыслие. Она уже подумывала о том, не отправить ли Гвенвивар обратно на Астральный уровень, но боялась, что этим привлечет еще большее внимание.

Поэтому она не удивилась, когда отряд вооруженных солдат в серебристо-голубых мундирах городской стражи окружил их, держась на почтительном расстоянии.

— Твоя пантера? — спросил один из них, видимо, старший.

— Ее зовут Гвенвивар, — миролюбиво ответила девушка. — А я — Кэтти-бри, дочь Бренора Боевого Топора, Восьмого короля Мифрил Халла.

Солдат улыбнулся, и Кэтти-бри облегченно вздохнула.

— Вообще-то, это кошка дроу! — не удержался другой солдат. Но тут же покраснел оттого, что распустил язык, кинул быстрый взгляд на командира и опустил глаза.

— Да, Гвен — подруга Дзирта До'Урдена, — подтвердила Кэтти-бри. — А он здесь? — не утерпела она, хотя сначала следовало бы спросить об Аластриэль и задавать остальные вопросы правительнице города.

— Я о нем не слышал, — ответил командир, — но ваш визит — большая честь для Серебристой Луны, принцесса Мифрил Халла. — Он отвесил низкий поклон, а Кэтти-бри, непривычная к такому обращению, смутившись, вспыхнула.

Конечно, слова солдата расстроили ее, но она напомнила себе, что и не рассчитывала так легко найти Дзирта. Даже если он и прибыл в Серебристую Луну, то скорее всего сделал это, не привлекая чужого внимания.

— Я пришла, чтобы встретиться с леди Аластриэль, — сказала она.

— Вас должны были сопровождать от самых ворот, — недовольно заметил командир, раздосадованный тем, что подчиненные нарушили протокол приема высоких гостей.

Кэтти-бри поняла, что он рассержен на нерасторопных солдат, охранявших Лунный мост, почти прозрачное сооружение, протянувшееся над Речной долиной, и из-за нее у них могут быть неприятности.

— Они не знали, кто я, — поспешила она за них заступиться, — и зачем я здесь. Я думала, будет лучше, если я пройду одна.

— Неужели их не насторожило присутствие такой... — он осекся, чуть было не сказав «зверюшки», и закончил: — ...пантеры?

— Гвен тогда со мной не было, — не задумываясь, ответила Кэтти-бри, но тут же прикусила губу, понимая, что ее ответ только запутает все еще больше.

К счастью, стражники не стали вдаваться в подробности. Они немало слышали о пылкой дочери Бренора Боевого Топора, чтобы понять, что перед ними действительно она. Держась на некотором расстоянии, солдаты сопровождали Кэтти-бри и Гвенвивар через весь город до западной стены, где располагался сказочно красивый волшебный дворец леди Аластриэль.

Оставшись в одиночестве в приемной, девушка не стала отпускать пантеру, решив, что ее присутствие придаст больший вес ее словам. К тому же кошка сразу почувствует, здесь ли Дзирт или, по крайней мере, был ли он тут.

Время шло, а ничего не происходило, и непоседливая Кэтти-бри заскучала. Она подошла к боковой двери и легонько толкнула ее. За дверью оказалась нарядная туалетная комната с чашей для умывания и маленьким позолоченным туалетным столиком с большим зеркалом на нем. На столике были разложены разнообразные расчески и щетки, стояло множество флакончиков и открытый сундучок, наполненный коробочками со всяческими красками и притираниями.

Сгорая от любопытства, девушка оглянулась, проверяя, не вошел ли кто, а потом зашла и села перед столиком. Взяв щетку, она провела ею по густым спутанным волосам, решив, что перед встречей с госпожой Серебристой Луны надо хотя бы попытаться выглядеть получше. Заметив грязь на щеке, она нахмурилась и, недолго думая, опустила руки в чашу, энергично потерла щеку и довольно улыбнулась своему чистому отражению.

Потом она снова выглянула в приемную, проверяя, не пришел ли кто. Лениво развалившаяся на полу Гвенвивар подняла голову и негромко заурчала.

— Тихо ты! — пригрозила Кэтти-бри и снова скрылась за дверью. Внимательно оглядев ряд флакончиков, она сняла с одного из них притертую пробку, понюхала и фыркнула, таким неожиданно крепким оказался запах. Гвенвивар снаружи тихо зарычала и чихнула, и Кэтти-бри со смехом сказала: — Да ладно тебе!

Девушка перебрала еще несколько флаконов, иногда морщась, иногда чихая, и наконец нашла один, аромат которого ей понравился. Этот запах напомнил ей о покрытом цветочным ковром луге, он был нежным и ненавязчивым, как воздух весеннего дня.

Она подскочила на месте и едва не ткнулась носом во флакон, когда ей на плечо легла

чья-то рука. Кэтти-бри обернулась. Перед ней стояла Аластриэль — это могла быть только она! Длинные распущенные волосы, доходившие до пояса женщины, отливали серебром, а глаз яснее этих Кэтти-бри в жизни не видела, красивее их могли быть только небесно-голубые очи Вульфгара. Воспоминание о нем больно кольнуло сердце девушки.

Аластриэль была на добрых полфута выше Кэтти-бри и очень изящно сложена. Ее пурпурное многослойное одеяние из превосходного шелка одновременно и скрывало и подчеркивало женственные изгибы ее тела. Голову венчала высокая золотая корона, усыпанная драгоценными камнями.

По-видимому, женщина была хорошо знакома с Гвенвивар, потому что пантера все так же спокойно лежала на боку, с довольным видом прикрыв глаза.

Почему-то Кэтти-бри это не понравилось.

— А я все думала, когда же мы наконец встретимся, — негромко произнесла Аластриэль.

Кэтти-бри снова стало неприятно. Ей показалось, что Аластриэль говорит с ней несколько снисходительно. К тому же все еще в запыленной дорожной одежде, растрепанная, она чувствовала себя неловко рядом с этой царственной женщиной.

— Давай пройдем в мои личные покои, — предложила хозяйка. — Там нам будет удобнее разговаривать. — И она вышла первой, на ходу погладив задремавшую пантеру. — Пошли с нами, Гвен! — позвала она, и пантера тут же вскочила и встряхнулась.

— Гвен? — прошептала Кэтти-бри с недоумением. Никто, кроме нее самой, да еще Дзирта, не обращался к гигантской кошке так запросто. Задетая за живое, она взглянула на пантеру и пошла вслед за Аластриэль.

Теперь великолепный дворец, при первом взгляде показавшийся ей словно перенесенным из сказки, стал каким-то неудобным. Идя позади Аластриэль по широким коридорам и роскошно обставленным помещениям, девушка смотрела себе под ноги, боясь, что на полированных полах останутся ее грязные следы.

Дворцовые слуги, а также посетители — настоящая знать, решила про себя девушка — с удивлением смотрели на странную процессию, и Кэтти-бри не смела поднять ни на кого глаза. Она казалась самой себе маленькой, ничтожной замарашкой по сравнению с высокой и прекрасной Аластриэль.

Когда они наконец пришли в личную гостиную Аластриэль и хозяйка затворила за ними дверь, Кэтти-бри вздохнула с облегчением.

Гвенвивар неслышно прошествовала через всю комнату и вскочила на мягкий диван. Кэтти-бри изумленно уставилась на нее.

— Слезай немедленно! — приказала она громким шепотом, но Аластриэль лишь усмехнулась и, проходя мимо, рассеянно потрепала огромную кошку по голове. Жестом она пригласила Кэтти-бри сесть.

Девушка сердито посмотрела на Гвенвивар, чувствуя себя так, словно пантера ее предала. «Интересно, — подумала она, — сколько раз уже огромная кошка удобно устраивалась на этой лежанке?»

— Что привело дочь короля Бренора в мой скромный городишко? — с улыбкой спросила Аластриэль. — Жаль, что я не знала о твоём визите — я бы подготовилась получше.

— Я ищу Дзирта, — довольно резко ответила Кэтти-бри и откинулась назад, сама удивившись своему тону.

— Дзирта? — переспросила Аластриэль. — Я уже очень давно не видела его и надеялась услышать от тебя, что он здесь или собирается ко мне.

Кэтти-бри допускала, что дроу может скрываться от нее и Аластриэль ему подыгрывает, но почему-то поверила, что Дзирта здесь нет.

— Ну что ж, — вздохнула Аластриэль, не скрывая разочарования. — А как твой отец? — вежливо поинтересовалась она. — И красавец Вульфгар?

Вдруг она переменялась в лице, поняв, что сказала нечто неуместное.

— А свадьба? — нерешительно продолжала она, и Кэтти-бри нахмурилась и стиснула зубы. — Я собиралась ехать в Мифрил Халл...

Она замолчала и внимательно посмотрела на девушку. Та шмыгнула носом и обхватила себя руками за плечи, как от внезапного озноба.

— Вульфгар погиб, — безучастно произнесла она, — а отец теперь совсем не тот, каким ты его знала. Я же ищу Дзирта, он недавно покинул Мифрил Халл.

— А что случилось? — с тревогой спросила Аластриэль.

Кэтти-бри встала.

— Гвенвивар! — позвала она, разбудив пантеру. — У меня нет времени на рассказни, — резко сказала она. — Если Дзирта не было в Серебристой Луне, то я и так уже отняла у тебя достаточно времени и потратила слишком много собственного.

Она двинулась к двери, но тут увидела короткий голубоватый сполох, после чего дерево словно распухло и дверь оказалась будто приваренной к косякам. Однако девушка все равно упрямо подергала за ручку, хотя и понимала, что это бесполезно.

Кэтти-бри глубоко вздохнула, потом мысленно сосчитала до десяти. Подумала, дошла до двадцати и лишь потом обернулась к Аластриэль.

— Мой друг нуждается в моей помощи, — подчеркнуто спокойно, но грозно сказала она. — Так что лучше открой дверь! — Позже, вспоминая об этой минуте, Кэтти-бри с трудом могла поверить, что осмелилась угрожать самой владычице Серебристой Луны, правительнице самого большого и сильного города на северо-западе, Аластриэль, считавшейся наиболее могущественной волшебницей севера!

Но в тот момент разъяренная молодая женщина об этом не думала.

— Я могу помочь, — всерьез обеспокоенная, предложила Аластриэль. — Но ты должна мне рассказать, что произошло.

— Время дорого! — пробурчала Кэтти-бри. Она дернула за ручку еще раз, стукнула по зачарованной двери кулаком и через плечо оглянулась на Аластриэль, вставшую с места и теперь медленно шедшую к ней. Гвенвивар так и осталась лежать на диване, подняв голову и внимательно глядя на обеих женщин.

— Я должна его найти, — хмуро сказала Кэтти-бри.

— А где собираешься искать? — с невинным видом полюбопытствовала Аластриэль, подойдя вплотную к девушке.

Этот простой вопрос поставил Кэтти-бри в тупик. Действительно, где? Она вдруг почувствовала себя такой потерянной и беспомощной. Маленькой дурочкой, которой хотелось сейчас только одного — оказаться дома, с отцом и друзьями, Вульфгаром и Дзиртом, и пусть все будет, как раньше... до того, как темные эльфы вторглись в Мифрил Халл.

Глава 6 ЗНАК СВЫШЕ

На следующее утро Кэтти-бри проснулась на мягкой, как пух, кровати, в комнате, обитой бархатом, где на окнах висели кружевные занавеси, сквозь которые сочился утренний свет, нежно касавшийся ресниц девушки. Она не привыкла к подобному комфорту, даже спать над уровнем земли ей было в диковинку.

Накануне вечером она отказалась от купания, хотя леди Аластриэль уверяла ее, что пенная ванна с экзотическими маслами и мылом освежит ее. Кэтти-бри была воспитана неприхотливыми дворфами, и ей подобная процедура казалась совершенно не нужной, лишенной смысла причудой. Она купалась часто, но только в холодной воде горных источников и без всяких там благоуханных масел из дальних земель. Дзирт как-то рассказывал ей, что темные эльфы многие мили способны следовать за врагом по запаху в темных извилистых коридорах Подземья, так зачем же оказывать им услугу и плескаться в ароматической ванне?

Однако сегодня утром, когда солнце лилось сквозь прозрачные занавеси, девушка увидела, что от наполненной горячей водой ванны идет пар, и передумала.

— Похоже, ты от своего не отступаешь, — тихо сказала она в адрес леди Аластриэль, мимоходом подумав, что вода снова нагрелась не иначе как благодаря чарам хозяйки.

Кэтти-бри обвела взглядом ряд бутылочек и представила, какая ей предстоит долгая и пыльная дорога, путешествие, из которого она может и не вернуться. Ей вдруг захотелось хоть раз уступить внезапной прихоти и, не прислушиваясь к доводам разума, она сбросила с себя одежду и уселась в горячую ванну с густой пеной.

Сперва она тревожно поглядывала на дверь, но потом опустилась ниже и совершенно расслабилась, прислушиваясь, как слегка пощипывает кожу и по телу разливается приятное тепло.

— Я же тебе говорила... — услышала она вдруг и рывком села, мигот очнувшись от дремоты. Но тут же, смутившись, сползла обратно в воду, потому что вместе с Аластриэль вошел странный дворф со снежно-белыми бородой и волосами, в легких шелковых одеждах.

— У нас в Мифрил Халле принято стучать, когдаходишь к кому-то, — с видом уязвленного достоинства заметила Кэтти-бри.

— Я стучала, — возразила Аластриэль, — но ты, похоже, слишком разомлела и не слышала.

Кэтти-бри отбросила мокрые волосы с лица, и на щеке ее осталась пена. Пару секунд она из гордости притворялась, что не замечает ее, но потом сердито смахнула.

Аластриэль улыбнулась одними углами губ.

— Можете выйти, — буркнула ей девушка.

— Дзирт и в самом деле идет в Мензоберранзан, — объявила Аластриэль, и Кэтти-бри взволнованно подалась вперед; перед лицом важных новостей стеснение было забыто.

— Этой ночью я была в мире духов, — продолжала волшебница, — там можно найти ответы на любые вопросы. Дзирт обогнул Серебристую Луну с севера и пошел через Лунный лес к Перевалу Мертвого Орка.

По лицу Кэтти-бри было видно, что она озадачена.

— В этом месте Дзирт выбрался на поверхность, когда оставил Подземье, — пояснила Аластриэль, — через пещеру к востоку от этого самого перевала. Я полагаю, этим же путем он намеревается спуститься обратно в свой город.

— Отвези меня туда, — потребовала девушка, вставая из ванны, из-за тревоги совершенно забыв об условностях.

— Я дам тебе волшебных коней, — сказала Аластриэль, протягивая ей пушистое полотенце, — и у тебя уйдет не больше двух дней на то, чтобы добраться до гор.

— Разве ты не можешь доставить меня туда при помощи магии? — грубовато спросила Кэтти-бри, словно подозревая хозяйку в том, что она может сделать больше, но просто не хочет.

— Я не знаю точно, где расположена пещера, — просто призналась женщина с серебряными волосами.

Кэтти-бри чуть не выронила свою одежду, которую уже сгребла в охапку, и беспомощно уставилась на Аластриэль.

— Поэтому я и привела Фреда, — поспешно добавила та.

— Фредегар Сокрушитель Скал, — важно представился дворф неожиданно мелодичным приятным голосом, после чего театрально раскинул руки и склонился в изысканном поклоне. Кэтти-бри подумала, что так мог бы разговаривать эльф, по какой-то неведомой ошибке природы запрятанный в тело маленького человечка. Повнимательнее всмотревшись в него, она нахмурилась; хоть и выросшая среди дворфов, девушка никогда не встречала подобных ему: аккуратно подстриженная борода, безукоризненно чистая одежда, а кожа нежная и ухоженная. Чересчур много полощется в душистых маслах, неприязненно подумала девушка, бросив теперь на горячую ванну презрительный взгляд.

— Фред был среди тех, кто выследил Дзирта, когда он вышел на поверхность, —

продолжала Аластриэль. — Когда он ушел из тех мест, моя неумная сестрица и ее друзья по его следу вышли на ту самую пещеру, где скрыт спуск в глубокие туннели. — Я сама не могу показать тебе дорогу, — помолчав, добавила она, и по ее тону и лицу было ясно, что ее очень тревожит судьба девушки.

Кэтти-бри прищурилась, потом быстро оделась. Ни перед кем больше она не опустит глаз, даже перед Аластриэль; и никто больше не будет принимать решения за нее.

— Конечно, — согласилась с ней хозяйка, и девушка оторопела, решив, что та прочитала ее мысли.

Аластриэль жестом приказала Фреду взять вещи Кэтти-бри. Опрятный дворф соорудил кислую мину, приблизившись к грязному мешку, и поднял его двумя пальцами. С неподдельной скорбью посмотрев на госпожу, не удостоившую его даже взглядом, он вышел из комнаты.

— Мне не нужны попутчики, — невежливо буркнула Кэтти-бри.

— Фред будет твоим проводником только до входа в пещеру, — возразила Аластриэль. — Твоя смелость похвальна, но, прости, несколько безрассудна, — добавила она и, прежде чем девушка нашлась что сказать, вышла.

Кэтти-бри некоторое время стояла не двигаясь, и холодные капли стекали с волос ей за шиворот. Она вдруг снова показалась себе маленькой девочкой, потерявшейся в большом и опасном мире, такой крохотной рядом с высокой могущественной леди Аластриэль. Кэтти-бри из всех сил старалась не поддаваться этому ощущению, но оно никуда не уходило.

Через два часа, сытно пообедав и еще раз проверив припасы, Кэтти-бри и Фред вышли из восточных ворот Серебристой Луны, называвшихся Воротами Сандабара; рядом шла леди Аластриэль, за которой на почтительном расстоянии следовала охрана.

Вороной жеребец и лохматый серый пони ждали путешественников.

— Может, не надо? — уже, наверное, в двадцатый раз с тех пор, как они покинули дворец, спросил Фред. — Разве подробной карты недостаточно?

Аластриэль только улыбалась и молчала. Фред панически боялся всего, что могло его испачкать или же оторвать от обязанностей ближайшего советника Аластриэль. А предстоящее путешествие в окрестности Перевала Мертвого Орка предвещало и то, и другое.

— Подковы коней зачарованы, и они понесут вас быстрее ветра, — обратилась госпожа к Кэтти-бри. Через плечо она бросила укоризненный взгляд на ворчащего себе под нос дворфа.

Кэтти-бри не спешила ответить и даже не поблагодарила за хлопоты. После утренней встречи она не сказала Аластриэль ни слова и держалась подчеркнуто независимо.

— Если повезет, то вы прибудете к пещере раньше Дзирта, — произнесла Аластриэль. — Поговори с ним и убеди вернуться домой, умоляю тебя. Ему больше нет места в Подземье.

— Пусть Дзирт сам решает, где ему быть, — огрызнулась Кэтти-бри.

— Без сомнения, — согласилась Аластриэль, и на ее лице мелькнула та самая мудрая улыбка, видя которую Кэтти-бри чувствовала себя неразумным ребенком.

— Заметь, что я не стала удерживать тебя, — подчеркнула Аластриэль. — И сделала все, что в моих силах, чтобы помочь, вне зависимости от того, считаю я твое решение целесообразным или нет.

Кэтти-бри прыснула:

— Последнее можно было и не говорить.

— Разве у меня нет права на собственное мнение?

— Ага, а еще и на то, чтобы рассказывать о нем кому попало, — заметила Кэтти-бри. Аластриэль, хоть и понимала причину такого поведения, все же была неприятно поражена.

Кэтти-бри снова хохотнула и ударила пятками по бокам коня.

— Ты его любишь, — уверенно произнесла госпожа Серебристой Луны.

Девушка резко натянула поводья и, остановив лошадь, повернулась к волшебнице. На

ее лице отобразилось изумление.

— Темного эльфа, — пояснила Аластриэль, просто заканчивая мысль, а не ради того, чтобы объяснить то, что и так не нуждалось в объяснении.

Кэтти-бри закусила губу, но не придумала, что ответить, и, пришпорив коня, поскакала прочь.

— Это же так далеко, — опять начал ныть Фред.

— Тогда постарайся вернуться скорее, — ответила Аластриэль. — И приведи с собой Кэтти-бри и Дзирта.

— Воля ваша, госпожа, — повиновался дворф и пустил пони галопом. — Воля ваша.

Еще долго после того, как Фред и Кэтти-бри скрылись из глаз, Аластриэль стояла у ворот и смотрела им вслед. Это была одна из тех не столь уж редких минут, когда госпоже Серебристой Луны хотелось забыть о своем положении и обязанностях. С какой радостью она вскочила бы сейчас на своего скакуна и помчалась вдаль вместе с этой решительной девушкой. И, если надо, спустилась бы в Подземье, чтобы разыскать удивительного дроу, давно ставшего ей другом.

Но это было немыслимо. В конце концов, Дзирт До'Урден — всего лишь частичка огромного мира, мира, который без усталости напоминал о себе в шумном и многолюдном дворце леди Аластриэль.

— Счастливой дороги, дочь Бренора, — тихо пожелала прекрасная женщина с серебряными волосами. — Счастливой дороги и прощай!

* * *

На каменной тропинке, поднимавшейся в гору, Дзирт спешился. Дул теплый ветерок, и небо было ясным, но пару дней назад здесь прошла гроза, и дорожку смыло. Боясь, что лошадь поскользнется и сломает ногу, он пошел пешком и осторожно повел ее под уздцы.

Не раз за это утро он видел эльфа. Тропинка шла по открытой местности, и между всадниками, то спускавшимися, то поднимавшимися в гору, расстояние нередко оказывалось небольшим. Поэтому Дзирт не очень удивился, когда, обогнув скальный выступ, увидел эльфа, приближающегося к нему по параллельной дорожке.

Светлокожий эльф тоже спешился и остался, кажется, доволен, видя, что и дроу сделал то же самое, однако остановился футах в двадцати, как будто не решаясь приблизиться.

— Если ты должен присматривать за лошадей, то мы могли бы идти рядом, — громко предложил Дзирт. Эльф кивнул и подвел своего лоснящегося вороного жеребца к черно-белой лошадке Дзирта.

Дроу глянул вперед, на убегающую вверх тропку.

— Наверное, сегодня последний день, когда мне нужна будет лошадь, — объявил он. — Хотя, по правде сказать, я не знаю, придется ли еще ехать верхом.

— Тебе нужно перевалить через горы? — спросил лунный эльф.

Дзирт провел рукой по густым белоснежным волосам, сам пораженный тем, как на самом деле близка его цель.

— Я ищу рожицу здесь, неподалеку, — ответил он. — Когда-то там жил Монтолио Де Бруши.

— Слепой воин, — понимающе отозвался эльф.

Дзирт удивился, что тот слышал о нем. Он немного помолчал и внимательно посмотрел на своего спутника. Лунный эльф был не похож на воина или вольного странника, однако же знал Монтолио.

— Это справедливо, что имя Монтолио Де Бруши стало легендой, — наконец произнес дроу.

— А что станет с именем Дзирта До'Урдена? — спросил эльф. — Да, я знаю тебя, темный эльф, — добавил он в ответ на озадаченное выражение лица собеседника.

— Тогда ты в лучшем положении, чем я, — заметил Дзирт.

— Меня зовут Таратиль, — произнес его спутник. — И мы не случайно оказались на твоём пути в Лунном лесу. Когда моему немногочисленному роду стало известно, что ты неподалеку, мы решили, что Эллифен будет полезно увидеть тебя.

— Той девушке? — уточнил Дзирт.

— Да. — Кожа эльфа в солнечном свете казалась почти прозрачной. — Мы не знали, что с ней будет, когда она увидит дроу. Прими наши извинения.

Дзирт кивнул.

— Она ведь не из вашего рода, — предположил он. — Или, по крайней мере, она среди вас не с самого рождения.

Таратиль ничего не ответил, но по загадочному выражению, появившемуся на его лице, Дзирт понял, что почти угадал.

— Её семейство было вырезано дроу, — продолжил догадки Дзирт, с ужасом ожидая подтверждения.

— Что тебе об этом известно? — настороженно спросил Таратиль, и впервые в его голосе появились металлические нотки.

— Я участвовал в том набеге, — сознался Дзирт. Таратиль потянулся к мечу, но дроу перехватил его руку.

— На моей совести нет ни одной смерти, — поспешил объяснить он. — Если я и хотел кого убить тогда, так это моих собственных соплеменников.

Таратиль успокоился, и Дзирт отпустил его.

— Эллифен мало что помнит о том ужасе. Наяву она ничего не говорит, только во сне, да и то очень бессвязно. — Он помолчал и прямо посмотрел на Дзирта. — Но она несколько раз упоминала лиловые глаза, — продолжал он. — Мы не знали, как это понять, а она и сама не могла ничего объяснить в ответ на наши расспросы. Лиловый цвет глаз редко встречается у дроу, так гласят наши предания.

— Это правда, — подтвердил Дзирт безучастно, и перед его мысленным взором снова встали картины той жуткой ночи. Так это та самая девочка! Та, для спасения которой юный Дзирт До'Урден поставил под угрозу собственную жизнь и глядя в чьи глаза он отчетливо понял, насколько отвратительны обычаи его народа!

— Поэтому, когда мы услышали о Дзирте До'Урдене, дроу, друге дворфского короля, да еще с лиловыми глазами, то решили, что хорошо бы Эллифен встать лицом к лицу с ее прошлым, — закончил Таратиль.

Дзирт лишь кивнул, все еще поглощенный воспоминаниями о давно ушедшем дне.

Таратиль больше ничего не сказал. Видимо, Эллифен все вспомнила, но ее прошлое, представшее перед ней воочию, нанесло ей слишком серьезную травму.

Лунный эльф ответил отказом на предложение Дзирта забрать лошадей и вернуться, поэтому чуть позже они ехали бок о бок по узкой тропинке через горный перевал, по пути, который Дзирт прекрасно помнил. Он думал о Монтолио, Монши, как его называли, своим учителем из верхнего мира, слепом лесном воине, без промаха попадавшем стрелой в цель, руководствуясь уханьем своего ручного филина. Именно Монтолио поведал Дзирту о божестве, в чьем образе воплотились все стремления, волновавшие сердце юного дроу, покинувшего свою темную родину. Звали божество Миликки, это была богиня лесов, и с тех пор Дзирт До'Урден шел по жизни под ее безмолвным покровительством.

Когда тропинка спустилась с перевала вниз, на осыпь, противоречивые предчувствия стали обуревать Дзирта. Он с тревогой думал о том, что увидит в роще. А вдруг орда орков — эти уроды часто встречались в здешних местах — захватила удивительную рощу, последнее пристанище старого воина? Или ее уничтожил внезапный пожар и теперь там осталось только страшное пепелище?

Они ступили в густые заросли, по-прежнему придерживаясь узенькой, но вполне различимой тропки. Дзирт ехал первым. Деревья впереди поредели, и за ними открылся небольшой луг. Дроу остановил свою черно-белую лошадку и оглянулся на Таратилья.

— Это здесь, — сказал он и соскочил с седла; эльф последовал его примеру. Они

привязали лошадей в зарослях, а сами крадучись двинулись к кромке леса.

Посреди луга виднелась роща Монши, вытянувшись с севера на юг. В длину она была ярдов шестьдесят, в ширину вполовину меньше. Высоко возносились стройные сосны — никакое пламя не коснулось их, — и на разной высоте еще можно было разглядеть канатные переходы, когда-то натянутые между ними слепым охотником. Даже невысокая каменная стена сохранилась, все валуны были на месте, и ничего не заросло травой.

— Здесь кто-то живет, — заметил Таратиль, осматриваясь. Место совсем не выглядело заброшенным. Эльф увидел, что лицо дроу помрачнело, а в руках оказались кривые сабли, одна из которых светилась мягким голубым сиянием.

Дзирт осторожно выбрался из кустов и перебежал к каменной стене. Таратиль приготовил длинный лук и бросился следом.

— Я видел много следов орков в горах, — прошептал он. Потом натянул тетиву и вопросительно посмотрел на Дзирта. — За Монтолио?

Дроу кивнул и, приподнявшись, выглянул за край стены. Он ожидал увидеть орков и уже приготовился к бою.

Тут он застыл на месте, опустив руки и с трудом переводя дыхание.

Таратиль ткнул его локтем, не поняв, в чем дело. Но Дзирт молчал, и эльф, вскинув лук, сам выглянул из-за стенки.

Сначала он ничего не увидел, но, проследив за направлением взгляда Дзирта, заметил, что в небольшом просвете между деревьями ветки качались, словно кто-то только что пробежал там. Единственное, что сумел разглядеть эльф, — что-то белое, мелькнувшее в зелени. Лошадь, решил он.

В следующее мгновение существо выскочило из тени. Это оказалась огромная лошадь снежно-белой масти со светящейся шкурой. В ее странных глазах горело розовое пламя, а во лбу рос большой, в половину роста эльфа, белый рог. Она посмотрела на них, ударила копытом о землю и фыркнула.

У Таратилия хватило сообразительности нырнуть вниз и потянуть за собой остолбеневшего Дзирта.

— Единорог! — почти неслышно сказал он дроу, и рука темного эльфа непроизвольно потянулась к воротнику дорожного плаща, где висела подвеска в виде головы единорога, которую сделал для него Реджис.

Таратиль махнул назад, на плотную купу деревьев, где они оставили коней, и знаками показал, что надо уходить. Но дроу только покачал головой. Самообладание вернулось к нему, и он снова выглянул из-за камней.

Единорог исчез, словно его и не было.

— Надо уходить отсюда, — сказал Таратиль, убедившись, что волшебное существо пропало из виду. — Поверь, никто лучше единорога не присмотрит за рощей Монтолио.

Дзирт уселся на край стены, пристально вглядываясь в переплетение ветвей. Единорог! Символ Миликки, чистейшее воплощение сил природы. Более совершенное существо невозможно себе даже представить, и Дзирту подумалось, что лучшего стража для рощи Монтолио Де Бруши действительно не найти. Ему хотелось бы немного задержаться здесь, еще хоть разок взглянуть на сказочное создание, но время было дорого, впереди ждал мрак Подземья.

Он с улыбкой посмотрел на Таратилия и повернулся, чтобы идти назад. Но поперек тропинки перед ними стоял могучий единорог.

— Как ей это удалось? — спросил Таратиль. Шептаться больше не было необходимости, потому что белая лошадь стояла прямо перед ними, беспокойно била копытом и мотала величественной головой.

— Это он, — поправил Дзирт, заметив характерную для самцов белую бороду. Вдруг у дроу появилась какая-то мысль, он сунул сабли в ножны и соскочил вниз.

— Так как ему это удалось? — переспросил Таратиль. — Я не слышал топота копыт. — Тут он улыбнулся и оглянулся в сторону рощицы. — Если только он здесь не один!..

— Нет, он один, — с уверенностью сказал Дзирт. — Просто единороги обладают магическими способностями.

— Обойди его с юга, — прошептал Таратиль. — А я — севернее. Если мы его не напугаем... — Вдруг лунный эльф остановился, поскольку дроу, не слушая его, пошел напрямик вперед.

— Осторожно, — предостерег Таратиль. — Единороги, конечно, прекрасны, но они опасны и непредсказуемы.

Дзирт поднял руку, призывая его к молчанию, и медленно пошел к животному. Единорог заржал и замотал головой, размахивая густой гривой. Он звучно стукнул копытом оземь, оставив в дерне отнюдь не маленькую вмятину.

— Дзирт До'Урден! — предостерегающе окликнул эльф.

Разумнее было бы повернуть назад. Единорог запросто мог сбить его с ног и втоптать в землю, потому что с каждым шагом Дзирта величественное животное нервничало все больше.

Однако единорог не сорвался с места и не направил рог на Дзирта. Спустя минуту дроу был всего в паре шагов от него, чувствуя себя совсем крохотным рядом с могучим зверем.

Дзирт протянул руку и осторожно коснулся пальцами густой гладкой гривы, сделал еще шаг и легонько погладил мускулистую шею единорога.

Дроу едва дышал; вот бы Гвенвивар была с ним и видела это прекраснейшее из созданий природы! Хорошо бы и Кэтти-бри оказалась здесь, она бы испытала не меньший восторг, чем он.

Он обернулся к Таратилью, сидевшему на каменной стене и довольно улыбавшемуся. Вдруг улыбка на лице эльфа сменилась изумлением, и, повернувшись, Дзирт увидел, что ведет рукой по воздуху.

Единорог словно испарился!

Часть вторая МОЛИТВЫ БЕЗ ОТВЕТА

С того дня, как я покинул Мензоберранзан, мне не приходилось принимать более сложного решения. Я сидел у входа в пещеру, передо мной высились горы, а за спиной был туннель, ведущий во мрак Подземья.

Я думал, что здесь-то и начнется настоящее приключение. Выходя из Мифрил Халла, я совсем не думал о дороге, мне почему-то казалось, что в пути со мной не может случиться ничего особенного.

Но потом я встретил Эллифен, перепуганного ребенка, спасенного мной тридцать лет тому назад. Мне хотелось вернуться к ней, поговорить и помочь справиться с болью, причиненной тем давнишним нападением дроу. Хотелось выбежать из пещеры, догнать Таратилью и вместе с ним поскакать обратно в Лунный лес.

Однако забыть о том, что привело меня сюда, невозможно.

И конечно, я ожидал, что посещение рощи Монтолио, с которой связано столько дорогих сердцу воспоминаний, станет для меня духовным переживанием. Ведь он был моим первым другом в поверхностном мире, моим учителем, тем человеком, благодаря которому я пришел к поклонению Миликки. Выразить не могу, как я обрадовался, увидев, что его рощицу стережет единорог.

Единорог! Символ моей богини, наивысшее выражение совершенства природы! Наверное, я единственный из темных эльфов, удостоенный чести коснуться его мягчайшей гривы и мощной шеи, единственный, с кем это сказочное существо вело себя дружелюбно. Какое редкостное удовольствие хотя бы увидеть знаки присутствия единорога в том благословенном месте, и еще более редкостное — лицезреть прекрасное создание наяву. Немногие из жителей Королевств могут похвастаться встречей с единорогом; и еще меньшему числу живых довелось

прикоснуться к нему.

А мне довелось.

Было ли это посланием моей богини? Моя вера в Миликки тверда, и я не сомневаюсь, что она дала мне знак, чарующий, но осязаемый. Однако что он значит?

Я редко молюсь, предпочитая общаться с моим божеством посредством поступков и искренних чувств. Нет нужды приукрашивать пустыми словами то, что происходит на самом деле, пытаюсь представить самого себя в более выгодном свете. Если Миликки со мной, она знает, как я живу и что чувствую.

Однако ночью у входа в пещеру я молился. Молился, чтобы она наставила меня, чтобы открыла мне смысл явления единорога. Животное позволило мне прикоснуться к нему; оно не скрылось от меня, а высшей чести вольный странник и желать не может. Но что под этим подразумевалось?

Хотела ли Миликки сказать, что мое место здесь, на поверхности, или то, что мне не надо покидать рошу? Или же явлением единорога богиня дала знать, что одобряет мое решение вернуться в Мензоберранзан?

А может быть, сказала мне «прощай»?

Эта мысль не давала мне покоя всю ночь. Впервые с той минуты, как я ушел из Мифрил Халла, я задумался о том, что именно я, Дзирт До'Урден, могу потерять навсегда. Я думал о своих друзьях, Монтолио и Вульфгаре, оставивших этот мир, думал о тех, кого уж, наверное, никогда больше не увижу.

Тысячи вопросов донимали меня. Переживет ли Бренор потерю своего приемного сына? Справится ли Кэтти-бри со своей скорбью? Вернутся ли в ее голубые глаза волшебные искры, засветятся ли они снова любовью к жизни? Смогу ли я когда-нибудь еще раз склонить усталую голову на мощное плечо Гвенвивар?

Как мне хотелось в тот момент выскочить из пещеры и помчаться домой, в Мифрил Халл, снова оказаться рядом с друзьями, разглядеть их, прежних, сквозь печаль, затуманившую лица, просто быть рядом, выслушать и обнять.

Но я не мог забыть о причинах, приведших меня в пещеру. Я мог бы вернуться в Мифрил Халл, но то же самое могут сделать и мои темные сородичи. Не виню себя в смерти Вульфгара — приход темных эльфов был неожиданностью для меня. Но сейчас я не могу закрывать глаза на свои предчувствия — мне хорошо известно, что такое извращенное сознание дроу и ненасытность Ллос. И если дроу вернуться и чудесный свет в газах Кэтти-бри погаснет навсегда, для меня это будет равносильно тысяче мучительных смертей.

Всю ночь я молился, но божество так и не снизошло ко мне. И, как всегда, я в конце концов понял, что должен следовать тому пути, который в глубине сердца считаю правильным, верить, что внутренний голос созвучен желаниям Миликки.

Я не загасил костер у входа в пещеру. Хотелось как можно дольше видеть его яркое пламя и черпать в нем душевные силы, пока я буду спускаться в туннель. Спускаться во тьму.

Дзирт До'Урден

Глава 7 НЕЗАВЕРШЕННОЕ ДЕЛО

Бергиньон Бэнр висел головой вниз на своде громадной пещеры, надежно прикрепленный к седлу верхового ящера. Молодой воин не сразу привык к такому положению, но теперь как командир всадников Дома Бэнр он много часов проводил на этом своеобразном наблюдательном пункте, с высоты обзревая город.

Его внимание привлекло какое-то движение сбоку, за тесной группой сталактитов. Одной рукой он покрепче сжал десятифутовое копье, а другой ухватился за узду, одновременно не выпуская рукоять взведенного ручного арбалета.

— Я — сын Дома Бэнр, — громко объявил он, считая, что этих слов будет достаточно, чтобы пресечь любые враждебные поползновения. Он огляделся в расчете на подмогу и

вытащил из сумки на поясе сигнальную пластину, которая с одной стороны была нагрета, а с другой оставалась холодной. Такие пластины использовались для того, чтобы наделенные инфразрением существа могли общаться знаками. Поблизости находились десятки всадников Дома Бэнр, и по первому зову они должны были поспешить к Бергиньону.

— Я — сын Дома Бэнр, — повторил он.

И вздохнул с облегчением, увидев появившегося из-за сталактитов старшего брата, Дантрага, сидевшего верхом на более крупном подземном ящере. Смотреть на него было забавно — длинные белые волосы старшего Бэнра, схваченные в пучок, свисали с макушки вниз.

— Я тоже, — отозвался Дантраг, приблизившись к Бергиньону.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался тот. — И где ты раздобыл ящера без моего разрешения?

Дантраг фыркнул.

— Раздобыл? — переспросил он. — Я — оружейник Дома Бэнр. Я его просто взял, и никакого разрешение от тебя мне не требуется.

Младший Бэнр вперил в него тяжелый взгляд, но промолчал.

— Ты забываешь, кто обучал тебя, братец, — спокойно заметил старший.

Действительно, наставником Бергиньона был Дантраг.

— Ты готов встретиться с Дзиртом До'Урденом? — спросил Дантраг, и Бергиньон чуть не вывалился из седла от такого вопроса.

— Ведь это не исключено, раз мы собираемся напасть на Мифрил Халл, — холодно добавил Дантраг.

Бергиньон тяжело вздохнул, несколько растерявшись. Когда-то они с Дзиртом вместе учились в Мили-Магтир, Академии воинов. Бергиньон, подготовленный Дантрагом, поступил туда, ничуть не сомневаясь, что будет лучшим в классе. А этот выскочка, предатель Дзирт До'Урден, побеждал его каждый год. Конечно, Бергиньон считался одним из первых в Академии, но Дантрагу этого было мало.

— Так ты готов с ним встретиться? — настаивал Дантраг уже с заметным раздражением.

— Нет! — выпалил Бергиньон. Он прямо сидел на своем ящере, и на его привлекательном лице играла нахальная улыбочка. Бергиньон понимал, что брат неспроста добивается от него ответа. Дантраг хочет убедиться, что Бергиньон останется лишь зрителем, если им доведется столкнуться с бродягой До'Урденом.

И еще Бергиньон знал, почему Дантрагу хотелось первым сразиться с Дзиртом. Младшего До'Урдена обучал Закнафейн, главный соперник Дантрага. Он был единственным оружейником Мензоберранзана, дравшимся лучше, чем Бэнр. Все говорили, что Дзирт стал по меньшей мере равен своему учителю, если не превзошел его, и, если бы Дантрагу удалось его победить, он наконец вышел бы из вечной тени славы Закнафейна.

— Ты дрался с нами обоими, — хитро прищурившись, начал Дантраг. — Скажи мне, дорогой братишка, кто же лучше?

Бергиньон не мог бы ответить с уверенностью. Тридцать лет прошло с тех пор, как он сражался с Дзиртом До'Урденом, и с тех пор он даже не видел его в бою.

— Дзирт раздавит тебя, как козявку, — все же сказал он, чтобы позлить своего заносчивого братца.

Дантраг так быстро взмахнул рукой, что Бергиньон едва заметил его движение. В мгновение ока оружейник рассек мечом ремни на седле Бергиньона; не помог даже наложенный на них заговор на прочность. Другой рукой старший брат молниеносно выдернул уздечные ремни из креплений, и Бергиньон полетел вниз.

В воздухе младший Бэнр перевернулся. Он воспользовался магическими способностями к левитации, присущими каждому дроу, но у знати развитыми особенно сильно. Вскоре падение прекратилось, и Бергиньон, сжимая в руке свое страшное копье, медленно начал подниматься к хохочущему брату.

Если бы Мать Бэнр узнала, что ты выставил меня на посмешище перед солдатами, она бы тебя убила , просигналил он Дантрагу на языке жестов.

Пусть лучше пострадает твоя гордость, чем глотка , быстро знаками же ответил ему Дантраг и, пришпорив ящера, скрылся за сталактитами.

Приблизившись к своему ящеру, Бергиньон немного повозился с ремнями и уздой. Он только что заявил, что Дзирт — лучший воин, но теперь, учитывая, как ловко Дантраг провел атаку и вышиб его из седла, засомневался, так ли это на самом деле. Может статься, что, доведись этим двоим сойтись в бою, оплакивать надо будет Дзирта До'Урдена.

Бергиньону было приятно об этом размышлять. Со времени учебы в Академии слава Дзирта затмевала его собственную, как это было и с Дантрагом, которому не давала покоя память о Закнафейне. Если Дантраг одержит верх над Дзиртом, то братья Бэнр будут считаться сильнейшими воинами и положение Бергиньона станет выше уже оттого, что он ученик Дантрага. Это Бергиньону нравилось. Ему приятно было мечтать о славе, ради завоевания которой ему не придется пальцем о палец ударить, и не нужно будет снова драться с этим лиловоглазым дьяволом До'Урденом.

А ведь не исключено, что последствия этой битвы окажутся еще более выгодными, и втайне Бергиньон на это рассчитывал. Возможно, Дантраг убьет Дзирта, а потом, обессиленный и, вероятно, израненный, сам падет жертвой меча младшего брата. Тогда и слава, и положение Бергиньона окажутся несравненно выше, и он станет наиболее вероятным преемником почетной должности оружейника Дома.

Юный Бэнр перевернулся в воздухе, чтобы снова сесть в седло, и коварно улыбнулся, предвкушая выгоды, которые сулило ему предстоящее вторжение в Мифрил Халл.

* * *

— Джерлис, — угрюмо прошептал дроу.

— Джерлис Хорлбар? — уточнил Джарлакс. И прислонился спиной к неровной поверхности сталагмитового столба, пораженный этой вестью. Джерлис Хорлбар была Матерью Дома, одной из двух высоких жриц, управлявших Домом Хорлбар, двенадцатым по счету в Мензоберранзане. И вот она, бездыханная, лежит под грудой булыжников, а рядом с ней валяется сломанный хлыст.

Хорошо, что мы шли по его следам , пальцами показал солдат просто для того, чтобы сделать приятное главарю, а не сообщить что-то новое. Конечно, хорошо, ведь Джарлакс сам приказал следить за ним. Он знал, что этот человек опасен, невероятно опасен, но сейчас, глядя на лежащий перед ним располосованный мечом труп Матери Дома, одной из высших жриц Паучьей Королевы, наемник подумал, что недооценивал обстановку.

Мы можем донести и тем снять с себя подозрение , замелькали пальцы другого члена банды.

Сначала совет показался Джарлаксу дельным. Тело матроны, несомненно, найдут, и тогда начнется основательное следствие. Если никто другой не предпримет его, то Дом Хорлбар сам возьмется за дело. А в Мензоберранзане соучастие и укрывательство считалось нешуточным преступлением. Джарлаксу же подпольная война с двенадцатым Домом была совершенно не нужна, особенно теперь, когда и так назревало столько серьезных событий.

Но потом он принялся просчитывать другие возможности. Конечно, это происшествие было очень некстати, но, может, и его можно обратить себе на пользу? В игре, затеянной Матерью Бэнр, должна была быть по меньшей мере одна шальная карта, некий неизвестный фактор, который мог бы вместо неустойчивого хаоса вознести наемника к новым ступеням славы.

Завалите ее снова камнями , жестами показал главарь, *спрячьте поглубже, но не слишком усердствуйте. Я хочу, чтобы труп обнаружили, только не сразу.*

И наемник пошел прочь, бесшумно ступая тяжелыми сапогами и ни разу не звякнув многочисленными побрякушками.

Мы должны встретиться позже? — так же знаками спросил один солдат.

Джарлакс, не останавливаясь, покачал головой. Он знал, где искать того, кто убил Джерлис Хорлбар, и еще он знал, как использовать против него новые сведения ради того, чтобы укрепить его рабскую преданность Бреган Д'эрт или для чего-либо еще. Однако Джарлакс понимал, что провернуть все это надо предельно осторожно. Придется пройти по узкой грани между интригой и войной.

А никто во всем городе не умел это делать лучше него.

* * *

Утегенталь скоро прославится.

Мысль внедрилась в сознание, и Дантраг скривился. Он знал, откуда она исходила, и понял ее скрытый подтекст.

Мать Бэнр рассчитывает на него, последовал следующий телепатический посыл.

Дантраг вынул из ножен свой меч, когда-то принесенный им с поверхности, и взглянул на него. Торец невозможно острого лезвия светился невероятно тонкой алой линией, и рубиновые глазки чудовища, изображенного на эфесе, тоже горели внутренним пламенем.

Дантраг крепко сжал эфес и прислушался к тому, что внушал ему меч Хазид-Хи, Потрошитель.

Он силен и только выиграет от набега на Мифрил Халл. Он жаждет крови молодого До'Урдена и не меньше твоего хочет унаследовать славу Закнафейна — а может, даже больше.

Последнее замечание было сделано только затем, чтобы привести Дантрага в ярость. Хазид-Хи относился к нему не как к хозяину, а как к равному, соратнику, и знал, что им проще манипулировать, когда дроу разъярен.

Однако Дантраг, уже много лет владевший этим мечом, сам знал это, поэтому заставил себя сдержаться.

— Никто не желает Дзирту До'Урдену смерти больше, чем я, — заверил он клинок. — И Мать Бэнр постарается, чтобы именно у меня, а не у Утегенталя появилась возможность прикончить предателя. Мать Бэнр не допустит, чтобы слава такого выдающегося деяния досталась воину из второго Дома.

Алая полоса по краю меча загорелась еще ярче и отразилась в янтарных зрачках Дантрага.

Убей Утегенталя и облегчи ей задачу, уговаривал Хазид-Хи.

Дантраг расхохотался, и рубины на эфесе гневно вспыхнули.

— Убить его? — переспросил сын Бэнр. — Убить того, на кого Мать Бэнр собирается возложить важное задание? Да она с меня с живого шкуру спустит!

А ты мог бы убить его?

Дантраг снова рассмеялся, потому что упрямый клинок намеренно дразнил его, надеясь спровоцировать схватку, которой Хазид-Хи уже давно с нетерпением ожидал. Меч был страшно честолюбив, ничуть не меньше своего хозяина, и отчаянно желал принадлежать лишь сильнейшему в Мензоберранзане, причем ему было совершенно все равно, кто им окажется.

— Тебе бы следовало молиться, чтобы я мог это сделать, — ответил Дантраг, поигрывая настырным мечом. — Имей в виду, что Утегенталь предпочитает трезубец. Если он окажется победителем, то великолепный Хазид-Хи может окончить свои дни в ножнах какого-нибудь посредственного воина.

Он от меня не откажется.

Дантраг убрал меч, даже не думая отвечать. Он уже устал от препирательства с собственным оружием, да и Хазид-Хи задумчиво умолк.

Но клинок навел Дантрага на некоторые размышления. Он понимал всю важность предстоящего нападения. Если во время него он одержит верх над молодым До'Урденом, вся

слава достанется ему, однако, если Утегенталь доберется до него раньше, Дантраг окажется на втором месте и никогда не освободится от этого унижительного положения, если только не убьет Утегенталя. А его матери такой расклад не понравится, это Дантраг знал точно. Пока Закнафейн был жив, его собственное существование было пыткой, потому что Мать Бэнр без конца насадала на него, требуя, чтобы он убил легендарного оружейника.

Но если он останется вторым и теперь, мать может не оставить ему даже такого выбора. Бергиньон становится отличным воином, и она вполне способна пожертвовать средним сыном и передать высокое место оружейника младшему. Если она обоснует подобную перестановку тем, что Бергиньон бьется лучше, соперничество между оружейниками двух Домов все равно сохранится.

Решение было простым: Дантраг должен сам расправиться с Дзиртом.

Глава 8 ЧУЖОЙ

Он беззвучно пробирался сквозь крошечную тьму туннелей. Глаза его сияли лиловым пламенем, и он внимательно всматривался в неразбериху тепловых следов на полу и стенах, оценивая близость врага. Он казался обычным обитателем Подземья и вроде бы чувствовал себя здесь как рыба в воде, двигаясь легко и уверенно.

Но тем не менее Дзирту было не по себе. Сейчас он находился ниже самых глубоких туннелей Мифрил Халла, и стоячий воздух угнетал его. Почти двадцать лет он провел на поверхности, следуя правилам и обычаям земной жизни. Они отличались от тех, что были приняты в Подземье, как цветок из лесной чащи отличается от пещерной поганки. Ни человек, ни гоблин, ни даже чуткий эльф не заметили бы Дзирта, пройди он в паре метров от них, но ему самому казалось, что он ужасно неуклюж.

Он замирал на каждом шагу, боясь, что эхо его шагов гремит на сотни ярдов вокруг. Ведь это Подземье, и здесь зрение не играло большой роли, важнее были слух и обоняние.

Почти две трети своей жизни Дзирт провел в Подземье, а добрую часть последних лет прожил в подземных туннелях, принадлежащих Клану Боевого Топора. Но он больше не причислял себя к жителям Подземья. Его сердце осталось там, где высились горы, где сияли звезды и луна, где всходило и садилось солнце.

А это была ночь без звезд — точнее, одна бесконечная тьма, в которой трудно было дышать. Да и свисающие сталактиты затрудняли движение.

Туннели были разной ширины — в некоторые Дзирт едва протискивался, а в иных могли бы с легкостью разойтись десяток человек. Пол плавно уходил вниз, уводя Дзирта все глубже, но свод тоже понижался, так что высота коридора все время оставалась равной примерно двум ростам дроу. Довольно долго на пути Дзирта не встречалось ни пещер, ни ответвлений, чему он был рад, поскольку пока еще не был готов к выбору маршрута. Да и неожиданные враги могли появиться только спереди.

Дзирт никак не мог привыкнуть даже к врожденному инфразрению. Через некоторое время напряженного всматривания в тепловые узоры в мозгу начала пульсировать боль. Когда-то Дзирт мог не то что неделями, а месяцами пользоваться одним лишь инфразрением, различая только тепловые градации. Теперь же глаза, привычные к солнцу и свету факелов, горевших в коридорах Мифрил Халла, болели.

В конце концов он не выдержал и извлек из ножен Сверкающий Клинок. Магическая сабля осветила тьму бледным голубоватым сиянием. Дзирт прислонился спиной к стене и подождал, пока зрение перестроится, а потом пошел вперед, освещая дорогу саблей. Вскоре он оказался на перекрестке двух горизонтальных туннелей с вертикальной шахтой в месте пересечения.

Дзирт спрятал Сверкающий Клинок и посмотрел вверх, во тьму. Тепловых пятен он не увидел, хотя это его не особенно успокоило. Многие хищные твари Подземья научились разными способами скрывать тепло своих тел, подобно тому как тигры используют

полосатый рисунок шкуры, чтобы прятаться в густой траве. У некоторых развился внешний панцирь: наружные костяные пластинки надежно прятали тело существа, так что теплочувствительным глазам они представлялись всего лишь ничем не примечательными каменными глыбами. А многие из подземных чудовищ были хладнокровными и потому почти невидимыми.

Дзирт несколько раз втянул носом тяжелый воздух, замер и прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на звуках. Но ничего, кроме биения собственного сердца, не услышал. Тогда он проверил свою одежду и вещи, чтобы убедиться, что все надежно держится, и начал медленно спускаться вниз, стараясь не задеть какой-нибудь шаткий камень.

Он бесшумно преодолел шестьдесят футов, отделявших его от нижнего коридора, но в то мгновение, когда его сапоги легко коснулись пола, один-единственный камешек оторвался от стены и с громким стуком ударился об пол.

Дзирт замер на месте, прислушиваясь к многократно отразившемуся от стен эху. Когда-то он руководил патрульными отрядами и мог безошибочно идти на любой звук, машинально определяя, откуда он доносится. Но теперь ему стало трудно различать особенное звучание каждого эха. И он снова почувствовал себя здесь чужим. Тьма подавляла его. А сейчас он к тому же был в опасности, поскольку большинство жителей подземных коридоров легко ориентировались по эху, и отражение звука упавшего камня любого из них вывело бы напрямик к нему.

Он быстро помчался по лабиринту пересекающихся, разветвляющихся, иногда круто сворачивавших или резко шедших вниз туннелей, которые часто соединялись с другими ярусами не менее запутанных коридоров.

Как же ему не хватало Гвенвивар! Пантера нашла бы дорогу в любом лабиринте.

Чуть позже, сделав очередной поворот и внезапно наткнувшись на недавно убитую кем-то тварь, Дзирт снова вспомнил о кошке. У его ног лежал какой-то из подземных ящеров, слишком изувеченный, чтобы Дзирт мог с уверенностью определить его вид. Хвост и нижняя челюсть были оторваны начисто, брюхо распоротое, а внутренности сожраны. На коже твари виднелись длинные глубокие царапины, как будто следы когтей, и длинные тонкие кровоподтеки, какие остаются от ударов плетью. В нескольких шагах от тела, рядом с лужей крови, Дзирт обнаружил единственный след — отпечаток огромной кошачьей лапы, который вполне мог бы принадлежать Гвенвивар.

Но его верная спутница была в сотнях миль отсюда, а ящер, как решил дроу, был убит не более часа назад. Обычно животные Подземья не уходили далеко от своего логова, как делали их собратья на поверхности, поэтому вполне вероятно, что опасный хищник затаился где-то поблизости.

* * *

Бренор Боевой Топор неся по коридору, считая все на своем пути, его безысходное горе на время отступило под натиском едва сдерживаемой ярости. Тибблдорф Пвент еле поспевал за ним и, захлебываясь, засыпал короля вопросами, в то время как его доспехи пронзительно скрипели и визжали.

Бренор вдруг резко остановился и развернулся к берсерку, приблизив разгневанное лицо почти к самой физиономии Пвента, покрытой косматой бородой.

— Шел бы ты помылся, что ли! — рявкнул Бренор.

Пвент отшатнулся, не веря своим ушам. Когда дворфский король приказывает подданному вымыться — это все равно как если бы какой-нибудь король человеческой расы велел своим рыцарям идти и убивать младенцев. Так считал берсерк. Ведь есть же границы, которые даже правитель не волен переступить!

— Пф! — фыркнул Бренор. — Ну и черт с тобой! Пойди хотя бы смажь свои проклятые доспехи — король думать не может, когда ты так скрипишь и скрежещешь над ухом!

Пвент с готовностью согласился на такой компромисс и немедленно поспешил прочь,

опасаясь, как бы этот деспот снова не вернулся к теме мытья.

А Бренору хотелось только отослать куда-нибудь берсерка — все равно под каким предлогом, и он тут же и думать забыл о нем. Нелегкий выдался денек. Король только что принимал у себя Берктгара Храброго, посланника из Сеттлстоуна, и узнал, что в городе варваров и слухом не слыхивали о Кэтти-бри, хотя прошла уже почти неделя, как она покинула Мифрил Халл.

Бренор лихорадочно припоминал подробности последней встречи с дочерью. Он пытался восстановить в памяти, как она выглядела и что говорила, поймать хоть какой-то намек на то, что она в действительности задумала. Однако тогда Бренор был чересчур поглощен собственными мыслями. Если даже Кэтти-бри и обмолвилась, куда она на самом деле направляется, дворф попросту пропустил это мимо ушей.

Беседуя с Берктгаром, он сначала испугался, что в горах с девочкой могло что-то случиться. Он уже готов был вызвать целую армию дворфов и приказать им прочесать местность, но тут по какому-то наитию спросил, как обстоят дела с курганом Вульфгару.

— С каким курганом? — переспросил Берктгар.

И Бренор тотчас понял, что обманут. Но тут же решил, что выведет на чистую воду сообщника Кэтти-бри, если девчонка действовала не в одиночку.

Он чуть не снес с петель тяжелую, обитую железом дверь, ворвавшись в мастерскую Бастера, одного из лучших оружейников Клана. Бастер, дворф с синей бородой, и находившийся в мастерской хафлинг застыли от изумления. Реджис стоял на небольшом возвышении, а оружейник как раз измерял его талию, чтобы подогнать доспехи с учетом еще больше выросшего животика хафлинга.

Бренор бросился прямо к возвышению (при этом Бастер предусмотрительно отскочил в сторону), сгреб в кулак рубашку на груди Реджиса и одной рукой поднял его в воздух.

— Где моя девочка? — зарычал он.

— В Сеттлсто... — заученно начал хафлинг, но Бренор бешено встряхнул его, так что голова Реджиса мотнулась туда-сюда, как у тряпичной куклы.

— Где моя девочка? — чуть спокойнее, но недобро повторил Бренор. — И не вздумай водить меня за нос, Пузан.

Реджису уже основательно поднадоели грубые выходки со стороны его так называемых друзей. И сообразительный хафлинг быстренько сочинил про себя байку о том, что Кэтти-бри сбежала в Серебристую Луну в поисках Дзирта. В конце концов, это было не так уж далеко от истины.

Но тут он взглянул в изуродованное, искаженное гневом лицо короля, на котором при этом читалось глубочайшее страдание, и не смог солгать.

— Опusti меня на пол, — тихо сказал он, и дворф, видимо уловив в голосе хафлинга подлинное сочувствие, осторожно поставил его на ноги.

Реджис оправил рубашку, погрозил Бренору кулаком и крикнул:

— Как ты смеешь?

Дворф даже отступил на шаг перед таким неожиданным выпадом, не свойственным хафлингу, но Реджис и не думал останавливаться.

— Сначала является Дзирт и требует, чтобы я все сохранил в тайне, — бушевал маленький человечек, — потом врывается Кэтти-бри и чуть не вытряхивает из меня всю душу, требуя, чтобы я ей все рассказал. А теперь вот ты... Хороши же у меня друзья, нечего сказать!

Его резкая отповедь слегка охладила разгневанного короля. Но о какой такой тайне болтает этот хафлинг?

Тут в комнату ввалился Тибблдорф Пвент. Скрежет навешанного на него металла не уменьшился, зато все лицо, борода и руки были основательно намазаны жиром. Он остановился рядом с Бренором, миглом оценив обстановку.

Пвент с удовольствием потер руки, а потом пробежался пальцами по торчащим из его панциря лезвиям.

— Прикажешь, чтобы я от души обнял его? — с надеждой обратился он к Бренору, указывая на Реджиса.

Но король лишь жестом показал, чтобы он не вмешивался.

— Где моя девочка? — еще раз спросил Бренор, но уже спокойным, тихим голосом, каким и подобало разговаривать с другом.

Реджис с достоинством поджал губы, кивнул и начал рассказ. Он ничего не утаил, даже не забыл упомянуть, что сам помог Кэтти-бри, отдав ей волшебную маску и кинжал наемного убийцы.

Лицо Бренора снова перекошилось от ярости, но Реджис выпрямился во весь рост (хоть это и нелегко было заметить) и несколькими словами загасил уже готовое разбушеваться пламя.

— Неужели же ты на моем месте усомнился бы в воле и силе Кэтти-бри? — спросил он, напоминая дворфу, что его дочь уже не ребенок, да и не понаслышке знакома со многими опасностями дальних странствий.

Бренор не нашелся что сказать. Он хотел придушить Реджиса, однако понимал, что так он просто изольет свою горечь, самого-то хафлинга не в чем винить. И что теперь делать? И Дзирт, и Кэтти-бри уже успели далеко уйти, а где их теперь искать, Бренор даже не представлял.

Но в этот момент у него и сил не было. Он устался в каменный пол, и весь его гнев мигом испарился, а на смену ему опять пришла прежняя черная тоска. Не сказав больше ни слова, король вышел. Ему надо было хорошенько обо всем подумать, а, если он собирался помочь своей ненаглядной доченьке и дорогому другу, думать нужно было быстро.

Пвент вопросительно посмотрел на Реджиса и Бастера, но они лишь покачали головами.

* * *

Чутким ухом Дзирт различил легчайший шорох, вероятно, шаги хищной кошки. Он стоял не шелухнувшись, весь обратившись в слух. Если это действительно была кошка, она все равно уже учуяла его и знала, что кто-то вторгся на ее территорию.

Дзирт быстро осмотрелся. Туннель был неровным, он то расширялся, то сужался, пол был усеян ямами, трещинами и выступами, а в стенах имелись естественные ниши и углубления. Потолок тоже то понижался, то поднимался. В тепловом спектре стены казались неоднородными, и Дзирт понял, что наверху много карнизов и выступов. Гигантская кошка вполне могла броситься на него сверху.

Думать об этом было не слишком-то приятно, но что делать? Возвращаться бессмысленно, потому что для этого нужно преодолеть крутой подъем и подняться на верхний уровень, а там еще долго блуждать в поисках новой дороги вниз. Времени на это не было — ведь от него зависит жизнь друзей.

Дзирт прижался спиной к стене и, чуть пригнувшись, медленно двинулся вперед, держа наготове одну саблю, а Сверкающий Клинок до времени оставив в ножнах. Ему не хотелось обнаруживать себя свечением, хотя он и знал, что охотники Подземья отлично видят и без света.

Занеся ногу для следующего шага, Дзирт почувствовал, что позади пустота — это была неглубокая, но довольно широкая ниша. Следом в стене была другая, поуже и более глубокая. Убедившись, что в ней никого нет, Дзирт вошел в нее и обернулся, чтобы как следует оглядеться.

С навеса на противоположной стене прямо на него, не мигая, смотрели светящиеся зеленые кошачьи глаза.

Дзирт тут же выхватил Сверкающий Клинок, и его гневное голубое сияние озарило тьму коридора. Когда глаза его привыкли к нормальному спектру, дроу разглядел очертания громадного темного зверя, уже прыгнувшего на него. Он едва успел отскочить. Кошка — у

нее было целых шесть лап! — легко коснулась камня и молниеносно развернулась, сверкнув глазами и обнажив белые клыки.

Она была похожа на пантеру и по размерам напоминала Гвенвивар. Шкура у нее была густого смоляного цвета. Дзирт не знал, как поступить. Была бы это обычная пантера, он попытался бы успокоить ее, внушить, что он не враг и пройдет мимо ее логова, не причинив ей никакого вреда. Но перед ним стояло шестиногое чудовище. К тому же из-под лопаток у кошки росли странные, похожие на щупальца отростки с острыми костяными наконечниками, сейчас злобно шевелившиеся.

Тихо рыча, прижав к голове уши и оскалив огромные клыки, зверь пошел на него. Дзирт пригнулся пониже, выставив клинки перед собой, и уперся ногами в пол, чтобы в любой момент увернуться.

Кошка остановилась. Дзирт напряженно смотрел, как она подбирает средние и задние ноги, готовясь к новому прыжку.

Все произошло мгновенно: Дзирт сделал шаг влево, но зверь замер, и дроу тоже остановился, но сразу же прыгнул вперед и сделал выпад. Клинок должен был войти пантере как раз между глаз.

Но лезвие только рассекло воздух, и Дзирт не удержал равновесия. Он машинально кинулся вниз и сделал кувырок, едва успев увернуться от щупальца, пронесшегося как раз у него над головой; зато другое слегка оцарапало ему бедро. Он бешено работал саблями и как-то сумел отбиться. Потом вскочил и побежал, оставив кошку в нескольких футах позади.

Снова став в защитную стойку, Дзирт почувствовал некоторую растерянность. Бесспорно, зверь был умен — эльф даже не ожидал, что животное может быть таким хитрым. Но он не понимал, как мог промахнуться. Удар был точен. Даже обладая пантера сверхъестественной реакцией, она бы не успела так быстро отпрыгнуть. Вдруг справа возникла когтистая лапа, и он, защищаясь, замахнулся саблей в уверенности, что отрубленная конечность сейчас упадет на камень.

Но опять промахнулся, а потом едва успел, сам себе удивившись, увернуться. Но на сей раз ранение в бедро оказалось чувствительным.

Тварь бросилась на него, вытянув вперед лапу. Дзирт скрестил сабли, но нацеленные на него когти пронеслись футом ниже скрещенных клинков.

Только великолепная реакция спасла дроу. Громадная лапа не порвала его лишь потому, что параллельно с ее движением он бросился на пол, прямо под оскаленную кошачью морду. Сам себе он показался домовою мышью, пытающейся пробежать под брюхом у кота. Но, в отличие от последнего, у этой твари было целых шесть лап, и любой из них она могла его убить.

Дзирт брыкался и отбивался локтями, и ему удалось нанести довольно сильный удар. Ослепленный собственными лихорадочными движениями, он ничего не видел. Только оказавшись позади кошки, он сообразил, что в слепоте и есть его спасение. Дроу вскочил и сразу сделал кувырок головой вперед, едва избежав двойного удара когтей.

Он нанес свой единственный удар, пока был слеп!

Кошка обходила его кругом, рыча от ярости, не сводя с дроу ярко горящих зеленых глаз.

Дзирт, чтобы проверить свою догадку, плюнул ей прямо в морду. Промахнуться он не мог, а зверь не сделал ни малейшей попытки уклониться, но тем не менее послышался явственный шлепок о каменный пол. Кошка попросту была не там, где казалась.

Дзирт попытался припомнить, чему их учили в Академии Мензоберранзана. Один раз он слышал о таких существах, но они были столь редки, что учителя упоминали о них лишь вскользь.

Кошка бросилась вперед. Дзирт прыгнул навстречу, под неминуемый удар ее лап. Наугад он полоснул саблей парой футов правее, где, как ему казалось, было в этот момент животное.

Но оно оказалось слева, и сабля только со свистом рассекла воздух. Теперь Дзирту

было несдобровать. Он прыгнул вперед и почувствовал, как мощная лапа вцепилась в стопу — как раз в ту, что пострадала во время поединка с Энтрери. Он рубанул Сверкающим Клинком, и раненая кошка отдернула лапу. Они упали вместе, сплетясь телами. Дроу ощущал горячее дыхание твари и с огромным усилием вывернул запястье, чтобы перекрестьем сабли защитить руку, которую она могла бы оторвать.

Он закрыл глаза — зрение только сбивало его с толку — и с силой ударил чудовище по морде наверху Сверкающего Клинка, потом вывернулся и отпрыгнул. Кошачье щупальце настигло его и полоснуло по спине, но он успел сделать кувырок вперед, поэтому боль была не очень сильной.

Снова вскочив на ноги, Дзирт помчался вперед что было сил. Добравшись до первой неглубокой ниши, он скользнул туда; зверь гнался за ним по пятам.

Дзирт сосредоточился и обратился к своим внутренним магическим способностям. Его накрыл шар непроницаемого мрака. Сияние Сверкающего Клинка и горящие глаза чудовища исчезли.

Сделав два шага в сторону, Дзирт бросился вперед, так как не хотел выпустить зверя из темной сферы. Он почувствовал, как рядом взметнулась лапа, просвистела по воздуху совсем близко и после нацелилась на него под другим углом.

Дроу с размаху полоснул по ней саблей и довольно усмехнулся, когда почувствовал, что лезвие прошло плоть насквозь.

Тварь взвыла от боли, и теперь Дзирт точно знал, где она. Подходить слишком близко было нельзя, но сабли давали ему некоторое преимущество. Подняв Сверкающий Клинок для защиты, он бешено заработал другой саблей, нанеся животному еще несколько неглубоких ран.

Разъяренная кошка прыгнула на него, но Дзирт предугадал это и бросился на пол. Потом перевернулся на спину и сделал выпад обоими клинками вверх, всадив их довольно глубоко в брюхо зверя.

Кошка тяжело осела и ударилась о стену. Даже не дав ей приподняться, Дзирт бросился вперед. Сабля вонзилась зверю в голову. Кошка дернулась, пытаясь вырваться, растопырила лапы и широко распахнула пасть.

Острые Сверкающего Клинка вошли ей под челюсть и скользнуло ниже, рассекая шею. Тяжелая лапа шлепнула по сабле, едва не вырвав ее из руки Дзирта, но дроу, понимая, что от этого зависит его жизнь, держал саблю изо всех сил. Кошка дико забилась, но Дзирт, отступая, не подпускал ее к себе.

Раненый зверь теснил его, и оба вывалились из шара непроглядного мрака. Дзирт сомкнул веки. Он почувствовал, что кошачье щупальце сейчас вцепится в него, и изменил направление движения, внезапно навалившись на Сверкающий Клинок всем своим весом. Щупальце огрело его по спине — он едва успел выставить локоть, чтобы когти не скользнули вперед, к лицу.

Сверкающий Клинок на пол-лезвия вошел в тело зверя. Из кошачьей глотки вырвался какой-то булькающий звук, тяжеленные лапы забили по бокам Дзирта, разрывая плащ и царапая тонкую мифриловую кольчугу. Кошка попыталась извернуться, несмотря на раненую шею, и впиться зубами Дзирту в руку.

Дзирт остервенело размахивал саблей, рубя кошку по голове.

Длинные щупальца с когтями крепко вцепились в него и не выпускали, зубастая пасть была всего в дюйме от его живота. Один коготь вошел между кольцами кольчуги и сильно уколол его в бок.

Но Сверкающий Клинок без устали взмывал вверх и со свистом опускался.

Оба противника, сплетясь, свалились на пол бесформенной грудой. Дзирт упал на бок и, глядя в злобно горящие глаза зверя, вдруг испугался, что обречен, хотя и отчаянно пытался вырваться из-под тяжелого тела. Но внезапно хватка животного ослабла, и дроу понял, что тварь мертва. Извиваясь, он выбрался из-под нее. Даже после смерти глаза кошки продолжали светиться зеленым огнем.

* * *

— Лучше не лезь туда! — предупредил Реджиса один из стражей у дверей тронного зала Бренора. Хафлинг чуть приостановился — такого страха он не видел еще на лице ни одного дворфа.

Дверь с грохотом распахнулась, и оттуда вывалился целый отряд дворфов в полном вооружении и амуниции. Торопясь, они натыкались друг на друга и падали. Вслед им несли целый поток ругательств, изрыгаемых их славным королем.

Один из стражей стал торопливо закрывать дверь, но Реджис бросился вперед и протиснулся внутрь.

Бренор расхаживал около трона, время от времени с силой ударяя по нему кулаком. В кресле для посетителей сидел генерал Дагнабит, командующий войсками Мифрил Халла; вид у него был мрачный. Позади Бренора в полном восторге скакал Тибблдорф Пвент, предусмотрительно отпрыгивая в сторону, когда король круто разворачивался.

— Жрецы — тупицы! — рявкнул Бренор.

— После смерти Коббла не осталось никого, равного по силам... — начал было Дагнабит, но Бренор его не слушал.

— Жрецы — тупицы! — ожесточенно повторил он.

— Точно! — с готовностью поддакнул Пвент.

— Мой король, ты отправил два поисковых отряда в Серебристую Луну и еще один на север, — попытался урезонить его Дагнабит. — И половина моих солдат обследует нижние туннели.

— Так я отправлю туда же и остальных, если эти не найдут ход вниз! — заорал Бренор.

Никем не замеченный Реджис, стоя у двери, начал понимать, в чем дело. То, что он видел, его определенно радовало. Бренор снова был похож на прежнего Бренора и готов был перевернуть все вверх дном, лишь бы найти Дзирта и Кэтти-бри. В нем опять бурлила жизнь!

— Но там не меньше тысячи туннелей, — настаивал Дагнабит. — Можно потратить неделю на их изучение, а потом убедиться, что они тупиковые.

— Так отправь туда тысячу дворфов, — взъярился Бренор. Он снова прошествовал мимо трона, но потом круто остановился, заметив хафлинга, так что Пвент налетел на короля сзади.

— Ты на что пялишься? — выкрикнул Бренор, видя изумленный взгляд Реджиса.

Реджис хотел ответить: «На своего старого друга», но не смог и дернул плечом. Глаза Бренора гневно вспыхнули, и хафлинг испугался, что тот сейчас кинется на него и придушит. Но король успокоился и опустил на трон.

Реджис осторожно подошел поближе, внимательно следя за Бренором и почти не слушая увещаний трезвомыслящего Дагнабита, говорившего, что нагнать давно ушедших друзей сейчас невозможно. Реджис уже понял, что генерала не особенно тревожит судьба Дзирта и Кэтти-бри. Это его не слишком удивило, поскольку суровый дворф не питал особой любви к тем, кто не принадлежал к его народу.

— Была бы у нас эта чертова кошка, — начал Бренор и вновь бросил гневный взгляд на хафлинга. Реджис заложил руки за спину и склонил голову.

— Или хотя бы треклятый медальон! — орал Бренор. — Куда, Девять Проклятых Кругов, я сунул этот треклятый медальон?

Реджис моргал и вздрагивал, слушая, как бушует король, но все равно пребывал в уверенности, что поступил правильно, когда помог Кэтти-бри и отдал ей Гвенвивар.

И, несмотря на вероятность в любую минуту получить от Бренора зуботычину, он был страшно рад видеть своего друга вновь полным жизни.

Глава 9 НАЗАД ПУТИ НЕТ

Они медленно продвигались вверх по каменистой тропе, чаще ведя коней в поводу, чем сидя верхом. Кэтти-бри изнывала от их черепашьего шага. Этой ночью она видела свет костра вдалеке и была совершенно уверена, что там — Дзирт. Она сразу же бросилась к лошади, готовая скакать на свет, но Фред остановил ее, заявив, что волшебные подковы нисколько не спасают лошадей от изнеможения, и напомнив об опасностях ночных переходов в горах.

Кэтти-бри вернулась к своему костру совершенно подавленная. Она хотела было вызвать Гвенвивар и отправить ее по следу Дзирта, но передумала. Чужой костер горел светлой точкой где-то высоко, за много миль от них, к тому же она ведь не знала наверняка, был ли там Дзирт.

Но теперь, поднявшись выше в горы и неуклонно, хотя мучительно медленно приближаясь к тому месту, где ночью горел огонь, Кэтти-бри начала раскаиваться, что ничего не предприняла. Она видела, как Фред, почесывая подбородок, озирается, вглядываясь в ничем не примечательный пейзаж, и пожалела, что свет костра не указывает им путь.

— Мы туда доберемся! — уверял опрятный дворф, посматривая на ее унылое лицо.

Утро незаметно сменилось полднем; еще немного, и тени удлинились.

— Надо сделать привал, — объявил Фред, когда спустились сумерки.

— Останавливаться нельзя, — не согласилась Кэтти-бри. — Если это был костер Дзирта, значит, он и так уже обогнал нас на целый день, несмотря на ваши хваленые волшебные подковы!

— Прошу прощения, но я вряд ли разыщу пещеру впотьмах, — огрызнулся дворф. — Вполне возможно, что мы обнаружим великана или, скажем, тролля, насчет волков я даже и не сомневаюсь, но вот пещеру?..

Однако, видя, что Кэтти-бри сурово свела брови, Фред пожалел о своем саркастическом выпаде.

— Ну ладно, ладно! — воскликнул он. — Продолжим поиски до тех пор, пока не станет совсем темно.

Они двигались дальше, пока девушка не перестала различать идущую рядом с ней лошадь, а пони Фреда чуть было не оступился на краю ущелья. Тогда даже упрямой Кэтти-бри пришлось сдаться.

Когда лагерь был разбит, она нашла высокую сосну и вскарабкалась на самую ее вершину. Девушка решила, что если снова увидит костер, немедленно тронется в путь или, по крайней мере, пошлет вперед пантеру.

Но в эту ночь никакого огня она не видела.

Едва забрезжил рассвет, они снова пустились в дорогу. Примерно через час Фред радостно всплеснул беленькими ладошками, решив, что напал на знакомую тропку.

— Мы почти у цели, — обнадежил он девушку.

Тропинка ушла вверх, потом спустилась в каменистую, заросшую лесом ложбину, вновь поднялась вверх на скалистый, овеваемый всеми ветрами утес. Фред привязал пони внизу к дереву и объявил Кэтти-бри, что они почти на месте, надо лишь подняться по пологому склону. Но, потратив два часа на подъем, дворф обнаружил, что перепутал вершины.

Уже далеко за полдень они поняли, что Фред был прав, сказав утром, что они почти у цели. Тогда от пещеры их отделяло не более полумили. Но разыскать какую-то определенную пещеру в горах — задача не из легких даже для дворфа, а ведь Фред был здесь только однажды, да и то почти двадцать лет назад!

Но в конце концов, когда тени вновь удлинились, они вышли к нужному месту. Внимательно осмотрев вход и кострище, Кэтти-бри покачала головой. Огонь горел здесь две ночи назад, и угли лежали аккуратной кучкой, как и сложил бы их лесной странник.

— Он был здесь, — уверенно заявила Кэтти-бри, — две ночи тому назад.

Девушка поднялась и откинула на спину каштановые кудри, укоризненно глянув на Фреда, будто это он был во всем виноват. Потом перевела взор вниз, словно пытаясь рассмотреть то место, откуда она увидела свет.

— Мы бы все равно не добрались сюда той ночью, — оправдывался дворф. — Хоть бегом, хоть верхом, но...

— Мы могли бы ориентироваться на свет, — перебила его Кэтти-бри.

— Ну да, только долго ли? Это просто удача, что в какой-то просвет между скалами мы заметили огонь. Но едва мы оказались бы в ущелье, то потеряли бы его из виду или гора заслонила бы свет. И куда бы ты пошла тогда, упрямая дочь Бренора?

Гневный взгляд Кэтти-бри оборвал тираду Фреда. Он лишь глубоко вздохнул и безнадежно махнул рукой.

Но девушка понимала, что он прав. Едва только они углубились в горы после той ночи, еле различимые тропки сразу стали необычайно путаными, они спускались вниз и убегали вверх, петляли между скальными выступами. Чтобы попасть к пещере, им пришлось бы преодолеть не меньше двадцати миль по такой дороге, и Кэтти-бри понимала, что даже Гвенвивар не удалось бы нагнать дроу.

Но разумные доводы не слишком-то утешили ее. Она поклялась разыскать Дзирта и вернуться с ним домой, но теперь, стоя у входа в мрачную пещеру в совершенно незнакомой местности, девушка понимала, что стоит лицом к лицу с безграничной тьмой.

— Надо возвращаться к леди Аластриэль, — сказал Фред. — Может, среди ее друзей — она ведь дружна со многими — есть такие, кто поможет найти дроу.

— Ты о чем это?

— Это было смелое предприятие, — ответил Фред. — И твой отец будет тобой гордиться, но...

Кэтти-бри подскочила к дворфу, отпихнула его с дороги и вбежала в пещеру, где чернел вход в подземные туннели. По дороге она наступила на острый камень, но сдержалась и не вскрикнула, боясь, что покажется Фреду смешной, нелепой и бестолковой. Однако именно такой она себя и чувствовала, пока шарил в сумке в поисках трута, огнива и масленки.

— Кстати, знаешь, ты ей очень нравишься, — как бы между прочим заметил Фред.

Девушка остановилась и оглянулась на силуэт дворфа, вырисовывавшийся на фоне серого неба у входа в пещеру.

— Я имею в виду Аластриэль, — пояснил он.

Кэтти-бри не нашла, что сказать. Рядом с царственной госпожой Серебристой Луны она чувствовала себя очень неуютно. Вряд ли Аластриэль делала это намеренно, но в ее присутствии Кэтти-бри казалась себе ничтожеством.

— Это правда, — настаивал Фред. — Ты не только ей нравишься, она восхищается тобой!

— Расскажи это оркам! — фыркнула Кэтти-бри. Она решила, что он издевается.

— Ты похожа на ее сестру, — продолжал Фред и ухом не ведя, — Дав Соколицу, совершенно необычайную женщину.

Теперь Кэтти-бри промолчала. Она много слышала о сестре Аластриэль, легендарной женщине-следопыте, а иногда и вправду воображала себя похожей на нее. Слова дворфа вдруг перестали казаться ей совершенной нелепицей.

— Бедняжка Аластриэль, — заметил Фред. — Ей хотелось бы быть немного похожей на тебя.

— Расскажи это оркам! — опять буркнула девушка, уже не в силах остановиться. Мысль о том, что величественная Аластриэль, могущественная волшебница, может хоть в чем-то завидовать ей, показалась Кэтти-бри совершенно абсурдной.

— А я говорю тебе! — вышел из себя Фред. — Какие вы, люди, странные существа, вы единственные среди всех рас не умеете оценивать себя по достоинству. Каждый человек либо чересчур высокого, либо чересчур низкого мнения о себе! Я же говорю, ты нравишься

Аластриэль, она восторгается тобой! Если бы было иначе и она считала тебя зарвавшейся дурочкой, а твои поступки — бестолковыми, с какой стати она стала бы возиться с тобой? И разве отправила бы она в помощь тебе меня, своего незаменимого советника? И зачем бы тогда, дочь Бренора Боевого Топора, она передала тебе вот это?

Он поднял руку и что-то показал Кэтти-бри, но она не разглядела что. Девушка помедлила, всматриваясь, и подошла к дворфу.

В руке Фреда была диадема — тонкая серебряная цепь с вставленным в нее большим камнем.

— Как красиво, — зачарованная бледно-зеленым камнем, пересеченным по центру черной полоской, выдохнула девушка.

— Красиво — это еще не все, — отозвался Фред и протянул украшение, чтобы она его примерила.

Девушка надела цепочку на голову, застегнула. Камень оказался точно посередине лба, и она чуть не вскрикнула, потому что очертания предметов вдруг задрожали и смазались. Теперь она могла видеть только силуэт Фреда. Не веря своим глазам, Кэтти-бри обернулась, всматриваясь в глубь пещеры. Казалось, что подземная тьма осветилась неярким светом звезд, и девушка вполне отчетливо видела все выступы и ямки в каменном полу и на стенах.

Полоска в камне на ее голове расширилась, и он стал похож на кошачий глаз, но этого она, конечно, видеть не могла.

— Идти в Подземье с горящим факелом в руке было бы не очень разумно, — заметил Фред. — Одна-единственная свеча выдаст тебя и сделает мишенью для многих охотников. Да к тому же много ли масла ты сможешь унести с собой? К концу первого же дня твой фитиль окажется совершенно бесполезным. А с Кошачьим Глазом свет и вовсе не нужен, сама видишь.

— С Кошачьим Глазом?

— Так называется этот агат. — Фред показал на камень в диадеме. — Аластриэль сама наложила на него заклинание. Обычно камни, зачарованные таким образом, показывают разные градации серого цвета. Но госпожа предпочитает звездный свет. Очень немногие во всех Королевствах могли бы похвастаться таким даром.

Кэтти-бри кивнула, но промолчала. Раздумывая над своим отношением к госпоже Серебристой Луны, она почувствовала угрызения совести, и собственное поведение представилось ей нелепым и глупым. Как она могла усомниться в этой женщине, позволив глупой ревности затуманить глаза!

— Я получил указание попытаться отговорить тебя от этого опасного путешествия, — продолжал дворф, — но Аластриэль уже тогда знала, что у меня ничего не выйдет. Ведь ты и вправду похожа на Дав, такая же целеустремленная и упорная, да к тому же не менее свято верящая в собственное бессмертие. Хотя госпожа и боится за тебя, но знает, что ничто, даже Подземье, тебя не остановит.

В тоне дворфа не было ни сарказма, ни пренебрежения, и Кэтти-бри, не ожидавшая подобных слов, снова растерялась.

— Ты проведешь ночь в пещере? — сменил тему Фред. — Я могу развести костер.

Кэтти-бри покачала головой. Дзирт и так уже ушел вперед слишком далеко.

— Ну да, само собой, — тихонько пробормотал дворф.

Но девушка его уже не слышала; она шла к входу в туннель. Чуть приостановившись, она позвала Гвенвивар, боясь, что не обойдется без ее поддержки. Когда большая кошка материализовалась, девушка оглянулась, чтобы попросить Фреда поблагодарить за нее Аластриэль, но тот уже ушел.

— Пошли, Гвен, — сказала девушка с напряженной улыбкой. — Надо найти Дзирта.

Пантера исследовала вход, а потом скользнула внутрь, очевидно взяв след.

Кэтти-бри помедлила, бросив прощальный взгляд на кусочек неба, видимый из пещеры. И подумала о том, увидит ли она вновь звезды.

Глава 10 СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Он шел по узким коридорам и просторным залам, таким громадным, что их противоположные стены и свод терялись из виду. Он совершенно беззвучно преодолевал участки голого камня и жидкой грязи. Углубляясь все дальше в туннели Подземья, Дзирт До'Урден с каждым шагом все лучше вспоминал те дни, когда ему приходилось в одиночку выживать в подземных дебрях, когда он еще был охотником.

Надо было вновь разбудить в глубине своего существа ту первобытную сущность, которая жила, руководствуясь инстинктами. В диких лабиринтах Подземья не было времени на раздумья — только на действия!

Дзирту было неприятно, что придется подчиняться примитивной дикой составляющей его души. Но ведь и само это путешествие не нравилось ему, а идти было необходимо. Если он погибнет здесь, так и не добравшись до Мензоберранзана, его затея принесет друзьям только вред. Его не станет, но темные эльфы не узнают об этом и все равно пойдут в Мифрил Халл. Ради Бренора, Реджиса и милой Кэтти-бри надо было идти вперед, значит, Дзирт должен снова превратиться в первобытного охотника.

Решив в первый раз за день отдохнуть, он забрался к самому своду одного высокого туннеля, повис головой вниз, зацепившись ногами за край глубокой и узкой расселины в стене, и задремал, держа руки за пояс, поближе к саблям.

Спустя час его разбудило какое-то отдаленное эхо. Звук был слабым, похоже, кто-то наступил в жидкую грязь, и Дзирт замер, настороженно прислушиваясь к колебаниям воздуха и по едва слышному затухающему эхо вычисляя, откуда донесся звук.

Оттолкнувшись от стены, он перевернулся в воздухе и пролетел пятнадцать футов до пола. Сначала Дзирт коснулся камня носками мягких сапог, а потом только стал на полную стопу, приземлившись совершенно бесшумно. Он побежал, стараясь держаться подальше от тех туннелей, откуда слышалось эхо, — ему не хотелось лишних осложнений по пути в город дроу.

С каждым шагом он двигался все увереннее. Возвращалось прежнее чутье, а вместе с ним и воспоминания о времени, когда он в одиночку скитался по Подземью. Он вышел в туннель, где под ногами хлюпала жидкая грязь, воздух был теплым и слышалось тихое шипение и бульканье горячей, насыщенной воздухом воды. Тут и там торчали влажные блестящие сталагмиты и сталактиты, превращая туннель в сплошной лабиринт.

Дзирт хорошо знал это место, помнил его еще с того времени, когда искал выход на поверхность. Он почувствовал одновременно облегчение и трепет. С одной стороны, дроу был рад, что находится на верном пути, но с другой — именно поэтому ему и было страшно. Он пошел на звук воды, зная, что нужный ему туннель начинается как раз позади горячих источников.

Воздух все нагревался и вскоре стал горячим, но Дзирт не снимал плаща, чтобы в случае неожиданного столкновения в этом довольно опасном месте руки не были заняты ничем, кроме верных сабель.

А место и впрямь было опасным. Какие угодно чудища могли таиться за бесчисленными природными колоннами, а Дзирту с большим трудом удавалось беззвучно передвигаться в раскисшей жиже. Шагни он чуть медленнее, нога бы глубоко погрузилась в грязь, и следующий шаг неминуемо сопровождался бы громким хлюпом. Дзирт только один раз сознательно замешкался, чтобы послушать, какой получится звук. Сравнив его с услышанным чуть раньше эхом, он понял, что тот шум был произведен сразу несколькими парами ног.

Дзирт быстро осмотрелся, оценивая температуру воздуха и степень излучаемого сталагмитами тепла. Чужие шаги становились громче, и дроу понял, что в его сторону движется целый отряд. Он внимательно оглядел все ответвления туннелей и удостоверился, что те, кто сюда шел, не пользовались светом.

Скользнув под тонкий сталактит, оканчивавшийся футах в четырех над полом, дроу опустился на колени и поджал ноги. Потом расправил плащ, чтобы получился конус, следя, чтобы нигде не было крупных складок и ничто не торчало. Затем внимательно рассмотрел висевший над ним сталактит, поднял руки и обвил его конец.

Он закрыл глаза и склонил голову между поднятых рук. Немного поерзал, принаравливаясь к новой позе и добиваясь наиболее естественного вида.

Дзирт превратился в сталагмит.

Вскоре повсюду стали слышны шлепающие шаги и грубые визгливые голоса, принадлежавшие скорее всего гоблинам. Дзирт осторожно выглянул из-за сталагмита, чтобы убедиться, что у них нет ни факелов, ни светильников. Если бы на него упал свет факела, вся маскировка гроша бы ломаного не стоила.

Но стать невидимым в Подземье — совсем не то, что спрятаться в лесу, даже в непроглядно темную ночь. Здесь самым важным было изменить отчетливые контуры, создаваемые любым теплокровным существом в инфракрасном спектре. Дзирт был уверен, что температура сталагмитов вокруг была примерно такой же, как и у его наружных покровов.

Всего в нескольких шагах от него прошел гoblin, и по звукам Дзирт догадался, что всего их было не меньше двадцати. Он представил себе последовательность движений, которые надо будет совершить, чтобы как можно скорее выхватить клинки. Если один из этих уродов его заденет, игра будет кончена, и Дзирт взметнется, молниеносно работая оружием, чтобы прорваться сквозь их ряды и убежать прежде, чем они даже осознают, что здесь кто-то был.

Однако ничего подобного не потребовалось. Толпа гоблинов последовала дальше, обойдя множество сталагмитов и сталактитов и одного дроу, притворившегося каменным столбом.

Дзирт раскрыл лавандовые глаза; теперь в них горел азарт охотника. Еще некоторое время он оставался неподвижным, выжидая, не отстал ли кто от прошедшей мимо компании, а потом совершенно беззвучно бросился бежать.

* * *

Кэтти-бри сразу же поняла, что жуткую шестиногую тварь, похожую на кошку с костяными отростками на спине, убил Дзирт. Стоя на коленях перед тушей, она заметила характерные изогнутые порезы, к тому же девушка сомневалась, что так лихо разделаться со зверем мог кто-то еще.

— Это сделал Дзирт, — убежденно прошептала она Гвенвивар, и пантера тихо заворчала. — И не больше двух дней тому назад.

Глядя на труп чудовища, она почувствовала легкую панику. Если даже Дзирту, умевшему незаметно передвигаться в Подземье и знавшему здесь все ходы и выходы, не удалось избежать столкновения, то какова вероятность, что ей удастся остаться невредимой?

Вдруг на нее накатила слабость, и она прислонилась к лоснящемуся боку Гвенвивар. Пантеру тоже нельзя больше удерживать здесь. Волшебная кошка была существом с Астрального уровня и должна была часто возвращаться туда, чтобы восстановить свои силы. Перед спуском в туннель Кэтти-бри думала, что первый час под землей проведет в одиночку, вступит в крошечный мрак без поддержки, но не смогла. В этом чужом мире девушке необходимо было чувствовать кого-то рядом. Но чем дальше, тем лучше Кэтти-бри осваивалась с новой обстановкой и собиралась отправить Гвенвивар домой на первом же перекрестке, когда они решат, в какую сторону идти.

Вот они и вышли на такой перекресток, но здесь же нашли и мертвую тушу.

Кэтти-бри быстро пошла вперед, велев Гвенвивар не отходить от нее. Понимая, что пантеру все равно надо отпустить, что неразумно расходовать ее силу сейчас, поскольку она ей понадобится в минуту опасности, девушка оправдывала себя тем, что поблизости могут

бродить другие шестиногие чудовища, и все откладывала и откладывала отсылку Гвенвивар.

Прошло минут двадцать, в туннелях по-прежнему царили тьма и тишина, и тогда девушка собралась с духом и остановилась. Она отослала Гвенвивар, совершив один из самых храбрых поступков в своей жизни. Когда серый туман рассеялся и статуэтка вернулась в мешочек у пояса, она наконец оценила подарок Аластриэль.

Конечно, она осталась в Подземье одна-одинешенька, среди мрачных коридоров, населенных смертельно опасными существами. Но по крайней мере могла видеть все вокруг, и мерцающая иллюзия — прекрасная даже здесь, среди серых камней, — ободрила ее.

Кэтти-бри глубоко втянула воздух и попыталась взять себя в руки. Она вспомнила Вульфгара и снова дала себе клятву: больше никто из ее друзей не покинет ее! Она нужна Дзирту — поэтому прочь все страхи!

Легонько сжав в кулаке медальон в форме сердца, чтобы излучаемое им тепло не дало ей сбиться с пути, девушка снова пошла вперед, хотя каждый шаг, уводивший ее все дальше от солнечного мира, давался ей нелегко.

* * *

Миновав горячие источники, Дзирт ускорил шаг, поскольку теперь хорошо помнил дорогу и прекрасно понимал, скольких вероятных врагов ему надо сторониться.

Дни шли за днями без особых происшествий. Минула неделя, за ней другая. В свое время Дзирт больше месяца потратил на то, чтобы добраться до поверхности от Блингденстоуна, города глубинных гномов, расположенного милях в пятидесяти от Мензоберранзана. Но теперь, подгоняемый опасностью, грозившей Мифрил Халлу, он торопился, как только мог.

Начались извилистые узкие коридоры, потом Дзирт пришел к знакомой развилке, где один туннель резко забирал к северу, а другой шел дальше на запад. Дзирт подозревал, что северная ветка быстрее выведет его к городу дроу, но решил придерживаться западного направления, надеясь побольше узнать, идя по знакомому маршруту, и еще больше надеясь встретить кого-нибудь из старых друзей.

Два дня спустя он по-прежнему шел вперед, но теперь часто останавливался и прикладывал ухо к каменной стене, прислушиваясь, не раздастся ли мерный стук. Дзирт знал, что Блингденстоун уже неподалеку, и в его окрестностях вполне могли работать рудокопы. Однако в пещерах было тихо, а время утекало стремительно. Решив сначала посетить город гномов, Дзирт теперь передумал. И так уже много времени потрачено на дорогу; пора идти в Мензоберранзан.

Спустя час, осторожно обогнув поворот и оказавшись в низком туннеле с покрытыми светящимся лишайником стенами, Дзирт уловил какой-то отдаленный шум. Сначала он улыбнулся, решив, что наконец нашел этих неуловимых рудокопов, но, прислушавшись получше, различил лязг металла, потом крики и переменялся в лице.

Где-то недалеко в самом разгаре была битва.

Дзирт сорвался с места, ориентируясь по эху. Попал в тупик, вернулся и скоро вновь уже спешил по верному следу, держа в руках обнаженные сабли. Он оказался у развилки. Оба коридора продолжались в одном направлении, но один резко поднимался вверх. Звуки сражения громко отдавались в обоих.

Дзирт решил пойти выше и побежал, пригнувшись. За поворотом он увидел довольно большое отверстие и понял, что здесь и идет бой. Он вышел из коридора и ступил на навес, шедший вдоль стены в двадцати футах над большим залом с неровным каменным полом, утыканным сталагмитами. Внизу бились свирфы и дроу.

Свирфы и дроу! Дзирт отшатнулся к стене и бессильно уронил руки, вцепившиеся в клинки. Он прекрасно знал, что свирфы, глубинные гномы, — миролюбивый народец, поэтому скорее всего зачинщиками были его соплеменники, вероятно, они устроили засаду отряду рудокопов. Сердце Дзирта рвалось туда, вниз, на помощь жестоко теснимым гномам,

но он не находил в себе сил. Он сражался с дроу, даже убивал их, но всегда при этом чувствовал муки совести. Ведь это его народ, одной крови с ним! Что если там, внизу, сейчас бьется еще один Закнафейн или Дзирт До'Урден?

Один из темных эльфов, увлеченный погоней за раненым гномом, вскарабкался по каменному склону, но тот вдруг ожил, превратившись в земную элементарь, союзника гномов. Громадные лапы сомкнулись вокруг дроу и смяли его, несмотря на то, что эльф отчаянно рубил клинками каменное тело.

Глядя на эту жуткую сцену, Дзирт содрогнулся, но при этом почувствовал облегчение от того, что гномы отвоевали свои позиции. Элементарь тем временем медленно повернулась, выдергивая ноги из каменного массива, и сломала преграждавший ей дорогу сталагмит.

Гномы укрылись за спиной своей гигантской избавительницы, спешно пытаясь восстановить хоть какую-то стройность рядов посреди всеобщей свалки. Многие лавировали среди нагромождений камней, стремясь соединиться с основными силами, пока темные эльфы отступали под натиском страшного великана. Один крепкий гном бросился напролом с боевым кличем.

Дзирт низко пригнулся на своем уступе. С этого наблюдательного пункта ему было хорошо видно, как опытные воины-дроу, рассыпаясь под натиском свирфов, прячутся за каменными выступами. Довольно большая группа проскользнула к выходу, куда направлялись и гномы. Однако если элементарь и дальше так же двигалась бы вперед, скорее всего гномы выбрались бы из пещеры без потерь, а в коридоре они могли бы повернуть ее, поставив живым заслоном, и под ее прикрытием бежать в Блингденстоун.

Но тут на пути великанши встали три женщины-дроу. Разглядев их расшитые пауками одеяния служительниц Ллос, Дзирт тяжело вздохнул. Это были жрицы, причем, вероятно, высокого ранга, а это значило, что гномам не удастся уйти.

Одна за другой женщины затянули заклинания и подняли руки, посылая вперед клочья густого тумана. Влага осела на земляной громаде, и она начала растворяться, растекаясь струями грязи.

Жрицы не умолкали. Разъяренная великанша наступала, а по ней струились потоки грязи.

Еще одна волна тумана осела на элементарь, грязь потекла широким потоком, но сама жрица была так поглощена заклинанием, что не успела отступить. Под ударом каменной руки ее кости затрещали, и она, пролетев по воздуху, разбилась о сталагмитовую колонну.

Оставшиеся жрицы снова атаковали элементарь; ее ноги растворились, и она беспомощно рухнула на пол. Порождение земли сразу же начало отращивать новые конечности, но их опять оросили смертоносной влагой. Видя, что великанша им больше не подмога, командир свирфов призвал к атаке, и гномы бросились вперед, убив еще одну жрицу, прежде чем подоспели темные эльфы с флангов и окружили свирфов. Вновь завязалась жаркая битва, как раз под тем местом, где прятался Дзирт До'Урден.

Он наблюдал за происходящим, затаив дыхание, видел, как три дроу наносили удар за ударом одному гному, как он с криком упал.

Оправданий промедлению больше не было. Дзирт умел отличать добро от зла и понимал, что присутствие жриц Ллос говорит о важности происходящего. В его лавандовых глазах вспыхнул огонь, и он тут же обнажил сабли; Сверкающий Клинок уже полыхал яростным голубым пламенем.

Внизу слева у высокого тонкого сталагмита стояла уцелевшая жрица. Она касалась рукой свирфа, а тот и не пытался убежать, только стонал и слегка дрожал, а из его тела в руку женщины перетекала темная энергия. Жрица высасывала жизнь из своей жертвы.

Дзирт сунул Сверкающий Клинок под мышку, прыгнул, зацепил рукой вершину сталагмитовой колонны и по спирали быстро съехал вниз. Он приземлился как раз рядом с женщиной и тут же выхватил оружие.

Ошеломленная жрица отдала ему какое-то резкое приказание, приняв Дзирта за своего.

Но он глубоко вонзил Сверкающий Клинок ей прямо в сердце.

Едва живой гном с изумлением посмотрел на дроу и быстро заковылял прочь. Дзирт бросился бежать, выкрикивая гномам предостережения на их родном языке о затаившихся у входа темных эльфах. Однако он старался остаться незамеченным, понимая, что любой из гномов убьет его, не раздумывая, а любой из дроу может его узнать.

Он старался не думать о том, что только что сотворил, старался не думать о том, что глаза умирающей женщины были невероятно похожи на глаза его сестры Вирны.

Он тяжело навалился на сталагмит. Из-за другого столба, грозно размахивая молотом, выскочил гном. Затем рядом с ним вырос солдат-дроу.

Свирф оглянулся, ища путь к отступлению, но дроу бросился на него.

Повинуясь порыву, Дзирт ударил дроу саблей по руке, в которой был зажат меч, оставив глубокий порез. Темнокожий эльф выпустил оружие и в ужасе уставился на своего соплеменника, вдруг выступившего против него. Он споткнулся, потом посмотрел на гнома и в этот момент получил тяжелый удар молотом по голове.

Свирф, конечно, ничего не понял и, когда один дроу упал, занес молот, чтобы поразить и второго. Но Дзирта уже не было видно.

Жрицы были повержены, и к полуразвалившейся элементали бросился свирфский шаман. Сверху на груды обломков он водрузил камень и стукнул по нему киркой, потом начал заклинание. Вскоре элементаль возродилась и, как грохочущий горный обвал, пошла вперед в поисках своих врагов. Шаман провожал ее взглядом, хотя ему следовало бы оглядеться вокруг. Сзади к нему подкрался темный эльф и занес над ним булаву.

Шаман осознал опасность, когда оружие уже опускалось ему на голову, но удара не последовало. Дзирт взмахнул саблей, отодвинул шамана в сторону и встал перед ошеломленным соплеменником.

Друг? — замелькали пальцы дроу.

Дзирт покачал головой и Сверкающим Клинком отбил булаву в сторону. Второй саблей он усилил удар, отбросив руку противника далеко влево.

Однако неожиданность нападения не дала Дзирту существенного преимущества, и свободной рукой солдат-дроу мгновенно выхватил из-за пояса длинный кинжал. Он тут же замахнулся им, целя Дзирту прямо в сердце и уже победоносно рыча.

Но Дзирт быстро крутнулся вправо, одновременно зацепив одним из клинков рукоять кинжала и дернув ее. Продолжая вращательное движение, он плотно прижался спиной к груди врага, удерживая перед собой его руку. Дроу другой рукой пытался так замахнуться булавой, чтобы ранить Дзирта, но тот оказался быстрее, да и в более выгодном положении. Он чуть отступил и высоко поднятым локтем с силой стукнул противника в лицо раз, другой, третий.

Дзирт отпихнул кинжал и вовремя развернулся, подняв Сверкающий Клинок, чтобы встретить удар булавой. Другой саблей он сделал выпад вперед, и ее наверху ткнул дроу в лицо.

Тот постарался удержать равновесие, но удар был слишком сильным. Булава тут же вылетела у него из руки, а эфесом Сверкающего Клинка Дзирт стукнул противника в челюсть, и тот упал на пол.

Дзирт глянул на шамана, который стоял с открытым ртом и нервно сжимал свой молот. Исход битвы был уже предрешен — свирфы во главе с возрожденной элементалью одерживали уверенную победу.

К шаману присоединились еще два гнома, и все они смотрели на странного дроу со страхом и подозрением. Дзирт на мгновение задумался, припоминая язык свирфов, в котором причудливым образом сочеталась мелодика языка поверхностных эльфов и грубоватое звучание дворфского говора.

— Я не враг, — произнес он и в доказательство бросил на пол свои сабли.

Поверженный дроу застонал. Один из гномов мигом подскочил к нему и собрался разmozжить ему череп своей мотыгой.

— Нет! — выкрикнул Дзирт, сделав шаг и нагнувшись, чтобы предотвратить удар.

Но тут же резко выпрямился, почувствовав острую боль в позвоночнике. Он видел, как гном прикончил оглушенного дроу, но не мог ничего поделать, поскольку боль каскадом снова прокатилась по спине. Как будто кто-то провел ему по позвоночнику странной дубиной с плоским концом, наподобие того, как дети возят доской по забору.

Боль прекратилась, но Дзирт довольно долго стоял без движения. Он ощущал покалывание в ногах, как будто отлежал их, а потом и вовсе перестал что-либо чувствовать ниже пояса. Он изо всех сил старался удержаться, но ноги подогнулись, он упал и лежал, корчась, на полу.

Он чувствовал, что вот-вот прогрузится во тьму беспамятства — а то и в нечто худшее, — поскольку уже с трудом соображал, где он и почему здесь оказался.

Напоследок, пока искра сознания еще тлела в нем, он расслышал слова шамана, не слишком, впрочем, его порадовавшие:

— Убейте его.

Глава 11 ВСЕ ТЩЕТНО

— Это здесь? — гаркнул берсерк, стараясь перекрыть свист ветра. Он пришел сюда вместе с Реджисом и Бренором, разыскивая тело Артемиса Энтрери, — причем сам настоял, чтобы хафлинг вывел короля из Мифрил Халла. «Ключи надо искать там, где они есть», — загадочно объяснил Пвент.

Реджис надвинул капюшон своего чересчур большого плаща на самый нос, прячась от пронизывающего ветра. Они находились в узком ущелье, между круто поднимавшимися вверх стенами которого, казалось, собирались все ветра, превращаясь в шквал.

— Это случилось где-то здесь, — сообщил Реджис, неуверенно пожав плечами. Тогда, разыскивая истерзанного Энтрери, он шел верхним путем по краю ущелья. Снизу же все выглядело совсем иначе, хотя он был уверен, что в целом не ошибся.

— Мы его найдем, мой король, — заверил Тибблдорф.

— Только вряд ли оно того стоит, — пробурчал Бренор в ответ.

Услышав его безнадежный голос, Реджис поморщился — Бренор снова замыкался в своем безысходном отчаянии. Дворфы так и не нашли в путаных туннелях под Мифрил Халлом хода в Подземье, хотя поисками было занято не меньше тысячи солдат. Да и вести с востока многого не обещали — раз Кэтти-бри и Дзирт шли через Серебристую Луну, сейчас оба были уже далеко. Бренор постепенно убеждался в тщете всех усилий. Проходили недели, а он так и не нашел пути, который привел бы короля к дорогим его сердцу существам. Надежда таяла.

— Но, мой король! — громогласно возразил Пвент. — Ведь он знает дорогу!

— Он — покойник, — резонно напомнил Бренор берсерку.

— Есть о чем беспокоиться! — загрохотал Пвент. — Жрецы умеют разговаривать с мертвецами, кроме того, при нем может оказаться карта. Да говорю тебе, мы найдем дорогу в этот вонючий город и я спущусь туда ради тебя, мой король! Поубиваю всех этих паршивых дроу — кроме нашего, конечно, — добавил он, подмигнув Реджису, — и верну твою девочку домой!

Бренор лишь вздохнул и махнул рукой, чтобы хафлинг вел их дальше. Несмотря на свое настроение, в глубине души он надеялся, что при виде растерзанного тела Энтрери испытает особое удовлетворение.

Они прошли еще немного. Реджис постоянно высовывал нос из своего капюшона, чтобы сориентироваться. Наконец хафлинг увидел высокий утес, похожий на растущую из скалы ветку.

— Здесь, — показал он. — Похоже, это то самое место.

Пвент взглянул вверх, потом осмотрел дно ущелья как раз под выступом. Он стал

карабкаться по скальным обломкам на четвереньках и принюхиваться к камням, словно надеялся почувствовать трупный запах.

Реджис, откровенно веселясь, наблюдал за ним, потом повернулся к Бренору. Тот стоял у склона ущелья и, покачивая головой, водил ладонью по камню.

— Что там? — спросил Реджис, подходя поближе. Услышав его слова, Пвент тоже присоединился к ним.

Став рядом с королем, Реджис тоже разглядел нечто серо-сизое, облепившее камень. Бренор оттянул кусочек странной материи.

— Что это? — опять спросил Реджис, осторожно дотронувшись пальцем до непонятного материала. За пальцем потянулись липкие волокна, и хафлингу не сразу удалось освободиться от клейких нитей.

Бренор долго молчал. Пвент пробежал мимо них, обнюхал камни, потом помчался на другую сторону ущелья.

— Это то, что осталось от паутины, — наконец угрюмо произнес король дворфов.

Одновременно Бренор и Реджис подняли головы и посмотрели на далеко выдававшийся над ущельем утес, представляя, чем могло закончиться падение полумертвого убийцы, если кто-то натянул под ним сеть.

* * *

Пальцы мелькали чересчур быстро, и убийца так и не смог понять переданное ему указание. Он энергично замотал головой, и раздосадованный дроу всплеснул черными ладонями, пробормотал ругательство — и пошел прочь.

«Иблис», — повторил про себя Артемис Энтрери. Это слово обозначало «дерьмо», и с тех пор, как Джарлакс привел его в это злосчастное место, он чаще всего слышал в свой адрес именно это. А что, интересно, от него ожидали? Он ведь только начал учить язык жестов, а движения пальцев в нем были столь сложными и точными, что Энтрери сомневался, под силу ли хотя бы одному из двадцати людей освоить его. К тому же он отчаянно пытался выучить разговорный язык темных эльфов. Он знал некоторое количество слов, в целом понимал, как строится предложение, но способен был передать только простейшие мысли.

Зато слово «иблис» он знал слишком хорошо.

Убийца прислонился к стене маленькой пещерки, ставшей в эту неделю штабом всех операций Бреган Д'эрт. Сам себе он казался таким ничтожным, как никогда раньше.

Когда Джарлакс вернул его к жизни неподалеку от того ущелья в окрестностях Мифрил Халла, он принял предложение наемника отправиться вместе с ним в Мензоберранзан (теперь-то он понимал, что это был скорее приказ), решив, что его ждет увлекательное приключение.

Но ничего похожего на приключение не получилось; это место оказалось настоящим адом. Здесь Энтрери был всего лишь «колнблас», не-дроу, и жить ему приходилось среди двадцати тысяч представителей расы, не отличавшейся особой терпимостью. Нельзя сказать, что дроу как-то по-особому ненавидели людей, просто так они относились ко всем, кто не принадлежал к их народу. И поскольку в их глазах он был только «колнблас», когда-то наводивший ужас убийца теперь стоял ниже последних солдат Бреган Д'эрт. Какая разница, что он совершил и кого убил в прежней жизни. В Мензоберранзане Артемис Энтрери обречен был вечно занимать только двадцать тысяч первое место.

А еще эти пауки! Энтрери их ненавидел, а в городе темных эльфов они ползали повсюду. Дроу выращивали более крупные и ядовитые разновидности многоногих тварей и держали их в качестве домашних животных. Убийство паука считалось тягчайшим преступлением и каралось «дживвин куи'эльгхин» — пытками до смерти. А в восточной части гигантской пещеры рядом с озером Донигартен, где росли мох и грибы и куда Энтрери часто отправляли надзирать за толпами рабов, пауков было несметное количество. Они

ползали вокруг него, по его телу, свисали вниз на длинных нитях у самого лица едва сдерживавшего отвращение человека.

Убийца поднес к глазам сиявший зеленым светом меч. Хорошо хоть в городе теперь больше света; по какой-то непонятной причине магические огни и факелы стали недавно в Мензоберранзане обычным делом.

— Неразумно пятнать такой прекрасный клинок кровью дроу, — донесся от двери знакомый голос, говоривший на Общем языке. Джарлак вошел в комнату, но Энтрери не отрывал взгляда от светящегося лезвия.

— Ты допускаешь, что я решусь причинить вред кому-то из твоих могущественных соплеменников? — саркастически отозвался он. — Разве посмею я, презренный иблис... — Джарлак высокомерно рассмеялся, и Энтрери замолчал, неприязненно взглянув на наемника, державшего в руках широкополую шляпу и теребившего перо диатримы.

— Я всегда высоко ценил твою доблесть, — сказал Джарлак. — Ты несколько раз дрался с Дзиртом До'Урденем и до сих пор жив, а этим в Мензоберранзане мало кто может похвастаться.

— Я был ему ровней в бою, — процедил Энтрери сквозь зубы. Но слова отозвались в нем болью. Он неоднократно сражался с Дзиртом, но лишь дважды им никто не мешал. И оба раза Энтрери оказывался в проигрыше. Раньше ему нестерпимо хотелось сравнять счет, доказать, что он сильнее. Но в глубине души убийца признавал, что больше не хочет сходить с Дзиртом в бою. Когда он проиграл в первый раз, в грязных, вонючих отстойниках Калимпорта, каждый день его жизни был отмечен жаждой отыграться, тогда он все свое существование подчинил тому, чтобы добиться долгожданного реванша. Но, проиграв во второй раз, когда он остался болтаться как тряпка, израненный, избитый и беспомощный в продуваемом всеми ветрами ущелье...

«Что же изменилось?» — спрашивал себя Энтрери. Почему ему больше не хочется драться с отступником-дроу? Потому ли, что доказывать больше нечего? Или он просто боится? Разные чувства тревожили его, и Артемис Энтрери не мог найти покоя ни внутри себя, ни в темном городе дроу.

— Я был равен ему в бою, — тихо повторил он как можно увереннее.

— Я бы на твоём месте не стал бросаться такими заявлениями, — ответил Джарлак. — А то Дантраг Бэнр и Утегенталь Армго подерутся за право убить тебя первым.

Энтрери даже глазом не моргнул; он так и стоял, исполненный гордости и гнева, и сияющий меч в его руке как будто отражал его чувства.

Джарлак снова рассмеялся.

— Я хотел сказать, за право сразиться с тобой первым, — поправился он и, извиняясь, отвесил низкий поклон.

Но человек-чужак снова и бровью не повел. Он думал, не вернет ли он себе хоть отчасти чувство собственного достоинства, убив одного из этих легендарных воинов? А вдруг он снова проиграет и, что стократ хуже смерти, принужден будет всю жизнь прожить с этим клеймом?

Энтрери опустил меч и сунул его обратно в ножны. В жизни он не испытывал такой неуверенности и не был одолеваем столькими сомнениями. Даже будучи мальчишкой и живя на улицах жестоких городов Калимшана, он всегда сохранял уверенность в себе, и это его выручало. Но здесь все было иначе.

— Твои солдаты потешаются надо мной, — неожиданно пожаловался он, вымещая досаду на наемнике.

Джарлак опять засмеялся и надел шляпу на бритую макушку.

— Ну, так убей парочку, — посоветовал он, и Энтрери не понял, шутит расчетливый дроу или говорит всерьез. — Тогда остальные оставят тебя в покое.

Энтрери только сплюнул. Оставят в покое? Да они все до единого будут только выжидать, когда он заснет, чтобы искромсать его на мелкие кусочки и скормить своим паукам. От этой мысли его передернуло. Ведь он убил женщину-дроу (а в Мензоберранзане

это было гораздо более серьезным преступлением, чем убийство мужчины), и, вероятно, именно в эти минуты в каком-то из домов уже морят голодом пауков, приготавливаясь накормить их человечинкой.

— Ах, до чего ты неотесанный, — деланно сочувственным тоном произнес наемник.

Энтрери вздохнул и отвел глаза, проведя ладонью по лицу, чтобы отогнать неприятные мысли. Да что с ним творится? И в Калимпорте, и в гильдиях, даже среди пашей и прочих «властителей жизни» он всегда оставался сам себе хозяином. Артемиса Энтрери, убийцу, нанимаемого самыми опасными и двуличными ворами во всех Королевствах, никто не смел сердить. Как же он мечтал снова увидеть над головой бледное небо Калимпорта!

— Не тревожься, мой аббиль, — произнес Джарлак, назвав его «другом». — Ты еще увидишь рассвет. — Внимательно наблюдая за лицом Энтрери, он широко осклабился, видимо поняв по его выражению, что угадал, о чем сию минуту думает человек. — Мы вместе будем смотреть, как восходит солнце, стоя у ворот Мифрил Халла.

Так они возвращаются за Дзиртом, догадался Энтрери. Но на этот раз, судя по огням Мензоберранзана, будет уничтожен и весь Клан Боевого Топора.

— Так будет, — издевательски продолжал Джарлак, — если только Дом Хорлбар не успеет раньше докопаться, кто же убил одну из их Матерей.

И, щелкнув каблуками и коснувшись пальцами полей шляпы, Джарлак повернулся и вышел из пещеры.

Значит, Джарлаксу все известно! И эта женщина оказалась Матерью Дома! Энтрери тяжело привалился к стене, чувствуя себя совершенно уничтоженным. Откуда же ему было знать, что эта мерзавка в переулке — на самом деле треклятая матрона?

Стены как будто смыкались вокруг, не хватало воздуха. На всегда невозмутимом лице убийцы обильно выступил холодный пот, он с трудом переводил дыхание. Все его мысли крутились вокруг возможности побега, но рассыпались в пыль при одном взгляде на неумолимые каменные стены. Они держали его здесь надежней клинков дроу.

Однажды он уже пытался бежать. Он вышел из Мензоберранзана через восточный выход, как раз за озером Донигартен. Но куда ему было податься? Подземье было сплошным лабиринтом опасных туннелей, где полно глубоких ям, кишевших чудищами. Как справиться с ними, убийца даже не представлял. Он, Энтрери, — существо из другого мира. Он не понимает дикого Подземья и наверняка долго не протянет там. И уж точно не найдет выхода на поверхность. Он в ловушке, в капкане, его гордость и достоинство сломлены, и к тому же раньше или позже за ним явится неминуемая мучительная смерть.

Глава 12 ПОД ДАВЛЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

— Можно обрушить весь этот участок, — сказал генерал Дагнабит, ткнув коротким пальцем в расстеленную на столе карту.

— Обрушить? — заревел берсерк. — Если его обрушить, как же мы тогда прикончим вонючих дроу?

Реджис, устроивший это совещание, обвел мученическим взглядом Дагнабита и еще трех командующих дворфскими войсками, склонившихся над столом. Потом перевел глаза на Пвента.

— Обрушим потолок и прикончим этих вонючих дроу, — отдельно произнес он.

— Ба, камнями! — выдохнул берсерк. — И какая в этом радость? Мне надо смазать доспехи их кровью, но если вы примените свой дурацкий план, мне придется несколько месяцев разгребать обломки, чтобы найти хоть одно тело и хорошенько пощекотать его моим панцирем!

— Ты только спустись сюда, — предложил Дагнабит, — а уж мы позаботимся, чтобы ты пролетел футов сто...

Реджис с кислым видом посмотрел на генерала, а потом на остальных, согласно

закивавших головами. Он понимал, что в шутке Дагнабита есть доля правды. Вряд ли многие из Клана Боевого Топора станут проливать горячие слезы, если в предполагаемой битве с темными эльфами несносный Пвент окажется в числе тех, кого недосчитаются.

— Обрушить туннель, — сказал Реджис, чтобы напомнить, о чем шла речь. — Еще нам понадобятся надежные укрепления здесь и здесь, — добавил он, показывая на открытые участки в нижних туннелях. — Я вскорости должен встретиться с Берктгаром из Сеттлстоуна.

— Ты еще и смердящих людишек сюда позовешь? — встрял Пвент.

Даже дворфы, уважавшие запах покрытого сажей потного тела, при этих словах состроили гримасы. В Мифрил Халле ходила поговорка, что от благоухания, исходящего подмышками Пвента, вяли даже закаленные морозоустойчивые цветы в радиусе пятидесяти ярдов.

— Я не знаю, что делать с людьми, — сознался Реджис. — Я им еще даже не говорил о моих подозрениях относительно нашествия дроу. Если они согласятся помогать нам — а я в этом не сомневаюсь, — полагаю, лучше будет не пускать их вниз, хоть мы собираемся осветить нижние туннели.

Дагнабит кивнул:

— Это и в самом деле разумно. У людей высокий рост, и они лучше приспособлены к сражениям в горах. А я так думаю, что дроу придут не только снизу, но попытаются обойти нас по поверхности.

— И тогда парни из Сеттлстоуна их встретят, — завершил его мысль другой дворф.

* * *

Бренор Боевой Топор с любопытством наблюдал за собранием, стоя в тени полуоткрытой двери. Просто поразительно, как быстро Реджис все взял в свои руки, даже без помощи своей гипнотической рубиновой подвески. Обругав Бренора за медлительность и отсутствие решимости, за то, что он снова погрузился в мутные воды тоски, когда след Кэтти-бри и Дзирта был почти потерян, маленький хафлинг, сопровождаемый Пвентом, направился напрямик к генералу Дагнабиту и другим командующим.

Бренор был поражен не тем, что дворфы с энтузиазмом начали готовиться к войне, а тем, что они во всем слушаются Реджиса. Конечно, без мошенничества здесь не обошлось. Пользуясь тем, что Бренор пребывал в апатии, хафлинг врал, что советуется с ним, а потом отправлялся к Дагнабиту и остальным, якобы передавая им новые указания их короля.

Когда Бренор обнаружил жульничество, то первым его желанием было удавить Реджиса, но тот смело вытянулся перед ним во весь свой маленький рост и совершенно искренне заявил, что готов сию же минуту уйти в тень, если Бренор сам всем займется.

Бренор был бы не прочь, ему отчаянно хотелось вновь собраться с силами, но одна мысль о возможной войне неизбежно обращала его память к недавним схваткам, когда рядом были Дзирт, Кэтти-бри и Вульфгар, и у него тут же опускались руки. Поэтому он отпустил Реджиса, разрешив тому и дальше действовать, прикрываясь его именем.

Дагнабит был прекрасным стратегом, но он мало что знал о других расах, исключая разве гоблинов. Реджис же был одним из ближайших друзей Дзирта и сотни раз слышал рассказы дроу о его родине и соплеменниках. Реджис был и в числе друзей Вульфгара, поэтому хорошо понимал варваров, на которых дворфы рассчитывали в качестве союзников.

Дагнабит недолюбливал тех, в чьих жилах текла недворфская кровь, и то, что он с готовностью следовал советам хафлинга — никогда, кстати, не отличавшегося заметной храбростью, — немало удивляло Бренора.

Да и задевало. Бренор знал о темных эльфах и варварах не меньше Реджиса, а уж в понимании боевой тактики дворфов равных ему просто не было. Это он должен стоять у этого стола и указывать важные пункты на карте; он должен был встретиться с Берктгаром Храбрым, а Реджиса взять сопровождающим.

Бренор уткнулся взглядом в пол и провел рукой по лицу, коснувшись уродливого шрама. Пустая глазница болела. Но так же пусто было и в его сердце, которое надорвала потеря Вульфгара, а мысли о том, что Дзирту и Кэтти-бри грозит опасность, разрывали на куски.

Оставаясь королем Мифрил Халла, он больше не был властен над происходящим. Его сердце всегда в первую очередь принадлежало детям, из которых один умер, а другая пропала, и друзьям. Но теперь Бренор не мог повлиять на их судьбу; он мог лишь надеяться, что они выживут, выйдут победителями из всех бед и возвратятся к нему.

Но Вульфгар уже никогда не вернется.

Король дворфов вздохнул и, повернувшись, медленно пошел в свою пустую комнату, даже не заметив, что совещание прервалось.

Реджис молча смотрел вслед Бренору, жалея, что отдал рубиновую подвеску, раз ничто другое не способно разжечь пламя в сломленной душе дворфа.

* * *

Кэтти-бри с опаской всматривалась в глубь широкого коридора, пытаясь рассмотреть врагов среди нагромождений сталагмитов. Она оказалась в той области, где камни были перемешаны с землей и грязью и следы были вполне различимы. Девушка была уверена, что их оставили гоблины, причем совсем недавно.

Пещера впереди была словно создана для засады. Кэтти-бри вытащила из колчана у бедра стрелу и приготовила волшебный лук Тулмарил Искатель Сердец. Под мышкой девушка зажала ониксовую фигурку, чтобы в любой момент можно было вызвать пантеру. Некоторое время Кэтти-бри сомневалась, стоит ли вызывать Гвенвивар с Астрального уровня. Ведь никакой уверенности, что гоблины поблизости, у нее не было — все столбы в коридоре выглядели вполне естественно и безобидно. Однако по спине у нее пробежали мурашки.

Разум все же взял верх над инстинктами, и она решила пока не звать кошку. Прижимаясь спиной к левой стене, она медленно двинулась вперед, вздрагивая всякий раз, когда грязь хлюпала под ее ногой.

Миновав с десяток сталагмитов, девушка остановилась и прислушалась, не отходя от стены. Она не слышала ни звука, но не могла отделаться от ощущения, что за каждым ее шагом кто-то следит, что где-то неподалеку притаилось чудовище, готовое в любой момент броситься на нее. Неужели так будет продолжаться все время, пока она пробирается по Подземью? Так недолго и с ума сойти, если за каждым поворотом ей будут мерещиться несуществующие опасности. Или, что еще хуже, она может настолько устать от постоянного напряжения, что проглядит настоящую опасность.

Кэтти-бри тряхнула головой, отгоняя докучливые мысли, и, прищурившись, взгляделась в освещенное волшебным звездным сиянием пространство впереди. Еще одним преимуществом сказочного подарка леди Аластриэль было то, что в темноте глаза девушки не горели предательским красным светом. Хотя она, незнакомая с такими вещами, этого даже не подозревала. Маячившие впереди очертания казались Кэтти-бри зловещими. Здесь не было той определенности, что во всех остальных туннелях, — повсюду было слякотно и местами даже плескалась вода. Мерещилось, что нечто выступает из-за сталагмитов: как будто руки гоблинов, сжимающие оружие.

Кэтти-бри снова отогнала навязчивые мысли и опять было двинулась вперед, но тут же застыла. Ей послышался слабый звук, тихий скрип, словно кто-то царапнул острием ножа по камню. Она простояла довольно долго, напряженно вслушиваясь, но все было тихо, и девушка заставила себя поверить, что у нее слишком разыгралось воображение.

Но ведь следы гоблинов — не плод воображения? И сделав шаг, Кэтти-бри остановилась, бросила статуэтку и круто обернулась, подняв лук. Из-за ближайшего сталагмита показался гоблин. Широкая ухмылка делала его плоскую рожу еще

отвратительней. Над головой чудовища был занесен грубый, зазубренный меч.

Кэтти-бри выстрелила, не целясь. Мелькнула серебристая стрела, рассыпалась целым фонтаном разноцветных искр, угодила прямо в череп врага и пробила его насквозь.

— Гвенвивар! — крикнула Кэтти-бри, снова вскидывая лук. Она понимала, что надо немедленно двигаться, потому что обнаружила себя разноцветной вспышкой. Она дождалась, пока возникнет серый туман, потому что теперь ничто не могло помешать пантере появиться, подхватила фигурку и кинулась бежать. Перескочила через труп, завернула за один из столбов, протиснулась между двух других, краем глаза заметила еще одну приземистую фигуру. В следующее мгновение стрела серебряным лучом разрежала тьму и вонзилась в новую жертву. Но девушка не успела обрадоваться, потому что при свете вспышки она разглядела еще с десяток мерзких тварей, хоронящихся за сталагмитами.

С визгом и воплями они кинулись на нее.

Тем временем серый туман принял осязаемую форму. Гвенвивар мгновенно оценила обстановку и поняла, что нужно срочное вмешательство. Она прижала уши, внимательно обвела сияющими зелеными глазами местность и бесшумно, как сгусток тьмы, прыгнула вперед.

Кэтти-бри отступала, рассчитывая зайти с фланга нападавших. Из-за каждого столба она выпускала новую стрелу, но часто они попадали в камень. Однако она не расстраивалась, поскольку ее целью было не дать гоблинам собраться вместе, иначе они окружат ее.

Полетела еще одна стрела, и в ее свете Кэтти-бри увидела более близкую мишень — за сталагмитом, позади которого она собиралась спрятаться, затаился еще один гоблин. Она шагнула за столб, остановилась и тут же снова отступила, лихорадочно пытаясь приладить стрелу.

Гоблин обогнул сталагмит и бросился на нее, выставив меч. Кэтти-бри стукнула его луком, но потом услышала позади себя хлюпанье, злорадное шипение и инстинктивно бросилась на колени.

Другой гоблин перелетел через нее и врезался в своего озадаченного собрата. Оба быстро вскочили, но девушка тоже не теряла времени даром. Она отбивалась луком, стараясь не подпустить их ближе, и свободной рукой пыталась нащупать кинжал за поясом.

Гоблины, видя, что преимущество на их стороне, теснили ее, но вдруг разлетелись в стороны, а между ними тяжело приземлилась шестисотфунтовая пантера.

— Гвен, — благодарно прошептала девушка и отскочила, чтобы выдернуть стрелу из колчана. Как она и думала, сзади уже спешили другие чудовища.

Тетива Тулмарила прозвенела трижды, и в рядах нападавших появились бреши. Внезапные смертоносные вспышки служили Кэтти-бри прикрытием, и она побежала, но не прочь, как могли подумать гоблины, а прямо к ним.

Ей удалось их провести, она укрылась за толстенным сталагмитом и чуть не захихикала, когда сюда же, потирая ослепленные светом глаза и оглядываясь, влетел гоблин. Отправленная за секунду до этого Кэтти-бри стрела вонзилась ему в спину и подбросила в воздух, отчего он пролетел футов пять.

Кэтти-бри повернулась и побежала, обогнув сталагмит с другой стороны. Она слышала громкий рык Гвенвивар и полные ужаса вопли гоблинов. Гадкие твари врассыпную бежали перед ней, и она вскинула лук, чтобы расчистить себе дорогу.

Но тут что-то вонзилось ей в бедро. Она спустила тетиву, но стрела ушла далеко в сторону, пробив дыру в каменной стене.

Девушка пошатнулась, почувствовав разом и испуг, и боль. Она ударилась голенью о каменный выступ и чуть не растянулась во весь рост, удержавшись лишь потому, что упала на одно колено. Потянувшись к бедру, чтобы достать еще одну стрелу, она почувствовала, что одежда уже намочка, а из раны потоком струится теплая кровь. И лишь потом ошеломленная девушка ощутила, насколько ей больно.

Однако постаралась не терять головы и наложила на тетиву еще одну стрелу.

Прямо над ней навис гоблин, жарко дыша вонючей, утыканной острыми желтыми

зубами пастью. Он уже занес меч высоко над головой.

Кэтти-бри спустила тетиву. Гоблин дернулся и слегка подскочил, но тут же снова опустился на ноги. Стрела угодила в другого гоблина позади него, вонзившись ему под подбородок и разнеся череп.

Девушка решила, что умирает. Иначе как она могла промахнуться? Может, стрела пролетела под мышкой чудовища, когда оно от испуга подпрыгнуло? Собственно, какая разница, но почему-то она не могла отделаться от этих мыслей. Она была уверена, что сейчас умрет, потому что отразить следующий удар все равно не успела бы.

Однако меч так и не опустился на нее. Гоблин замер, постоял неподвижно (целую вечность, как показалось Кэтти-бри), потом выронил меч, со звоном упавший на камень. Вдруг из середины грудной клетки чудовища послышался странный свист, а потом хлынула густая струя крови. Гоблин свалился вниз на бок, уже мертвый.

И тут только Кэтти-бри поняла, что не промазала; стрела прошила первого врага насквозь и убила еще и стоявшего за ним.

Девушка с трудом встала на ноги, затем попыталась бежать, но на нее снова накатила волна боли, и Кэтти-бри опять оказалась на коленях, даже не сразу поняв, что упала. Вверх по бедру полз неприятный холод, появилась тошнота, и тут, к своему ужасу, она увидела еще одного гоблина. Он быстро приближался к ней, размахивая шипастой дубиной.

Собрав все силы, девушка дождалась, пока он не подошел почти вплотную, а потом ткнула в него луком. Гоблин взвизгнул и отшатнулся, избежав при этом удара. Зато Кэтти-бри выиграла время, чтобы выхватить меч и кинжал.

Она встала, подавив боль и дурноту.

Гоблин что-то произнес неприятным визгливым голосом, очевидно угрозу, и снова бросился на Кэтти-бри, размахивая дубиной перед собой, но девушка отпрянула назад.

Сразу же последовала вспышка ослепляющей боли, и она чуть не упала. А гоблин наступал, предвкушая победу. Он все время продолжал что-то болтать, хоть она и не понимала ни слова, хихикал и тыкал пальцем, показывая на ее раненую ногу.

Кэтти-бри не сомневалась, что справится с этим гоблином, но что в этом толку? Даже если они с Гвенвивар победят всех этих гадов или заставят их обратиться в бегство, что ждет ее дальше? Нога и так уже почти не держала девушку, совершенно очевидно, что вряд ли ей удастся должным образом промыть и перевязать рану. Пусть она и не погибнет от руки гоблина, но идти вперед уже точно не сможет.

Кэтти-бри закатила глаза и начала валиться на спину.

Гоблин попался на удочку. Он бросился на нее, но девушка широко открыла глаза и выпрямилась. Гоблин понял подвох, попытался остановиться, но поскользнулся в грязи.

Он начал дико размахивать дубиной, но Кэтти-бри сделала выпад вперед и попала мечом как раз между ее шипами. Однако, понимая, что сил удержать дубину у нее все равно не хватит, она навалилась на меч всем телом, приблизившись к гоблину вплотную. Одновременно она пустила в ход кинжал с самоцветами и ткнула им в брюхо твари. Но гоблин успел заслониться рукой, и острие только вспоролло кожу.

Кэтти-бри боялась, что долго не удержит захват. Ее силы были на исходе, больше всего девушке сейчас хотелось сжаться в точку и исчезнуть.

Но вдруг гоблин, к ее изумлению, завыл от боли. Он стал трясти головой и дергаться всем телом, силясь высвободиться. Кэтти-бри, неимоверными усилиями удерживавшей дубину на безопасном расстоянии, приходилось двигаться синхронно с ним.

Кинжал дрожал от текшей по нему энергии, вливавшейся в руку девушки.

Кэтти-бри не знала, что и подумать, не понимала, что происходит. У гоблина тем временем начались судороги, и с каждой его конвульсией новый импульс вливался в руку его противницы.

Чудище осело на камень, рука, которой гоблин прикрывался, повисла, и Кэтти-бри почти машинально всадила кинжал по самую рукоять. Новой волной энергии ее чуть было не отбросило в сторону. И тут она широко раскрыла глаза от изумления и ужаса, поняв вдруг,

что клинок Артемиса Энтрери в буквальном смысле высасывал из жертвы жизненные силы и переливал их в своего хозяина!

Гоблин судорожно вытянулся на крутом выступе сталагмита, уставив вверх широко распахнутые немигающие глаза, тогда как его тело дергалось в предсмертной агонии.

Кэтти-бри отступила, выдернув окровавленный кинжал. Она с трудом переводила дыхание и смотрела на клинок с почти священным ужасом.

Раздавшееся вдруг рычание Гвенвивар напомнило ей, что битва еще не закончилась. Девушка заткнула кинжал за пояс и повернулась, решив найти свой лук. Она пробежала несколько шагов, прежде чем поняла, что нога больше не болит.

Откуда-то из тени вылетело копье, но оно лязгнуло о камень позади бегущей девушки и только спутало ее мысли. Кэтти-бри проехала по грязи и на ходу подхватила лук. Бросив взгляд на волшебный колчан, она отметила, что он опять наполнен стрелами.

Еще она заметила, что из раны больше не сочится кровь. Девушка торопливо провела по бедру рукой и почувствовала на месте ранения рубец. Она недоуменно тряхнула головой, но раздумывать не стала, вскинула лук и начала стрелять.

К ней сумел подобраться только один гоблин, тихонько обогнув здоровенный сталагмит. Девушка опустила было лук и выхватила оружие для рукопашной, но остановилась. И гоблин тоже. Громадная кошачья лапа хлопнула его по макушке, и длинные когти вонзились в покатый лоб.

Гвенвивар дернула гоблина назад с такой бешеной силой, что один из его сапог остался на месте. Кэтти-бри быстро отвела глаза, не желая видеть, как клыкастая пасть пантеры сомкнулась на шее ошавшего гоблина.

Стрелять больше было не в кого, но Кэтти-бри все же выпустила еще одну стрелу, чтобы осветить конец коридора. Пять-шесть гоблинов мчались прочь со всех ног, и она послала им вдогонку целую тучу стрел.

Ее магический колчан никогда не оставался пустым, и она стреляла бы еще, но Гвенвивар подошла к ней и мягко ткнулась головой ей в ногу, ласкаясь. Кэтти-бри облегченно вздохнула и опустила ладонь на широкую спину пантеры, задержав при этом взгляд на драгоценном кинжале, теперь совершенно безучастно торчавшем из-за пояса.

Она помнила, что Энтрери пользовался именно этим оружием, а однажды даже почувствовала этот кинжал у собственного горла. При этом воспоминании Кэтти-бри передернуло — теперь она знала страшные возможности этого оружия, и тот далекий миг представился ей в куда более мрачном свете.

Гвенвивар заворчала и толкнула ее, напоминая, что пора двигаться. Кэтти-бри поняла, почему она торопится: Дзирт часто говорил, что гоблины редко перемещаются по Подземью небольшими отрядами. Если здесь их двадцать, то вполне вероятно, что неподалеку еще две сотни.

Кэтти-бри оглянулась во тьму туннеля, откуда пришла и куда сбежали гоблины. Мелькнула мысль: а не вернуться ли туда, расшвырять немногих беглецов и отправиться назад, на поверхность, в свой мир?

Но то была минутная слабость, вполне, впрочем, простительная. Девушка понимала, что надо идти вперед, но как? Она вновь взглянула на свой пояс, с улыбкой отцепила магическую маску и поднесла ее к глазам, не зная, как с ней обращаться.

Глянув на Гвенвивар и вопросительно пожав плечами, Кэтти-бри прижала маску к лицу.

Однако ничего не произошло.

Придерживая маску двумя руками, девушка подумала о Дзирте, представила себя саму с такой же эбеновой кожей и точеными чертами лица.

Она сразу же ощутила покалывание в каждой клеточке тела. Чуть помедлив, она отвела руку, но маска словно приросла к коже. Кэтти-бри несколько раз мигнула, потому что в волшебном звездном свете Кошачьего Глаза ее рука вдруг уменьшилась и стала совершенно черной, а пальцы вытянулись и приобрели необыкновенно изящную форму.

Просто невероятно, до чего легко все получилось!

Кэтти-бри пожалела, что под рукой нет зеркала, чтобы поглядеть, насколько правдоподобна ее новая внешность, но в душе сама чувствовала, что обман совершенен. Она вспомнила, насколько неотличим от Реджиса, вплоть до одежды, был Энтрери, когда под видом хафлинга пришел в Мифрил Халл. При этом она взглянула на свое собственное довольно потрепанное одеяние, вспоминая рассказы Дзирта о необыкновенных злобных жрицах Ллос на его родине.

Поношенный плащ Кэтти-бри вдруг превратился в пышные переливчатые черно-фиолетовые одежды. Башмаки тоже почернели, а их носки на глазах вытянулись и изящно загнулись кверху. Только оружие не изменилось, и Кэтти-бри показалось, что к ее новому облику кинжал Энтрери подходит как нельзя лучше.

Глядя на страшное лезвие, девушка снова задумалась. Ей вдруг захотелось бросить клинок в грязь, чтобы никто никогда его не нашел. Она даже сжала рукоять.

Но почти сразу разжала пальцы, решительно выдохнула и разгладила свое новое облачение. Кинжал ей помог; не будь его, она бы сейчас лежала, раненная и всеми забытая, если не мертвая. Ведь это такое же оружие, как и любое другое, хотя способ, которым оно действовало, и был не по душе Кэтти-бри. Но она смирилась.

С течением времени сомнения покинули ее. Она была в Подземье, а здесь выживал лишь тот, кто не знал жалости и колебаний.

Часть третья ТЕНИ

В Подземье нет теней.

Только проведя много лет на поверхности, я понял, насколько важна эта, казалось бы, мелочь, как хорошо, что между светом и тьмой есть четкая грань. В Подземье нет теней, там нет таинственных областей, подвластных лишь воображению.

Тень — чудесная вещь! Я видел, как мой собственный силуэт прятался под моими стопами, когда солнце поднималось к зениту; я видел, как суслик в час заката вырастал до размеров большого медведя и его зловещая тень простиралась далеко-далеко. Я бывал в лесу в пору сумерек, и взор мой блуждал между ловащими последние лучи более светлыми участками постепенно темнеющей и становящейся серой зелени и совсем темными уголками, куда мог проникнуть уже только мой мысленный взор. А вдруг там схоронилось чудовище? А может, орк или гоблин? Сокровище, например, великолепный зачарованный меч, утраченный кем-то? Или там просто лисье логово, укрытое густым мраком?

Когда я иду лесом в сумерки, воображение не отстает от меня ни на шаг, оно обостряет мои чувства, готовит мой разум к любым неожиданностям. Но в Подземье нет теней, и там нет места игре воображения. Везде и всюду висит напряженная, настороженная тишина, и самые настоящие, а не выдуманные опасности подстерегают тебя на каждом шагу.

Представляя себе затаившегося врага или скрытое сокровище, тренируешь воображение, сам себя приводишь в состояние чуткой настороженности. Но если враг чаще всего существует на самом деле, если любой выступ в скале, любой укромный уголок, встреченный на пути, может оказаться его убежищем, такая игра перестает быть забавной.

По коридорам Подземья нельзя блуждать, развлекаясь воображаемыми картинками. Если представлять себе врага там, где его нет, вполне возможно проглядеть настоящего врага в двух шагах. В Подземье предаться мечтаниям означает утратить бдительность, а отсутствие настороженности ведет к верной гибели.

Когда я вернулся в непроглядные туннели, именно это оказалось для меня самым трудным. Мне вновь пришлось стать охотником, почти животным,

пришлось привыкать каждый миг прислушиваться к своим инстинктам, жить с натянутыми нервами и напряженными мышцами, чтобы в любую секунду быть готовым к сражению. Здесь имеет значение только то, что происходит сию минуту, нельзя сделать ни шагу, не думая о враждебном нападении. Я не могу себе позволить выдумывать врагов. Я должен быть начеку и реагировать на малейшее движение врагов реальных.

В Подземье нет теней. Здесь нет места воображению. Это место вечной тревоги, место, где не живут надежды и мечты.

Дзирт До'Урден

Глава 13 АЛЧУЩАЯ БОГИНЯ

Советник Фербл из Блингденстоуна, как правило, получал удовольствие от своих выходов за пределы города, но только не сегодня. Низкорослый гном находился в небольшой пещерке, казавшейся ему огромной, потому что он чувствовал себя незащищенным. Он пинал камешки на полу носками тяжелых сапог и с некоторой нервозностью часто поглаживал ладонью обширную плешь, вытирая пот.

В пещеру вело не менее десятка ходов. Фербл успокаивал себя тем, что сорок солдат-свирфов, готовые в любой момент поспешить ему на помощь, а с ними несколько шаманов с камнями, при помощи которых можно вызвать элементалей, стоят неподалеку. Среди своих соплеменников Фербл лучше всех разбирался в поведении дроу из Мензоберранзана, расположенного в сорока пяти милях к востоку от Блингденстоуна, но, несмотря на это и даже на присутствие вооруженного сопровождения, гном не чувствовал себя спокойно. Маленький советник прекрасно понимал, что если дроу заманили его в ловушку, то ни оружие, ни вся магия Блингденстоуна его не спасут.

Из одного из туннелей впереди послышался знакомый клацающий звук, и секунду спустя в пещеру стремительно вошел Джарлакс, наемник. На нем была знаменитая широкополая шляпа, украшенная пером диатримы, и рубашка с глубоким вырезом спереди, обнажавшая мощные брюшные мышцы. Он прошелся перед гномом, огляделся вокруг и только потом склонился в глубоком поклоне, взмахнув шляпой.

— Приветствую! — добродушно провозгласил Джарлакс, выпрямляясь и пристраивая шляпу на сгибе локтя. Потом он дернул рукой, шляпа взлетела вверх и опустилась точно на его бритую макушку.

— Весел ты сегодня, — заметил Фербл.

— Отчего же нет? — вопросом ответил дроу. — Еще один славный денек в Подземье! Прекрасный день!

Фербл, похоже, не разделял его настроения, но зато в который раз подивился, как безупречно коварный наемник владеет языком свирфов. Джарлакс говорил свободно и бегло, не хуже любого из гномов Блингденстоуна, но предпочитал строить предложения, как принято у дроу, и почти не пользовался столь любимой свирфами инверсией.

— Совершены нападения на многие отряды свирфских рудокопов, — сказал Фербл обвинительным тоном. — На отряды, работающие к западу от Блингденстоуна.

Джарлакс лукаво улыбнулся и развел руками.

— Чед Насад? — простодушно предположил он, имея в виду еще один город дроу по соседству.

— Мензоберранзан! — уверенно возразил гном. До Чед Насада было несколько недель пути. — На одном темном эльфе был знак Мензоберранзана.

— Тогда бродячие отряды, — решил Джарлакс. — Молодые бойцы в поисках развлечений.

Фербл презрительно поджал и без того тонкие губы. Им с Джарлаксом обоим было отлично известно, что в такие отряды входят, как правило, молодые хулиганы и бездельники.

А нападения на гномов были отлично спланированы и безупречно выполнены, быстро и четко, с большим количеством убитых со стороны свирфов.

— Ну что я могу сказать? — с видом невинного младенца спросил Джарлак. — Я только пешка в большой игре.

Фербл фыркнул.

— Спасибо за лестное мнение о моем положении, — тут же отозвался наемник. — Но, право, дорогой Фербл, я уже говорил, на этот раз события не в моей власти.

— Какие события? — мгновенно переспросил Фербл. За последние два месяца они с Джарлаком встречались уже дважды, и все по поводу того же — активность дроу вблизи города свирфов необычайно возросла. И каждый раз Джарлак туманно намекал на какие-то грандиозные события, но фактически так ничего и не сказал Ферблу.

— Ну неужели мы встретились, чтобы снова обсуждать то же самое? — устало сказал Джарлак. — В самом деле, дорогой мой Фербл, я уже утомлен твоими...

— Дроу захватили мы в плен, — перебил Фербл, скрестив на груди короткие крепкие ручки, словно ожидая, что новость произведет эффект разорвавшейся бомбы.

На лице Джарлакса отобразилось недоумение, и он спросил:

— Ну и?

— Мы полагаем, родом из Мензоберранзана он.

— Женщина? — уточнил Джарлак, решив, что в руки гномов попала одна из жриц высокого ранга, поэтому Фербл так заважничал. Но наемник не слышал о пропаже какой-нибудь из жриц (исключая, конечно, Джерлис Хорлбар, но это была особая история).

— Мужчина, — ответил Фербл, и на лице наемника снова выразилось недоумение.

— Так казните его, — безразлично бросил Джарлак.

Фербл нетерпеливо переминался с пятки на носок.

— Право, Фербл, неужели ты думаешь, что пленник-мужчина даст вашему городу возможность что-то требовать? — спросил наемник. — Не ожидаешь ли ты, что я сломя голову кинусь в Мензоберранзан, умоляя вызволить этого мужчину? Или ты надеешься, что Матери Домов потребуют ради него прекратить всяческую деятельность в этой местности?

— Так ты признаешь, что все это делается с их ведома? — обличительно ткнув в сторону Джарлакса коротким пальцем, подхватил свирф, ликуя, что поймал наемника на слове.

— Я говорю гипотетически, — поправил наемник. — Я просто допустил, что твои предположения правильны, чтобы верно понять твои намерения.

— Намерений моих не можешь ты знать, Джарлак, — заверил его Фербл. Но наемник видел, что гном взволнован его загадочным поведением. Так происходило всегда. Фербл встречался с наемником только тогда, когда гномы тревожились за судьбу Блингденстоуна, и частенько эти встречи недешево обходились Ферблу, расплачивавшемуся драгоценными камнями и другими ценностями.

— Назови свою цену, — предложил гном.

— Цену?

— В опасности город мой! — жестко сказал Фербл. — И Джарлаку известно почему!

Наемник не ответил. Он лишь улыбнулся и слегка отодвинулся от Фербла.

— Джарлак также знает и имя дроу, которого мы захватили, — продолжал Фербл, пытаясь действовать хитро.

На самом деле он не хотел заходить так далеко, в его намерения не входило раскрывать личность «пленника». В конце концов, Дзирт До'Урден был дружен с Белваром Диссенгальпом, высокочтимым Хранителем Туннелей. Дзирт никогда не вредил Блингденстоуну, а двадцать лет назад, когда он впервые оказался в городе, даже помог свирфам. Да и теперь, идя обратной дорогой, дроу-отступник снова помог им в битве с его злобными сородичами.

Но все-таки Фербл в первую голову думал о своем народе, и если бы таким путем, открыв имя Дзирта Джарлаку, он мог вызволить гномов из нынешних бед и узнать, на какие

такие события намекает наемник, то сделал бы это, не задумываясь.

Джарлакс довольно долго молчал, соображая, как повернуть разговор, ставший вдруг таким содержательным. Он решил, что в плен попался какой-то бездомный дроу, возможно, бывший член Брегана Д'эрт, которого считали без вести пропавшим. А может, гномы захватили знатного члена какого-нибудь влиятельного Дома, тогда это действительно был бы неплохой козырь. Красные глаза Джарлакса жадно заблестели при мысли о выгоде, которую его банда могла бы из этого извлечь.

— Да есть ли у него вообще имя? — спросил он.

— Его имя известно и тебе, и нам, — с чувством превосходства (что случалось чрезвычайно редко в отношениях с хитрым наемником) отвечал свирф.

Однако этот туманный ответ сказал Джарлаксу больше, чем Фербл намеревался ему открыть. Очень немногих дроу в Блингденстоуне знали по имени, и местонахождение любого из них Джарлакс мог с легкостью установить. Вдруг ему в голову пришла новая мысль, он удивленно раскрыл глаза, но тут же его лицо вновь стало совершенно невозмутимым, и он принялся быстро просчитывать новые возможности.

— Расскажи мне, что происходит, — потребовал Фербл. — Что делают дроу из Мензоберранзана в окрестностях моего города? Скажи, и имя я открою тебе!

— Ты, конечно, можешь назвать мне имя, если тебе так хочется, — насмешливо сказал Джарлакс. — А насчет того, что происходит? Я ведь уже предположил, что здесь замешан Чед Насад или молодежные банды. Наверное, мальчишки, окончившие Академию, развлекаются.

Фербл подскочил на месте и выставил вперед кулаки, как будто собирался броситься на несносного наемника и как следует вздуть его. От ощущения собственного превосходства не осталось и следа.

— Дорогой Фербл, — покровительственным тоном продолжил Джарлакс. — Право слово, нам следовало бы встречаться только по серьезным вопросам. И поверь, ни тебе, ни твоим провожатым не стоит уходить так далеко от дома в это беспокойное время.

Новый намек на то, что над городом нависла зловещая тень и что за возросшей активностью дроу стоит нечто большее, совсем разозлил маленького свирфа, и он застонал от досады и бессилия. Но Джарлакс совершенно невозмутимо стоял перед ним в задумчивой позе, уперев локоть в ладонь другой руки и подперев подбородок, и, похоже, забавлялся происходящим. Фербл понял, что ничего стоящего он сегодня больше не услышит, слегка поклонился, резко отвернулся и пошел к выходу из пещеры, сердито пиная камни.

После того как он удалился, наемник постоял так еще некоторое время, потом лениво вскинул руку и подал условный сигнал. Из туннеля позади него вышел человек, чьи глаза горели красным, как и у всех народов Подземья, потому что когда-то одна из верховных жриц наградила его инфразрением.

— Весело, не правда ли? — спросил его Джарлакс на языке поверхности.

— Да, и к тому же мы многое узнали, — ответил Энтрери. — Когда мы вернемся в город, тебе не составит труда выяснить, кого же из дроу гномы захватили в плен.

Джарлакс удивленно посмотрел на него:

— А ты что же, до сих пор не понял, кто он?

— Я не слышал, чтобы кто-то из знатных эльфов пропал, — тщательно подбирая слова и внимательно вглядываясь в лицо наемника, ответил Энтрери. Может, он что-то упустил? — Но пленник, несомненно, должен быть знатным, раз его имя известно не только тебе, но и гномам. Знатный член Дома или, возможно, странствующий торговец-дроу.

— Предположим, я скажу тебе, что никакой он не пленник, — подсказал Джарлакс, и на его черном лице заиграла хитрая улыбка.

Энтрери тупо смотрел на него, очевидно так и не понимая, что к чему.

— Ах да, конечно, — словно спохватился Джарлакс. — Тебе ведь ничего не известно о том, что случилось в недавнем прошлом, поэтому и сложно собрать все воедино. Был такой дроу, который однажды ушел из Мензоберранзана и некоторое время жил у гномов, но я,

право, не ожидал, что он вернется.

— Неужели ты имеешь в виду... — чуть не задохнувшись, произнес Энтрери.

— Именно, — ответил Джарлакс и посмотрел на вход в туннель, в котором исчез Фербл. — Похоже, муха сама залетела в паутину.

Энтрери совсем растерялся. Дзирт До'Урден вернулся в Подземье! Как же это скажется на предполагаемом набеге на Мифрил Халл? Может, все отменят? Неужели пропадет последняя возможность выбраться на поверхность?

— А что нам делать? — спросил он наемника, и в его тоне ясно слышалось отчаяние.

— Делать? — повторил Джарлакс, прищурил глаза и от души рассмеялся. — Делать? — спросил он так, словно услышал совершенную нелепицу. — Зачем что-то делать? Будем просто сидеть и развлекаться!

Его ответ не стал большой неожиданностью для Энтрери, особенно после некоторого размышления. Джарлакс обожал парадоксы, поэтому и процветал в хаотичном мире дроу, и этот неожиданный поворот его, конечно, порадовал. Вся жизнь Джарлакса была игрой, играть в которую следовало с удовольствием, не думая о последствиях или морали.

В другое время подобное отношение импонировало бы Энтрери, он бы даже мог разделить его, но только не сейчас. Слишком уж многое в жизни несчастного убийцы висело на волоске. Дзирт находился неподалеку от Мензоберранзана, и это значительно осложняло будущее Энтрери, которое и так не было окрашено в радужные тона.

Джарлакс снова зашелся в долгом приступе хохота. Энтрери же стоял и серьезно смотрел в глубь ведущего в город гномов коридора, вспоминая лицо и лиловые глаза своего заклятого врага.

* * *

Дзирту было так приятно, что вокруг все знакомо. Ему даже показалось, что он спит, потому что каменная каморка ничуть не изменилась и выглядела в точности такой, какой запомнилась ему. Даже гамак, в котором он лежал, был тот же самый.

Но Дзирт не спал и прекрасно понимал это, потому что ровным счетом ничего не чувствовал ниже пояса: ни веревок его подвешного ложа, давивших на кожу, ни холода в голых ступнях.

— Очнулся? — послышался голос из другой комнатки. Тот, кто там был, говорил на языке свирфов — причудливой смеси мелодичных интонаций языка эльфов со скрипучими звуками дворфского. Слова этого наречия сразу ожили в памяти Дзирта, хотя он не слышал его и не говорил на нем уже двадцать лет. С некоторым усилием дроу повернул голову и увидел шедшего к нему Хранителя Туннелей.

Его сердце радостно забилося.

Белвар немного постарел, но выглядел все таким же крепким. Он с громким лязгом всплеснул обеими «руками», увидев, что его старый друг Дзирт действительно очнулся.

Дзирт растрогался, глядя на руки свирфа, прекрасное произведение кузнечного искусства, надежно прикрепленные к его предплечьям и заменившие Белвару его собственные. В тот раз, когда дроу и свирф повстречались впервые, родной брат Дзирта отрубил гному руки. Между глубинными гномами и отрядом темных эльфов тогда завязалась жестокая схватка, и сначала Белвар захватил Дзирта в плен. Но Дайнин быстро пришел на помощь брату, и соотношение сил изменилось. Если бы не Дзирт, Дайнин убил бы Белвара. Правда, юный дроу не был уверен, что его заступничество имеет смысл, потому что Дайнин приказал искалечить свирфа, а в Подземье калеки долго не жили.

Но когда Дзирт, бежав из Мензоберранзана, попал в Блингденстоун и снова встретился с Белваром, то с радостью узнал, что свирфы были совсем не чета дроу. Они помогли своему искалеченному собрату и изготовили подходящую замену утраченным рукам. К правому предплечью высокочтимого Хранителя Туннелей, как называли Белвара свирфы, был приделан мифриловый молот с выгравированными на нем рунами и изображениями могучих

существ, в том числе земной элементали. На левом красовалась не менее искусно выполненная киркомотыга. Ими можно было работать и сражаться, да к тому же шаманы заговорили инструменты. Дзирт и сам видал, как Белвар врубался в камень с такой же легкостью, как крот роет мягкую землю.

Как приятно Дзирту было видеть по-прежнему в добром здравии своего первого друга не-дроу и первого настоящего друга после смерти Закнафейна.

— Магга каммара, эльф! — громыхнул гном со смешком, подходя к гамаку. — Я уж думал, ты никогда не проснешься!

«Магга каммара», — повторил Дзирт про себя, «клянусь камнями». Благодаря этой смешной фразе, которую Дзирт не слышал вот уж двадцать лет, он снова почувствовал себя непринужденно и мысленно вернулся к тому безмятежному времени, когда он гостил у Белвара в Блингденстоуне.

Однако он очнулся от воспоминаний, заметив, что свирф стоит у него в ногах и внимательно их осматривает.

— Ну и как они? — поинтересовался гном.

— Да никак.

Гном понимающе закивал лысой головой и киркой почесал внушительных размеров нос:

— Тебя погасили?

Дзирт не понял, что это значит, поэтому не ответил.

— Погасили, — повторил Белвар и подошел к прикрепленному к стене шкафчику. Киркой он ловко подцепил и распахнул дверцу, потом обеими «руками» стал перебирать что-то внутри и наконец вытащил и показал Дзирту странного вида вещь.

— Новое оружие, — пояснил Белвар. — Только несколько лет, как изобрели.

Предмет по форме напоминал бобровый хвост, только ближе к узкому краю была приделана короткая ручка, а широкий загibalся вверх под острым углом. Кроме одного зазубренного края, пластина везде была гладкой.

— Вот это и есть гаситель, — сказал гном, подняв оружие повыше, но оно выскользнуло и упало на пол.

Белвар дернул плечом и опять хлопнул мифриловыми «ладонями»:

— Хорошо, что у меня есть вот это. — И Белвар потряс в воздухе молотом и киркой. — Повезло тебе, Дзирт До'Урден, — сказал он, помолчав, — что в этом бою свирфы распознали в тебе своего.

Дзирт фыркнул: он вовсе не чувствовал себя везунчиком.

— А ведь он мог ударить тебя острым краем, — продолжал Белвар, — и рассечь хребет пополам, вот какое дело!

— У меня такое ощущение, что мой хребет на самом деле рассечен, — вставил Дзирт.

— Нет, что ты! — сказал Белвар, подходя к изножью гамака. — Тебя только погасили. — Гном сильно ткнул киркой Дзирту в пятку, и дроу вздрогнул и дернулся. — Видишь, возвращаются ощущения уже снова, — объявил Белвар, хитро улыбаясь, и снова ткнул Дзирта киркой.

— Учти, я скоро опять буду ходить, Хранитель Туннелей, — шутливо пригрозил дроу, почувствовав большое облегчение.

Белвар ткнул его еще разок и рассмеялся.

— Не сейчас это будет! — пообещал он. — А ведь еще чуть-чуть, ты и щекотку будешь чувствовать!

Дзирту показалось, что он снова вернулся в старые добрые времена; как будто тяжесть, давившая ему на плечи, на некоторое время исчезла. До чего же приятно было видеть старого друга вновь, разговаривать с тем самым гномом, который, верный их дружбе, пошел вместе с Дзиртом в глухое Подземье, вместе с ним попал в плен к наводящим ужас «прорицателям сознания» и вместе с ним сражался за свободу.

— Счастливое совпадение и для меня, и для твоих друзей, что я оказался в туннелях во

время сражения, — сказал Дзирт.

— Не такая уж это случайность, — ответил Белвар, и его добродушное лицо омрачилось. — В последнее время подобные стычки участились. Самое меньшее, одна в неделю, и много свирфов уже погибло.

Дзирт прикрыл глаза, обдумывая неприятные известия.

— Ллос алчет крови, так говорят, — продолжал Белвар, — и жизнь повернулась к гномам Блингденстоуна плохой стороной. Мы все пытаемся узнать, в чем же дело.

Дзирт отнесся к этому спокойно, больше чем когда-либо уверенный, что поступил правильно, решив вернуться. Дело было не только в попытке выловить одного дроу, творилось нечто более серьезное. Слова Белвара только подтверждали его догадки.

Но тут Дзирт снова получил ощутимый тычок, открыл глаза и увидел перед собой улыбающееся лицо Хранителя Туннелей.

— Хватит о плохом! — заявил Белвар. — Двадцать лет прошло, нам столько надо друг другу рассказать! — Он подцепил с пола сапог дроу и понюхал подошву. — Тебе удалось выбраться на поверхность? — с любопытством спросил он.

Остаток дня друзья беседовали, хотя больше говорил Дзирт, столько времени проведенный совсем в другом мире. Не раз Белвар открывал от удивления рот или смеялся, а один раз даже всплакнул вместе с дроу, тронутый рассказом о гибели Вульфгара.

Дзирт почувствовал, что вновь обрел дорогого друга. Белвар с интересом и сочувствием внимал каждому слову Дзирта и с молчаливым пониманием выслушивал, когда дроу посвящал его в наиболее личные переживания последних лет.

В этот же день после ужина Дзирт сделал первые неуверенные шаги, и Белвар, уже видевший, каковы бывают последствия удара гасителем, заверил его, что через денек-другой дроу снова помчится вперед по каменным туннелям.

При этих словах Дзирт испытал смешанные чувства. Конечно, он был рад, что снова будет здоров, но в глубине души был бы не прочь, если бы этот процесс растянулся на более длительное время, чтобы еще побыть с Белваром. Ведь Дзирт понимал, что, как только он придет в себя, настанет время двигаться в путь, вернуться в Мензоберранзан и попытаться положить конец приближающейся опасности.

Глава 14

ИГРА В ПЕРЕОДЕВАНИЕ

— Жди здесь, Гвен, — прошептала Кэтти-бри пантере. Они обе застыли, всматриваясь в глубь большой, почти свободной от сталагмитов пещеры, которая неясно вырисовывалась впереди. Оттуда доносилось множество голосов гоблинов. Кэтти-бри предположила, что здесь собралось все племя, и, похоже, гоблины уже волновались, что их разведывательный отряд не возвращается. Девушка решила, что немногие из уцелевших вскоре, наверное, появятся. Она и Гвен хорошо поработали, и гоблины во все лопатки побежали в противоположном направлении, но скорее всего они уже повернули обратно. А на то, чтобы добраться сюда, у них уйдет меньше часа.

Никакого пути в обход пещеры не было, а гоблинов, как поняла Кэтти-бри, было слишком много, чтобы надеяться их победить или хотя бы напугать. Она еще раз взглянула на свои эбеновые ладони, потом разгладила густую шевелюру, ставшую из золотисто-каштановой белоснежной, оправила роскошные одежды и смело пошла вперед.

Гоблины, стоявшие к ней ближе всех, в ужасе отшатнулись, увидев непринужденно входящую в их логово жрицу-дроу. Они не бросились бежать лишь потому, что их было много, как показалось Кэтти-бри, не меньше сотни. Тут же на нее нацелилось не меньше десятка копий, но она продолжала шествовать к центру пещеры, как ни в чем не бывало.

Часть гоблинов сразу окружила девушку, отрезав все пути к отступлению. Другие, боязливо пригнувшись, сгрудились у входа и заглядывали в туннель, из которого она появилась, опасаясь, что оттуда могут появиться другие дроу. Но все же живые волны

расступались перед Кэтти-бри, гоблины пока пропускали вперед неожиданную гостью, очевидно сбитые с толку ее уверенностью и обманчивой внешностью.

Она дошла до середины помещения и уже могла видеть туннель-выход из пещеры, но живое море сомкнулось вокруг нее и теперь расступалось неохотно, вынудив лжежрицу замедлить шаг.

Вскоре ей вообще пришлось остановиться; отовсюду на нее были направлены копья, и вокруг звучал настороженный шепот.

— Гунд ха, мога мога! — потребовала девушка. Ее познания в языке гоблинов были более чем скромными, и она была не вполне уверена, сказала ли она: «Разойдитесь и дайте пройти», как намеревалась, или что-нибудь вроде: «Кинь свою мать в канаву». Девушка искренне надеялась, что первое.

— Мога гунд, гиик-ик мун'га вун'га, — заверещал здоровенный гoblin, ростом почти с человека, протиснувшись сквозь толпу и став перед Кэтти-бри. Девушка изо всех сил старалась казаться спокойной, но ее раздрали противоречивые желания: страшно хотелось позвать Гвенвивар и броситься бежать и в то же время расхохотаться.

По-видимому, это был вожак гоблинов или шаман племени собственной персоной. Его удивительному облику недоставало, пожалуй, лишь чувства стиля. На гоблине, как и подобало существу благородному, были надеты высокие черные сапоги, только разрезанные по бокам, чтобы можно было впихнуть внутрь его широченные стопы, похожие на утиные лапы. Вместо штанов на нем красовались женские панталоны, отороченные рюшами, поверх которых были натянуты женские же трусы, а на верхнюю часть туловища — корсет с объемистыми чашечками для груди. На тощей шее позвякивало несколько разномастных ожерелий из золота и серебра, была даже одна нитка жемчуга, а на каждом из скрюченных пальцев сверкало по кольцу. Голову гоблина украшал убор служителя культа неизвестной Кэтти-бри религии. Он был сделан в виде сияющего солнца с длинными золотыми лентами лучей, только надет был задом наперед и потому сползал на покатый лоб чудища, а одна из лент болталась перед самым его носом.

Но гoblin, несомненно, собрав все лучшее из одежды случайных жертв его племени, считал себя одетым по самым высоким стандартам моды. Он продолжал что-то верещать своим визгливым голосом, но настолько быстро, что Кэтти-бри едва могла разобрать некоторые слова. Вдруг гoblin умолк и стукнул себя кулаком в грудь.

— Ты говоришь на языке поверхности? — спросила Кэтти-бри, пытаясь установить хоть какое-то взаимопонимание. Она изо всех сил старалась держаться невозмутимо, зная при этом, что в любую секунду ей в спину может вонзиться копьё.

Главарь гоблинов поглядел на нее с любопытством, очевидно не поняв, что она сказала. Он оценивающе осмотрел ее с головы до ног, и его красные глаза в конце концов остановились на висащем на груди девушки медальоне.

— Найин зо, вука, — изрек он и показал на драгоценность, а потом ткнул пальцем в Кэтти-бри и указал на выход из пещеры.

Если бы это было обычное украшение, девушка без малейшего сожаления отдала бы его в обмен на возможность уйти отсюда, но без медальона ей нечего было и надеяться найти Дзирта. Гoblin же повторил требование уже более грозным тоном, так что соображать надо было быстро.

Вдруг девушку осенило, она улыбнулась и подняла палец вверх, сказав: «Найин», решив, что на языке гоблинов это и значит «подарок». Она дважды звонко хлопнула в ладоши и, не оглядываясь, крикнула:

— Гвенвивар!

За спиной послышались испуганные крики, означавшие, что пантера поспешила на ее зов.

— Иди сюда, только спокойно, Гвен, — велела Кэтти-бри. — Подойди ко мне, но никого не трогай.

Пантера медленно и осторожно двинулась к девушке, низко наклонив голову и прижав

уши.

Время от времени она глухо рычала, не подпуская гоблинов ближе. Толпа широко расступилась, пропуская величественную кошку к жрице-дроу.

Подойдя к Кэтти-бри, Гвенвивар потерлась о ее бедро.

— Найин, — повторила девушка, давая понять гоблину, что он может погладить кошку. Тот недоверчиво отступил, но затем все же решил наклониться и дотронуться до густой шкуры пантеры.

Тут же его рожа расплзлась в широкой улыбке, обнажившей острые зубы, и он отважился еще раз потрогать Гвенвивар, уже уверенней. Потом он опять нагнулся и смело хлопнул пантеру по спине. Гвенвивар покорно сносила все это, мученически глядя на Кэтти-бри.

— Ты останешься здесь с этим милым гоблином, — приказала Кэтти-бри, стараясь говорить так, чтобы по голосу нельзя было определить, каковы ее истинные намерения. Она хлопнула рукой по мешочку, в котором лежала ониксовая фигурка, и добавила: — Потом я тебя позову, не бойся.

Затем Кэтти-бри выпрямилась и посмотрела вожаку гоблинов в глаза. Она стукнула себя в грудь и показала на выход из пещеры, сделав грозное лицо.

— Я ухожу! — громко объявила она и сделала шаг вперед.

Кажется, главарь сначала хотел преградить ей дорогу, но, глянув на могучее животное, сразу передумал. Кэтти-бри прекрасно справилась со своей ролью: она дала возможность тщеславному главарю гоблинов выглядеть достойно, сама при этом не потеряв грозного вида, и хитроумно устроила так, что во вражеском логове у самых ног вожака осталась боевая сила весом в шестьсот фунтов.

— Найин зо, вука, — повторил гоблин, сначала показав на Гвенвивар, потом на выход, и поспешно отошел с дороги.

Кэтти-бри стремительно двинулась к выходу, с силой отпихнув гоблина, который замешкался и не отступил вовремя. Тот бросился было на нее с поднятым мечом, но девушка и глазом не моргнула, а вожак, у ног которого свернулась пантера, резким криком остановил соплеменника.

Кэтти-бри рассмеялась прямо в отвратительную рожу и показала ему великолепный, осыпанный камнями кинжал, скрытый под складками ее роскошного облачения.

Она вступила в узкий туннель и еще довольно долго шла, сдерживая шаг. Потом остановилась, прислушалась и вытащила статуэтку.

В пещере главный гоблин с гордостью демонстрировал племени роскошное приобретение, громогласно объясняя, как он обвел вокруг пальца «тупую дроу» и забрал себе кошку. То, что остальные видели весь торг, ровным счетом ничего не значило, потому что по традиции гоблинов история менялась практически каждый день.

Но довольная улыбка сразу же испарилась с глупой физиономии вожака, когда он увидел, что пантеру у него в ногах вдруг окружил серый туман и ее мускулистое тело начало растворяться.

Гоблин разразился целым потоком ругательств и протестующих криков и бросился на колени, пытаясь поймать исчезающую на глазах кошку.

Из тумана возникла громадная лапа, зацепила голову главаря и утащила несчастного с собой, в глубину стремительно таявшего тумана. Мгновение спустя дымка рассеялась, а туго соображавший вожак отправился с пантерой в увеселительную прогулку по Астральному уровню.

Остальные гоблины завывали и суетливо забегали, сталкиваясь друг с другом и падая. Часть из них решила пуститься вдогонку за жрицей-дроу, но к тому времени, как они смогли наконец собраться, Кэтти-бри была уже далеко и бежала по темным коридорам, с удовольствием думая о том, какая она умница.

Туннели были ему знакомы, даже слишком. Юный Дзирт До'Урден бесчисленное количество раз ходил по ним во главе патрульных отрядов. Тогда рядом с ним бежала Гвенвивар, теперь же он был один.

Он слегка припадал на ногу — одно колено еще не вполне восстановилось после удара свирфским гасителем. Но не мог же он использовать это как повод задержаться в Блингденстоуне. Дело не терпело отлагательства, к тому же Белвар, хоть ему и больно было расставаться с другом, не задерживал Дзирта, а это значило, что другим свирфам не очень нравилось присутствие дроу в их городе.

Но от Блингденстоуна его уже отделяло два дня пути, два дня и пятьдесят миль извилистых туннелей. По дороге Дзирт видел следы по крайней мере трех патрулей темных эльфов.

Такое большое количество солдат, находящихся за пределами Мензоберранзана, было необычным и только подтверждало подозрения Белвара. Видимо, назревало что-то страшное и Паучья Королева требовала крови. Все три раза Дзирт следил за отрядами, думая примкнуть к ним. Он даже сочинил историю о том, что он послан каким-нибудь торговцем из Чед Насада. Но все три раза у него не хватало храбрости, и он продолжал идти к Мензоберранзану, откладывая момент первой встречи с сородичами.

Но теперь туннели стали чересчур знакомыми, и этот момент приближался.

Стараясь ступать беззвучно, он пересек более широкий коридор. Откуда-то спереди послышалось шарканье многих ног. Дзирт знал, что это не дроу: темные эльфы передвигаются бесшумно.

Дзирт взобрался по неровной стене и пошел по выступу футах в десяти от пола. Местами приходилось цепляться за камень только кончиками пальцев и подтягиваться вверх, так что ноги болтались в воздухе, но Дзирт не останавливался и неслышно подбирался все ближе.

Шум впереди усилился, и он замер на месте. К счастью, выступ расширился, Дзирт смог отпустить руки и выхватить сабли из ножен, изо всех сил сдерживая свои чувства, чтобы они не передались Сверкающему Клинку и тот не выдал его своим сиянием.

Ориентируясь на невнятные звуки, он продвинулся дальше и увидел толпу низкорослых сутулых человекообразных, одетых в рваные плащи с надвинутыми на лица капюшонами. Они не разговаривали и слонялись без видимой цели; по плоским широким ступням дроу понял, что это гоблины.

Их движения и опущенные плечи позволили Дзирту узнать рабов, поскольку только невольники являют собой такое воплощение безвольной покорности.

Дзирт молча наблюдал за ними, пытаясь обнаружить надсмотрщика-дроу. Гоблинов в толпе было не меньше восьмидесяти, они растянулись по краю небольшого озерца, называвшегося прудом Хельдайена. Прячась под капюшонами, они торопливо черпали ладонями воду и жадно хлебали ее, словно не пили много дней.

Скорее всего так и было. Неподалеку Дзирт разглядел пару голов отощавшего, мелкого подземного скота. По-видимому, гоблинов отправили на поиск отбившихся от стада животных. В таких походах рабов почти не кормили, несмотря на то, что они тащили на себе довольно много съестных припасов. Зато сопровождавшие их стражи-дроу ели вдосталь, нередко на глазах несчастных изголодавшихся рабов.

Послышался свист плетки, и гоблины немедленно повскакали и заковыляли прочь от пруда. Показались двое солдат-дроу, женщина и мужчина. Они беззаботно болтали, и женщина время от времени щелкала плеткой.

С другой стороны пещеры еще один дроу выкрикнул какой-то приказ, и гоблины начали строиться в некое грубое подобие шеренги, похожей скорее на растянутую в длину толпу.

Дзирт тут же сообразил, что наступил удобный момент. Группы надсмотрщиков за рабами считались одними из самых неорганизованных и кое-как укомплектованных отрядов,

выходивших за пределы города. В любой такой группе обычно находились темные эльфы из разных Домов да еще несколько молодых учеников от каждой из трех школ Академии.

Дзирт тихо соскользнул с выступа, обогнул угол и жестами подал дроу знак обычного приветствия (хотя с непривычки пальцы плохо слушались его, воспроизводя сложные знаки кода).

Женщина вытолкнула сопровождавшего ее мужчину вперед и спряталась у него за спиной. Мужчина мгновенно вскинул крошечный ручной арбалет, стрелы для которого, как правило, покрывались мощным усыпляющим снадобьем.

Кто ты такой? — жестами спросила женщина из-за плеча мужчины.

— Единственный оставшийся в живых от патрульного отряда, отправленного к Блингденстоуну, — ответил Дзирт.

— Тогда тебе следовало бы вступить в город поближе к Бреши Тир, — тоже вслух отозвалась женщина. Целый поток воспоминаний обрушился на Дзирта при звуках этого голоса, так похожего на голоса других женщин-дроу, которые могли быть проникновенными, а могли заморозить кровь в жилах. Он вдруг отчетливо понял, что от Мензоберранзана его действительно отделяет всего несколько сот ярдов.

— Мне бы вообще не хотелось «вступать в город», — ответил Дзирт. — По крайней мере, без предварительного оповещения. — Он знал, что это звучит вполне здраво. Если бы он и в самом деле уцелел один из целого отряда, его наверняка сначала с пристрастием допросили бы в Академии, даже, наверное, пытали бы, до тех пор пока мастера не убедятся, что он не сыграл роковой роли в судьбе отряда, или пока он не испустит дух. Что произойдет раньше, не имело особого значения.

— Назови имя первого Дома, — велела женщина, не сводя взгляда с лавандовых очей Дзирта.

— Бэнр, — не раздумывая, ответил он, ожидавший такой проверки. В Мензоберранзане нередко обнаруживали шпионов из других городов-соперников.

— А кто у них младший сын? — хитро прищурившись, задала вопрос женщина. Она все так же не сводила с Дзирта взгляда, и ее губы искривились в похотливой, откровенно призывной улыбке.

По счастливому совпадению, Дзирт в свое время учился в Академии в одном классе с младшим Бэнром — если только старуха Бэнр не умудрилась за прошедшие с тех пор тридцать лет разродиться еще одним ребенком.

— Бергиньон, — уверенно ответил он, как бы невзначай положив руки на пояс крест-накрест — поближе к эфесам сабель.

— А как твое имя? — снова спросила она, облизнув губы.

— Оно тебе ничего не скажет, — ответил Дзирт и тоже улыбнулся в ответ, пристально глядя в ее глаза.

Женщина похлопала по плечу загордившего ее мужчину и жестом показала, что он может идти.

Значит ли это, что я освобожден от обязанностей? — беззвучно спросил он, всем своим видом выражая надежду.

Сегодня тебя заменит бол, ответила женщина, назвав так Дзирта; на языке дроу это слово обозначало нечто таинственное или загадочное.

Мужчина осклабился и собрался было спрятать арбалет. Но тут он заметил, что оружие взведено и готово к выстрелу, а гоблины сгрудились неподалеку, сразу передумал и с еще более довольной улыбкой снова вскинул его.

Дзирт остался невозмутимым, хотя ему больно было смотреть на подобную жестокость, даже в отношении гоблинов.

— Нет, — остановила дроу женщина, положив ладонь на его руку. Она вытащила из арбалета стрелу и заменила ее другой. — Твоя только усыпит тварь, — пояснила она, хихикнув.

Мужчина на мгновение задумался, потом, очевидно, понял ее. Он прицелился в

гоблина, зазевавшегося у воды, и выстрелил. Крошечная стрела вонзилась тому между лопаток, гoblin дернулся. Он стал поворачиваться, чтобы оглянуться, но упал в пруд.

Гоблин тщетно барахтался в воде, и Дзирт закусил губу, поняв, что наконечник стрелы был покрыт парализующим составом, действовавшим так, что раненая жертва оставалась в полном сознании. Гоблин не мог больше управлять конечностями и неминуемо должен был утонуть, но, что хуже всего, он ясно понимал, какая страшная участь его ожидает. Неимоверными усилиями ему удалось выгнуть спину так, чтобы лицо оставалось над водой, но Дзирт знал, что несчастное создание захлебнется задолго до того, как действие отравы прекратится.

Дроу от души посмеялся, спрятал арбалет в небольшой чехол, прикрепленный поперек живота, и исчез в туннеле слева от Дзирта. Почти сразу после его ухода женщина снова принялась щелкать плетью и отдала приказ трогаться в путь, в туннель направо.

Потом она обернулась и холодно взглянула на Дзирта:

— А ты что тут стоишь?

Дзирт показал на гоблина в пруду, еще глубже ушедшего под воду; теперь на поверхности оставался только жадно глотавший воздух рот. Он принужденно засмеялся, делая вид, что это изуверское представление привело его в восторг, а сам едва сдерживался, чтобы не наброситься на женщину и не изрубить ее саблями.

Пока вся процессия медленно двигалась прочь от пруда, Дзирт лихорадочно соображал, как можно подобраться к несчастному гоблину и вытащить его из воды, чтобы потом бедняга мог прийти в себя и убежать. Но женщина ни на миг не спускала с него глаз, и Дзирт понимал, что на уме у нее что-то есть, неспроста она включила его в отряд. Иначе почему же она не устроила себе отдых, когда так неожиданно подвернулся еще один надсмотрщик?

Покидая пещеру, Дзирт слышал последние всплески пытающегося спастись раба. К горлу благородного дроу подкатил тугой ком, и он с трудом поборол омерзение. Сколько бы раз он ни созерцал подобные сцены, никогда ему не привыкнуть к грубой жестокости его народа.

И это его радовало.

Глава 15 МАСКИ

Кэтти-бри в жизни не видела таких существ. Они немного напоминали гномов, по крайней мере роста были примерно такого же — около трех футов, но на их массивных головах и пышущих здоровьем лицах совсем не было волос, а кожа в магическом звездном свете диадемы казалась серой. Человечки были довольно крепкими, по силе, наверное, не уступали дворфам, и, судя по отличным инструментам и прекрасно сделанным доспехам, как и дворфы, они знали толк в добыче руды и ремеслах.

Дзирт рассказывал Кэтти-бри о глубинных гномах — свирфах, и она решила, что это они и есть. Правда, девушка не была в этом полностью уверена, опасаясь, что видит перед собой злобных дергаров, серых дворфов.

Кэтти-бри находилась на скрещении множества туннелей и решила затаиться среди нагромождения высоких тонких сталагмитов. Глубинные гномы, если это были они, появились из туннеля в противоположной стороне и рассыпались по расширившемуся в одном месте коридору, переговариваясь между собой и не обращая внимания на плотную группу сталагмитов в двадцати футах от них.

Кэтти-бри не знала, что ей теперь делать. Если это были свирфы, а именно к этому она склонялась, они могли бы стать ценными союзниками, но как ей к ним подойти? Их языки были совсем непохожи, к тому же свирфы, наверное, никогда не видели человека, так же как и она их.

Она решила, что разумнее всего будет затаиться и подождать, когда они пройдут. Девушка не знала об особенностях инфразрения и совершенно не сознавала, что, сидя за

холодными сталагмитами, чья температура отличалась от температуры ее тела на добрых тридцать градусов, она буквально горела ярким пламенем для теплочувствительных глаз свирфов.

Пока девушка сидела, скрючившись, и ждала, глубинные гномы рассеялись по коридору, проверяя, нет ли поблизости других дроу (Кэтти-бри по-прежнему оставалась в маске). Прошло несколько минут; вдруг Кэтти-бри почудилось, что камень, на который она опиралась, слегка задрожал. Она с удивлением глянула на свою подрагивавшую руку. Девушка не знала, что глубинные гномы умели переговариваться способом, совмещавшим в себе телепатию и психокинез, посылая друг другу мысли через камень, и чуткой ладонью можно было уловить вибрацию. Она понятия не имела, что это легчайшее дрожание было на самом деле сообщением от свирфских разведчиков, подтверждавших, что женщина-дроу, спрятавшаяся за сталагмитами, действительно одна.

Один из гномов впереди вдруг засуетился, затянул заклинание, слов которого Кэтти-бри, конечно, не поняла, и швырнул в ее сторону камень. Она пригнулась пониже и подумала, что же делать: крикнуть, что сдается, или выхватить лук и попытаться напугать гномов.

Камень не задел ее, он упал недалеко, за сталагмитами, и разлетелся на несколько осколков. Они тут же начали шипеть и дымиться, и земля под ними затряслась.

Прежде чем Кэтти-бри что-либо поняла, камни рядом с ней вздыбились гигантским пузырем, потом приняли форму огромного, высотой в пятнадцать футов, гуманоида, заполнившего собой почти весь коридор. У существа были громадные каменные руки, которыми он мог разнести убежище девушки на мелкие куски. Два сталагмита влились в тело чудовища и теперь торчали устрашающими шипами из его груди.

Гномы в коридоре издали боевой клич, эхо которого прогремело по всему коридору, еще больше напугав девушку.

Чудовище размахивало исполинской лапой, пытаясь схватить Кэтти-бри, прятавшуюся за столбами, и уже сломало верхушку одного сталагмита; девушка отступала назад, спотыкаясь о камни. Она бросила вниз ониксовую фигурку и как безумная стала звать Гвенвивар, пытаясь в то же время приладить стрелу.

Земная элементарь двинулась вперед, ее громоздкие ноги сливались со сталагмитами и проскальзывали сквозь них. Она снова попыталась схватить девушку, но тут взвизгнула серебряная стрела и оставила глубокую трещину как раз между глаз гиганта.

Элементарь выпрямилась и закачалась, потом подняла руки и сдавила обе половины головы, соединяя их вместе. Когда же чудовище вновь обернулось к «зарослям» сталагмитов, то увидело не женщину-дроу, а громадную кошку, уже подбиравшую задние лапы для прыжка.

Кэтти-бри выбралась из-за сталагмитов сзади и попыталась убежать, но из всех боковых туннелей к ней спешили глубинные гномы. Она побежала по главному коридору, перебегая от выступа к выступу и не отваживаясь оглянуться на Гвенвивар и элементарь. Потом что-то тяжелое и твердое ударило в ее голень, и она полетела головой вперед. Приподнявшись, девушка увидела, как из-за большого выступа показался свирф, все еще державший в руке мотыгу, которой сбил ее с ног.

Кэтти-бри схватила лук и рывком села, но кто-то мгновенно выбил у нее из рук оружие. Она машинально откатилась в сторону, но гномы не отставали от нее и уже подняли тяжелые кувалды.

Гвенвивар зарычала и взметнулась в воздух, чтобы перелететь за спину чудища и заставить его повернуться. Но элементарь оказалась более быстрой, чем ожидала пантера, она тут же выбросила каменную руку, схватила Гвенвивар уже в полете и притянула к груди. В плечо кошке вонзилось сталагмитовое острие, она завизжала, и одновременно с ней ликующе закричали глубинные гномы, решив, что с женщиной-дроу и ее неожиданно появившейся спутницей скоро будет покончено.

Кэтти-бри попытались ударить кувалдой, но она выставила вверх короткий меч и

перерубила кувалду в месте соединения рукояти с металлической частью, которая с громким звоном отлетела на каменный пол. Девушка защищалась, пытаясь отползти подальше от гномов и снова встать на ноги, но они обступили ее со всех сторон, так размахивая кувалдами, чтобы она не могла отбиться.

Когда большинство свирфов, видя, что великолепной пантере, смятой и израненной, скоро придет конец, возликовали, двое пришли в невероятное замешательство. Их звали Селдиг и Пумкато, и в детстве они играли с такой кошкой, когда тридцать лет назад ее хозяин, дроу-беглец Дзирт До'Урден, приводил ее в Блингденстоун. Поскольку он только что покинул город, они решили, что появление пантеры не случайно.

— Гвенвивар! — крикнул Селдиг, и пантера зарычала в ответ.

Кэтти-бри необычайно поразило, что кто-то так чисто произнес имя кошки, а трое гномов, окруживших ее, неуверенно переглянулись.

Вызвавший элементаль Пумкато приказал ей остановиться, а Селдиг быстро вскарабкался вверх по ее телу, пользуясь киркой. Он взобрался почти к самой морде пантеры и еще раз спросил:

— Гвенвивар?

У бедной кошки уши мигом стали торчком, и она кинула на смутно знакомого гнома жалобный взгляд.

— Кто это? — спросил Пумкато, указывая на Кэтти-бри.

Несмотря на то, что в свирфском говоре она ни слова не разбирала, девушка решила, что лучшей возможности ей не представится. Она бросила меч на пол, свободной рукой сдернула волшебную маску, и ее лицо мгновенно стало лицом человека. Трое гномов рядом вскрикнули и отшатнулись, оглядывая ее с такими кислыми минами, как будто ее новая наружность была по их меркам довольно отталкивающей.

Пумкато набрался смелости и подошел к ней, вытянувшись во весь рост.

Раз он знает одно имя, решила Кэтти-бри, возможно, знает и другое. Она показала на себя, потом расставила руки и прижала их к груди, как будто обнимала кого-то.

— Дзирт До'Урден? — с надеждой спросила она.

Серые глазки Пумкато раскрылись от изумления, и он кивнул, но с таким видом, словно ничуть не удивился. Стараясь подавить отвращение при виде уродливой с его точки зрения человеческой наружности, он протянул руку и помог Кэтти-бри встать на ноги.

Девушка медленно поднялась, достала фигурку и отослала Гвенвивар. Пумкато тоже отправил элементаль обратно.

— Колсен'ши орбб, — шепнул Джарлакс таинственную фразу, чрезвычайно редко звучавшую в Мензоберранзане. В приблизительном переводе она значила: «Убери ноги с паука».

Сплошная гладкая стена в ответ на слова пароля задрожала и превратилась в паутину, а потом разошлась, образовав круглое отверстие, через которое и вошли наемник и сопровождавший его человек.

Даже Джарлакс, умевший обычно просчитывать все на шаг вперед других темных эльфов, был удивлен — причем удивлен приятно, — обнаружив в маленькой комнате по ту сторону стены Триль Бэнр, ожидавшую его. Они находились в личных покоях Громфа Бэнра в Магике. Джарлакс надеялся, что Громф окажется на месте, но Триль была еще лучшим свидетелем.

Энтрери вошел вслед за наемником, предусмотрительно стараясь не попасть в поле зрения непредсказуемой Триль. Он с интересом обвел глазами необычную комнату, окутанную, как почти вся башня магов, мягким голубоватым светом. Повсюду — на столе, на трех стульях, на полу — лежали свитки. Вдоль стен тянулись полки, загроможденные множеством больших бутылей с пробками и открытых сосудов поменьше, в виде песочных часов, рядом с которыми лежали запечатанные пакеты. Среди этой неразберихи были сотни других непонятных предметов, настолько не похожих на что-либо знакомое жителю поверхности, что трудно было даже предположить, для чего они предназначались.

— Ты осмелился привести колнблас'а в Магику? — спросила Триль, удивленно вскинув брови.

Энтрери старательно смотрел в пол, хотя и отважился бросить несколько быстрых взглядов на дочь Бэнр. Он еще ни разу не видел Триль при таком ярком свете и сейчас подумал, что по меркам дроу она вовсе не блистала красотой. Женщина была небольшого роста и слишком широка в плечах, что очень не шло к чертам худого лица. Он вдруг подумал о том, как странно, что Триль удалось так высоко вознестись, живя среди народа, весьма ценившего физическую красоту. Наверное, ее положение досталось ей по праву рождения.

Энтрери все еще плохо понимал язык дроу, но догадался, что Триль только что оскорбила его. Обычно он отвечал на оскорбления действием, но только не сейчас, в такой дали от привычного мира, и только не по отношению к этой женщине. Джарлак уже сотню раз предупреждал его, что с Триль надо быть поосторожнее. Она только и ждала повода убить его — злобная дочь Бэнр всегда готова была убить любого колнблас'а, да и не она одна.

— Я много куда вожу его, — ответил Джарлак. — Не думаю, что твой брат стал бы возражать.

Триль обернулась к роскошному столу из полированных костей дворфов и мягкому креслу позади него. Смежных комнат здесь не было, как не было ниш и потайных уголков. Архимаг пока что отсутствовал.

— Громф должен быть здесь, — предположил Джарлак. — Иначе как тут могла оказаться Мать-Хозяйка Арах-Тинилит? Насколько я помню, это нарушение правил, и не менее серьезное, чем то, что я привел не-дроу в Академию.

— Следи за своими словами, — злобно сказала низкорослая жрица.

— Асанк, — с поклоном ответил Джарлак. Слово имело двоякий смысл, оно могло значить «как тебе угодно» или же «ты тоже».

— Почему ты здесь? — спросила Триль.

— Ты же знала, что я приду, — заметил наемник.

— Само собой, — хитро прищурившись, отозвалась жрица. — Мне многое известно, но я хочу знать, как ты сам объяснишь свой приход сюда, в частные покои Архимага, доступные только главам школы.

Джарлак порылся в складках черного плаща и достал странную маску в виде паука, ту самую, что помогла ему проникнуть через волшебную ограду на территорию Дома Бэнр. Красные глаза Триль широко раскрылись.

— Твоя мать велела мне вернуть ее Громфу, — несколько небрежно ответил наемник.

— Что, сюда? — рывкнула Триль. — Маска не должна покидать пределы Дома Бэнр.

Джарлак чуть улыбнулся, оглянувшись на Энтрери, втайне надеясь, что он хотя бы отчасти улавливает, о чем разговор.

— Громф ее вернет, — заверил Джарлак. Он прошел к столу из дворфских костей, едва слышно пробормотал какое-то слово и так быстро сунул маску в ящик, что Триль не успела ему помешать. Она прошествовала к столу и с подозрением посмотрела на закрытый ящик. Наверняка Громф позаботился, чтобы открывался он только с помощью тайного слова.

— Открой! — приказала она Джарлаксу. — Я сама передам маску Громфу.

— Не могу, — соврал наемник. — Пароль срабатывает только один раз. Другого мне не давали. — Джарлак понимал, что затеял опасную игру, но Триль и Громф почти не общались, к тому же сейчас, во время тщательных приготовлений к предстоящему походу в Доме Бэнр, Архимаг редко бывал в своем кабинете. На это наемник и надеялся. Сейчас ему нужно было избавиться от маски при свидетелях. Ведь во всем Мензоберранзане она была единственным средством проникновения через магическую ограду Дома Бэнр, и, если события будут складываться так, как ожидал Джарлак, она окажется очень нужной вещью — и одновременно уликой.

Триль тихонько произнесла что-то нараспев и пристально поглядела на ящичек. Она увидела узоры магической энергии, защитные и оградительные знаки, сплетенные так тесно,

что с ходу их не распутаешь. Ее магические способности были едва ли не самыми сильными во всем городе, но она побаивалась состязаться с заклятиями своего брата. Бросив на хитрого наемника уничтожающий взгляд, она прошла через всю комнату и остановилась возле Энтрери.

— Посмотри мне в глаза, — приказала она, немало удивив убийцу, поскольку только немногие дроу Мензоберранзана владели языком поверхности.

Энтрери встретился взглядом с ее испытующим взглядом. Он постарался держаться приниженно, как и подобает сломленному и порабощенному существу, но Триль была слишком проницательна, чтобы не разглядеть его истинного настроения. Она уловила в нем сдерживаемую внутреннюю силу и одобительно улыбнулась.

— Что тебе об этом известно? — спросила она.

— Я знаю только то, что Джарлакс говорит мне, — ответил Энтрери, перестав притворяться и вперив в Триль жесткий взгляд. Что бы она ни думала, убийца, сумевший выжить и добиться уважения в самых опасных уголках мира, не дрогнет перед ней.

Они довольно долго смотрели друг на друга, не мигая, и Триль поняла, что больше она ничего не добьется от этого человека.

— Убирайтесь отсюда, — обратилась она к Джарлаксу на Общем языке.

Джарлакс торопливо прошел мимо нее и дернул за руку Энтрери.

— Быстрее! — едва слышно бросил он. — Надо поскорей убраться отсюда, пока Триль не открыла ящик.

Они снова прошли через дверь в паутине, и за ними снова встала глухая стена, ограждая их от проклятий Триль.

Но дочь Бэнр была не столько разгневана, сколько заинтригована. Здесь сошлись интересы по крайней мере трех сторон: ее собственные, ее матери и, похоже, Джарлакса. Наемник что-то замышлял, и Артемис Энтрери явно был важным звеном в его игре.

* * *

Когда они без помех миновали Брешь Тир и оказались за пределами территории Академии, Джарлакс пересказал Энтрери все, что произошло.

— Ты не сказал ей о скором появлении Дзирта, — заметил убийца. Он думал, что именно об этом Джарлакс и разговаривал с Триль, но сейчас наемник ни о чем похожем не упомянул.

— Триль все узнает своими средствами, — ответил наемник. — И я вовсе не собираюсь облегчать ей жизнь — по крайней мере пока нет договоренности о цене!

Энтрери улыбнулся, но потом задумался над словами своего спутника. Он размышлял о том, сколько всего происходит в этом inferнальном городе. Неудивительно, что Джарлаксу здесь так нравится! Энтрери почти пожалел, что он не дроу и не может устроиться здесь так же, как наемник, ходящий по лезвию бритвы. Почти пожалел.

— Когда же Мать Бэнр велела тебе вернуть маску? — спросил он. Ведь их с Джарлаксом не было в городе, они ходили в дальние пещеры для встречи с представителем свирфов и вернулись лишь незадолго до похода в Академию. За это время Джарлакс, насколько Энтрери знал, не успел побывать в окрестностях дворца Бэнр.

— Не так давно, — уклончиво ответил наемник.

— И она сказала доставить ее в Магику? — не унимался Энтрери. Что-то здесь не так. И зачем Джарлакс взял его с собой? Энтрери никогда прежде не звали в такие места, а однажды, попытавшись напроситься с наемником в Мили-Магтир, он получил жесткий отказ. Джарлакс объяснил ему, что привести туда колнблас'а небезопасно, но почему-то сейчас почел совершенно уместным привести его в еще более зловещее место.

— Она не уточняла, куда именно надо принести маску, — признал Джарлакс.

Энтрери не ответил, хотя и понял, что значили эти слова. Паучья маска была дорогой реликвией семейства Бэнр и одновременно слабым местом их непробиваемой обороны. Она

всегда хранилась в тайных помещениях Дома, и нигде больше.

— Дура Триль, — бесцеремонно заметил Джарлак. — Ведь с помощью того же слова, «асанк», можно проникнуть в ящик. Она могла бы сообразить, что ее братец чересчур самонадеян, чтобы допустить, будто кто-то может отважиться обворовать его, поэтому особо не трудился, изобретая пароль.

Наемник рассмеялся, и Энтрери вторил ему, хотя был озадачен гораздо больше, чем раньше. Джарлак почти никогда не говорил и не делал ничего просто так, без задней мысли, а сейчас он почему-то открыл ему все, даже тайное слово.

Но почему?

Глава 16 МЕНЗОБЕРРАНЗАН

Плот медленно скользил по темной поверхности Донигартена, маленького озерца в восточной части громадной пещеры, где расположился Мензоберранзан. Дзирт сидел впереди и смотрел на запад, туда, где постепенно открывалась вся пещера, хотя в инфракрасном диапазоне спектра все очертания казались ему смазанными. Дзирт сначала отнес это явление на счет теплых течений озера. Он был погружен совсем в другие мысли, образы прошлого и размышления о настоящем смешались в его душе.

Ритмичные стоны гребцов-орков за его спиной, однако, внесли стройность в поток мыслей и воспоминаний, и Дзирт успокоился.

Он прикрыл глаза и подождал, когда они приспособятся к обычному свету. Он вспоминал великолепие сталагмитовых и сталактитовых построек Мензоберранзана, подсвеченных изысканными сполохами пурпурного, синего и красного феерического света.

То, что он увидел, открыв глаза, ошеломило дроу. Город купался в огнях! И не только в холодных отсветах феерического пламени. Повсюду виднелись сияющие пятна желтого и белого света, пламя факелов и магического огня. На какой-то краткий миг Дзирт поверил было, что появление света в городе говорит о том, что нечто изменилось в темном сознании его родичей. В его представлении тьма Подземья всегда ассоциировалась с мраком в душах дроу, или, по крайней мере, он считал потемки подходящим обрамлением для их черных деяний.

Откуда же столько огней? Дзирт не был настолько заносчив, чтобы считать их появление как-то связанным с охотой на его персону. Он не думал, что так уж важен для дроу, поэтому с большей уверенностью, чем свирфы, решил, что готовится нечто из ряда вон выходящее (только он понятия не имел, что темные эльфы планировали большое наступление на Мифрил Халл). Было бы неплохо расспросить об этом других дроу, — например, эту женщину, наверняка она что-то знала, — но как завести такой разговор, не выдав тем самым, что он чужак?

Словно услышав его мысли, женщина тут же оказалась рядом с ним, придвинувшись к нему совсем близко.

— На Скотном острове дни тянутся долго, — с лукавой улыбкой тихо произнесла она, и ее красные глаза призывно загорелись.

— Никак не привыкну к этому свету, — ответил Дзирт, переводя разговор на другое и глядя на город. Он по-прежнему пользовался нормальным зрением и надеялся, что ему удастся навести разговор на интересующий его предмет. — Глаза режет.

— Конечно, — бархатным голосом согласилась женщина, придвинувшись еще ближе и просунув руку под локоть Дзирта. — Но в свое время ты приспособишься.

В свое время? Какое такое время? Дзирту нестерпимо хотелось все выяснить, поскольку ему показалось, что она подразумевает какие-то определенные события. Однако он не знал, с чего начать, а женщина тем временем прижалась к нему всем телом, и до него дошло, что его подстерегают гораздо более близкие затруднения.

В культуре дроу мужчины были существами подчиненными, и отказать женщине

значило навлечь большие беды на свою голову.

— Меня зовут Хариза, — прошептала она ему на ухо. — Скажи, что мечтаешь стать моим рабом.

Дзирт внезапно вскочил с места и выхватил клинки из ножен. Он отвернулся от Харизы и стал преувеличенно пристально всматриваться в воду, боясь, как бы женщина не восприняла его враждебность на свой счет.

— В чем дело? — недоуменно спросила Хариза.

— Какое-то движение в воде, — солгал Дзирт. — Легкая рябь, словно нечто большое проплыло под плотом.

Хариза бросила на него недовольный взгляд, но все же поднялась и тоже начала всматриваться в темную воду. В Мензоберранзане все знали, что под обычно спокойной поверхностью Донигартена жили неведомые чудовища. У надсмотрщиков была даже такая игра: они заставляли гоблинов и орков добираться вплавь от острова до берега и держали пари, не утащат ли кого-то из них под воду.

Прошло несколько секунд, но по-прежнему стояла тишина, нарушаемая только мерными стонами орков, сидящих на веслах.

К Дзирту и Харизе присоединился еще один дроу, неодобрительно глядя на ярко плававший клинок в руке чужака.

Так нас увидят все враги в округе, сказал он на языке жестов.

Дзирт вложил сабли в ножны и снова переключился на инфразрение.

Но если наши враги под водой, движение плота выдаст нас вернее любого света, так же жестами возразил он.

— Здесь никого нет, — решительно сказала Хариза и взмахнула рукой, отправляя пришедшего дроу на место. Когда он ушел, она остановила на Дзирте сладострастный взгляд. — Ты воин? — спросила она, внимательно оглядывая мужчину с лиловыми глазами. — Может, даже руководитель патрульного отряда?

Дзирт кивнул и на этот раз не солгал: когда-то он действительно был руководителем патрульного отряда.

— Хорошо, — довольно протянула Хариза. — Мне нравятся мужчины, стоящие хлопот. — Она отвлеклась, потому что они почти подплыли к Скотному острову. — Думаю, мы поговорим позже. — Она повернулась и поспешила прочь, приподняв подол так, что он высоко взметнулся, открыв ее красивые стройные ноги.

Дзирт вздрогнул, как от удара. Он был уверен, что разговаривать Харизе хотелось меньше всего. Она действительно была красива, обладала тонкими чертами лица, густой гривой ухоженных волос и отлично тренированным телом. Но, проведя много лет среди дроу, Дзирт До'Урден научился видеть не только физическую красоту. Он уже не мог отделить тело от души. Дзирт стал непревзойденным воином потому, что сражался, повинаясь приказам сердца, и никогда не стал бы драться ради драки. Точно так же он никогда не стал бы встречаться с женщиной просто ради физической близости.

— Позже, — повторила Хариза, обернувшись и взглянув на него поверх красивого точеного плеча.

— Да, когда черви сожрут твои кости, — едва слышно процедил Дзирт, фальшиво улыбаясь. Он почему-то вспомнил о Кэтти-бри, и при мысли о ней все его существо наполнилось теплотой, вытеснившей дрожь отвращения, вызванную близостью женщины-дроу.

* * *

Блингденстоун очаровал Кэтти-бри, несмотря на то, что свирфы не спешили обращаться с ней как с долгожданной гостьей. У нее отобрали оружие, кольчугу, украшения и даже обувь, и так повели в город. Сопровождавшие гномы не обижали ее, но и особенно не церемонились. Ее просто крепко держали под руки и тащили за собой.

Гномы сначала забрали у нее и диадему, но быстро поняли, для чего она предназначена, и поэтому вернули ее Кэтти-бри, когда их маленький караван миновал пещеры на подходе к Блингденстоуну. Дзирт рассказывал ей об этом городе и о том, что города глубинных гномов совершенно слиты с природным окружением, но девушка не ожидала, что его слова были настолько справедливы. Дворфы считались лучшими в мире рудокопами, но глубинные гномы, пожалуй, даже превосходили их. Казалось, они сами вышли из камня, в такой полной гармонии со скалами существовали эти жители туннелей. Их дома казались валунами, прихотливо разбросанными давним извержением вулкана, а проложенные свирфами туннели напоминали пересохшие русла подземных рек.

С того момента, как Кэтти-бри вступила в город, за каждым ее шагом следили сотни глаз. Она подумала, что свирфы в первый раз видят человека, и совсем не возражала против такого пристального внимания, поскольку ее саму глубинные гномы интересовали не меньше. Их лица, казавшиеся такими суровыми там, в туннелях, теперь стали мягче и приветливей. Она вдруг подумала о том, как выглядел бы улыбающийся свирф, и ей очень захотелось это увидеть. Она старалась не забывать, что они были друзьями Дзирта, и в этой мысли черпала душевное равновесие.

Ее привели в маленькую круглую комнатку. Стражник жестом указал ей на один из трех каменных стульев. Кэтти-бри села несколько неуверенно, вспомнив, что Дзирт как-то рассказал ей, что сел на один такой стул и прирос к нему.

Но сейчас ничего такого не произошло, и только она присела, в комнату вошел странного вида гном, державший на мифриловой кирке, насаженной на его руку, цепочку с волшебным медальоном, внутри которого был портрет Дзирта.

— Белвар! — уверенно обратилась к нему Кэтти-бри, решив, что двух свирфов, столь похожих на близкого друга Дзирта, быть не может.

Высокочтимый Хранитель Туннелей резко остановился и удивленно посмотрел на девушку, видимо несколько растерявшись из-за того, что она его узнала.

— Дзирт... Белвар, — сказала Кэтти-бри, обхватив себя руками так, словно кого-то обнимала. Потом показала на себя и, снова изобразив воображаемые объятия, произнесла: — Кэтти-бри... Дзирт.

В скором времени, не зная ни слова на языке свирфов и пользуясь только жестами и мимикой, Кэтти-бри удалось не только расположить к себе Хранителя Туннелей, но и объяснить ему, что она разыскивает Дзирта.

Лицо Белвара помрачнело, и ответ его был очень лаконичен. Он состоял из одного-единственного слова, ничуть не обрадовавшего Кэтти-бри: Мензоберранзан.

Девушку угостили обедом из вареных грибов и еще чего-то растительного, потом отдали назад все ее вещи, включая медальон и ониксовую статуэтку, не вернули только волшебную маску.

Затем ее оставили одну, и она просидела в залитой звездным сиянием полутьме, как ей показалось, несколько долгих часов. Мысленно она не переставала благодарить Аластриэль за бесценный дар, сознавая сейчас, что ей просто нечего было бы делать в туннелях без Кошачьего Глаза. Разве она смогла бы, к примеру, рассмотреть Белвара и узнать его?

Она все еще думала о Белваре, когда он вернулся, ведя с собой двух гномов, одетых в длинные одеяния из мягкой ткани и, в отличие от других свирфов, носивших грубую и толстую одежду с нашитыми на ткань металлическими пластинками.

Кэтти-бри решила, что перед ней важные персоны, возможно какие-нибудь советники.

— Фербл, — представил Белвар одного из гномов; вид у того был мрачный.

Почему он был таким, Кэтти-бри поняла секунду спустя, когда Белвар указал на нее, потом на Фербла, а затем показал в сторону двери и произнес какую-то длинную фразу, из которой девушка уловила только одно слово: «Мензоберранзан».

Фербл жестом приказал девушке идти за ним, явно торопясь отправиться в путь. И Кэтти-бри с готовностью вскочила, хоть и не прочь была бы немного задержаться в Блингденстоуне и узнать побольше о его удивительных обитателях. Но Дзирт и так уже

намного опередил ее. Она уже шла к выходу, когда Белвар поймал ее за руку своей киркой. Девушка повернулась к нему, а он вытащил из-за пояса маску и протянул ей.

— Дзирт, — произнес он, указывая на ее лицо. — Дзирт.

Кэтти-бри согласно кивнула, понимая, что Белвар советует ей идти дальше под видом дроу. Она снова сделала шаг, но потом порывисто обернулась и быстро чмокнула гнома в щеку. С благодарной улыбкой Кэтти-бри вышла из дома и пошла следом за Ферблом.

— Как же тебе удалось заставить Фербла согласиться отвести ее в город дроу? — спросил другой советник, оставшись наедине с Хранителем Туннелей.

— Биврип! — громогласно изрек Белвар. Он громко хлопнул мифриловыми «руками», и над ними сразу дугами встали разряды энергии и посыпались искры. Белвар лукаво взглянул на советника и рассмеялся характерным для свирфов скрипучим смехом. Бедный Фербл!

* * *

Дзирт был доволен, что ему пришлось сопровождать нескольких орков с острова на берег, потому что только так можно было избежать домогательств Харизы. Она наблюдала за ним с берега со смешанным выражением недовольства и ожидания, примирившись с тем, что сейчас он уйдет, поскольку знала, что все равно ему придется скоро вернуться.

Едва остров остался за спиной, Дзирт и думать забыл о Харизе. Впереди, в самом городе, его ждало то, ради чего он пришел сюда, а кроме того, еще и опасности. Но Дзирт даже не представлял, с чего начать выяснять обстановку. Он боялся, что ему просто-напросто придется сдаться в плен, отдать себя на милость врагов ради спасения друзей.

Он вспомнил Закнафейна, своего отца и друга, принесенного вместо него в жертву ненасытной Паучьей Королеве. Но потом подумал о другом своем ушедшем друге, Вульфгаре, и эти воспоминания укрепили его решимость.

Дзирт не стал ничего объяснять надсмотрщикам, ожидавшим плот на берегу. Он пошел дальше, прочь от Донигартена, и выражение его лица ясно говорило, что им лучше воздержаться от расспросов.

Скоро он уже легкой поступью шел по извилистым улицам Мензоберранзана, настороженно глядя по сторонам. Он прошел мимо нескольких темных эльфов и почувствовал, что его провожают пристальными взглядами десятки стражей с выступов пустотелых сталагмитов разных Домов. Дзиртом владело ни на чем не основанное убеждение, что его могут узнать, и ему пришлось повторить себе несколько раз, что он больше тридцати лет не был в городе и что не только он сам, но и весь Дом До'Урден давно уже стал давней историей Мензоберранзана.

Но если бы так было на самом деле, зачем тогда он здесь, где ему совершенно не хочется быть?

Дзирт жалел, что у него не было пивафви, черного плаща, который обычно носили дроу. Его толстый и теплый зеленый плащ больше подходил для мира на поверхности и мог навести встречных на мысли о том, откуда он явился. Он еще глубже надвинул капюшон и ускорил шаг. Вспоминая подзабытые улицы и переулки, он подумал, что это будет только первая из его вылазок в город.

Он повернул за угол и, увидев свет, отшатнулся от удивления и боли, резанувшей по перестроенным на инфразрение глазам. Дзирт тесно прижался к сталагмитовой стене, крепко сжав под плащом эфес Сверкающего Клинка.

Из-за поворота показались четверо дроу, они переговаривались между собой и не обратили на Дзирта ни малейшего внимания. Немного погодя, когда глаза приспособились к нормальному спектру, он разглядел на их одежде эмблемы Дома Бэнр, и при этом один из них нес в руках факел!

Ничего более несуразного представить себе было нельзя. Что это значит, без конца спрашивал себя Дзирт, чувствуя, что все это очень важно. Наверное, дроу готовились к

вылазке куда-то на поверхность?

Мысли Дзирта вернулись к его основной цели. Солдаты Дома Бэнр ходят с факелами, приучая свои чувствительные глаза к яркому свету. Странно. Надо было возвращаться на Скотный остров; он решил, что это местечко на отшибе вполне подходит для того, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Может быть, удастся выведать что-нибудь о предназначении огней у Харизы, и тогда следующий выход в город окажется более плодотворным.

Он повернул и пошел назад, низко надвинув капюшон и глубоко погружившись в собственные мысли, и поэтому не заметил темную фигуру, неотступно следовавшую за ним: члены Бреган Д'эрт передвигались неприметно.

* * *

Ничего более чарующего и необыкновенного Кэтти-бри в своей жизни не видела, а в неярком звездном сиянии Кошачьего Глаза мягко светившиеся и мерцавшие сталактиты и сталагмиты казались еще более прекрасными. Феерические огни Мензоберранзана очерчивали десять тысяч великолепных резных украшений. Некоторые из них были вполне определены по форме и по преимуществу изображали пауков, другие же — абстрактные узоры, но неземной красоты. Хорошо бы побывать здесь при других обстоятельствах, подумала девушка. Если бы она была исследователем и обнаружила покинутый обитателями Мензоберранзан, то тогда могла бы, ничего не боясь, наслаждаться его красотой и изумляться необычайному мастерству ремесленников.

Но как бы ни ошеломил девушку великолепный город дроу, ужас не давал забыть о себе. Вокруг было двадцать тысяч темных эльфов, двадцать тысяч смертельных врагов.

Стараясь отогнать страх, Кэтти-бри сжала волшебный медальон и подумала о том, кто был запечатлен внутри, о Дзирте До'Урдене. Она верила, что он здесь, где-то рядом, и медальон, как будто в ответ на ее надежду, вдруг заметно нагрелся.

Но потом снова стал прохладным. Кэтти-бри осторожно повернулась сначала на север, к тайным туннелям, откуда они с Ферблом пришли.

Медальон не стал теплее. Она стала лицом к западу, где позади гигантской расселины, называвшейся Клорифтой, находилось обширное плато, а потом каменный пол уходил вверх. Затем она повернулась к югу, где, судя по красоте и изысканности сияющей резьбы, располагалась самая большая и важная часть города. Медальон сначала оставался прохладным, но начал нагреваться по мере того, как девушка поворачивалась к востоку, осторожно поглядывая из-за ближайших сталагмитов на довольно заброшенную и пустынную часть города.

Значит, Дзирт там, на востоке. Кэтти-бри пару раз глубоко вздохнула, пытаясь унять внезапную дрожь и собраться с духом, чтобы выйти из туннеля наружу. Она еще раз посмотрела на свои руки и свободное одеяние и немного успокоилась, убедившись, что очень похожа на дроу. Лучше, если бы Гвенвивар была рядом, подумала она, вспомнив, как кошка сопровождала ее на улицах Серебристой Луны. Но девушка не знала, как отнесутся к ней встречи. Меньше всего Кэтти-бри хотелось привлекать к себе внимание.

Она шла быстро и тихо, надвинув капюшон почти по самый нос и втянув голову в плечи. Медальон, крепко зажатый в ладони, указывал ей путь и вселял мужество. Она изо всех сил старалась не попадаться на глаза караульным многочисленных Домов и намеренно отводила взгляд, встречаясь с проходящими мимо дроу.

Она уже почти миновала район сталагмитов, вышла к заросшей мхом земле и уже увидела заросли грибов и озеро за ней, когда из тени вдруг показались два дроу и преградили ей дорогу, не вынимая, правда, оружия.

Один из них обратился к ней с вопросом, которого она, само собой, не поняла. Девушка неосознанно вздрогнула и тут заметила, что они оба изумленно вытаращились. Глаза, конечно! Они же у нее не красного цвета, как у всех существ, способных видеть в тепловом

спектре, ей об этом глубинные гномы сказали. Дроу повторил свой вопрос более настойчиво, потом оглянулся через плечо назад, в сторону мхов и озера.

Кэтти-бри предположила, что эти двое — в составе патруля и хотели узнать, какое дело привело ее в эту часть города. Мимоходом она отметила, как почтительно они к ней обращались, и вспомнила рассказы Дзирта о традициях своего народа.

Она женщина, а они — всего лишь мужчины.

Снова прозвучал непонятный вопрос, и Кэтти-бри свирепо рыкнула. Один из мужчин быстро опустил ладонь на рукоять меча, но девушка ткнула пальцем в сторону его оружия и снова что-то угрожающе буркнула.

Мужчины в замешательстве переглянулись. Они сперва решили, что женщина слепа или по крайней мере не пользуется инфразрением, а отсвет городских огней здесь был очень бледен, чтобы что-либо разглядеть. Но она, судя по ее действиям, оказывается, видела все вполне отчетливо.

Кэтти-бри снова рывкнула и жестом приказала им убраться с дороги, что они, к ее удивлению (и величайшему облегчению), и сделали, глядя на нее с подозрением, но не решаясь перечить женщине.

Кэтти-бри опять опустила голову и надвинула поглубже капюшон, но потом передумала. В конце концов, она в Мензоберранзане, городе, где полным-полно наглых темных эльфов, где без конца плетутся интриги, где надо знать то, что не известно сопернику, или хотя бы притворяться, что знаешь, — иначе не выживешь.

Она решительно сбросила капюшон и выпрямилась, тряхнув головой, расправляя густые белоснежные волосы. Она злобно посмотрела на стоявших перед ней мужчин и недобро рассмеялась.

Они бросились бежать.

У девушки чуть ноги не подкосились. Она еще раз глубоко втянула воздух, покрепче сжала медальон и направилась к озеру.

Глава 17 ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ

Ты знаешь, кто он? — спросил солдат на языке жестов.

Хариза отступила, не понимая, в чем дело. На Скотный остров неожиданно высадился большой отряд хорошо вооруженных дроу, ходят, допрашивают всех, включая орков и гоблинов. Ни на одном из них не было эмблемы Дома, и, насколько Хариза заметила, все они были мужчинами.

Однако это не помешало им обращаться к ней довольно бесцеремонно, в их голосах даже слышалась прямая угроза, что было совершенно недопустимо по отношению к ее полу.

— Ну, так что, знаешь? — вслух спросил дроу. На внезапный звук его голоса подбежали двое других солдат и стали рядом.

— Его здесь нет, — сказал первый, чтобы успокоить своих товарищей. — Ушел в город.

Уже возвращается, знаками показал прибежавший откуда-то четвертый дроу. *Мы только что получили сигналы с берега.*

Хариза не могла сдержать любопытства.

— Я — Хариза Хкар, — с достоинством объявила она, давая понять, что является членом одного из Домов, не из первых, но все же знатных. — Кто этот мужчина, о котором вы говорите? И что в нем такого особенного?

Четверо солдат понимающе переглянулись, и вновь пришедший испытующе поглядел на Харизу.

— Ты слышала о Дармон Н'а'шезбернон? — негромко спросил он.

Хариза кивнула. Само собой, она слышала об этом могущественном Доме, только чаще его называли Дом До'Урден. Когда-то он был восьмым в городской иерархии, но конец его

был ужасен.

— А об их младшем сыне? — вкрадчиво продолжал солдат.

Хариза задумалась. Она пыталась припомнить страшную историю восьмого Дома и вспоминала только что-то о каком-то предателе, сведения об остальных мужчинах семейства начисто стерлись из ее памяти.

— Дзирт До'Урден, — подсказал солдат.

Хариза прищурилась — она уже слышала это имя раньше, мимоходом, а потом широко раскрыла глаза, внезапно поняв, кем был этот красивый дроу с лиловыми глазами, недавно уплывший со Скотного острова.

Она — свидетель, заметил один из стоящих перед нею мужчин.

Она же ничего не знала, не согласился другой, *пока мы не назвали его имя.*

— Но теперь знает, — вслух произнес первый, и все взгляды обратились к женщине.

Однако Хариза, уже давно поняв, к чему они клонят, медленно отступала назад, держа в руке меч и плетку. Но через пару шагов она остановилась, почувствовав через тонкую кольчугу острие клинка на своей спине, и широко развела руки.

— Дом Хкар... — грозно начала она, но стоявший сзади дроу глубоко всадил меч ей в спину, пропорвав кольчугу. Слова замерли у нее на губах. Солдат выдернул меч, и Хариза дико дернулась. Она упала на колени, пытаясь не поддаваться страшной боли и поднять свое оружие. Но четверо солдат разом навалились на нее.

Нельзя оставлять свидетелей.

* * *

Пока плот скользил по темным водам Донигартена, Дзирт продолжал смотреть на залитый огнями город.

Факелы... Мысль о них навязчиво вертелась в голове, так как он уже успел почти убедить себя, что дроу готовились к обширному демаршу на поверхность. Иначе зачем им так истязать свои чувствительные глаза?

Плот вошел в заросшую тиной бухту, и Дзирт обратил внимание, что у причала больше нет ни одного судна. Однако задумываться над этим он не стал, прошел вперед и легко спрыгнул на мшистый берег. Не успели орки вытащить весла из воды, как мимо Дзирта пронесся другой дроу, вскочил на плот и отдал гребцам команду грести прочь от берега.

Пастухи-орки собрались у берега в заросшей мхом трясине и сидели на корточках, плотно запахнувшись в свои лохмотья. Ничего необычного, потому что делать им и в самом деле было нечего. Остров был маленький, каких-то сто футов в длину, а в ширину и того меньше, но зато сплошь покрыт густой низкой растительностью, по преимуществу мхами и грибами. Рельеф островка представлял собой долинки и небольшие холмы, и основная работа орков, кроме доставки скота с острова на берег и поиска отбившихся от стада особей, заключалась в том, чтобы следить, как бы какое-нибудь животное случайно не свалилось с обрыва.

Поэтому рабы в молчаливой задумчивости сидели у берега. Дзирту показалось, что они как будто чем-то взволнованы, но он был так поглощен своими мыслями по поводу готовящегося в городе, что опять не придавал этому значения. Он взглянул на посты надсмотрщиков и успокоился, увидев, что все темные эльфы, как обычно, стоят на своих местах. Да и что могло случиться на Скотном острове?

Дзирт пошел в глубь островка, к его самой высокой точке. Здесь находилось единственное строение, маленький домик на две комнаты, сооруженный из ножек гигантских грибов. По ходу он раздумывал, с чего начать, чтобы выудить у Харизы как можно больше сведений, не вступая с ней в столкновение. Однако он понимал, что времени терять нельзя, и если его кривые сабли окажутся единственным действенным способом «уговора», он заранее решил, что применит их.

Футах в десяти от домика Дзирт остановился, заметив, что кто-то изнутри потянул за

ручку двери. В проеме показался солдат-дроу и небрежно швырнул к ногам Дзирта голову Харизы.

— Теперь ты не уйдешь с острова, Дзирт До'Урден, — произнес он.

Дзирт осмотрелся, не поворачивая головы и решая, что предпринять. Между делом он незаметно ковырял носком сапога мягкую подстилку из мха, утопив в ней ногу почти по самую щиколотку.

— Сдавайся, — продолжал солдат. — Ты не можешь...

Но он не договорил, потому что прямо ему в лицо полетел большой ком мха. Солдат тут же выхватил меч и машинально выставил его перед собой, защищаясь.

Десять футов, отделявших его от врага, Дзирт почти пролетел и, развернувшись, приземлился на одно колено. Используя инерцию движения, он низко занес меч, поранив не успевшему сориентироваться солдату ногу на уровне колена. Почувствовав жгучую боль, дроу сделал полное сальто и с глухим звуком приземлился на мягкий дерн, наступив прямо на раненую ногу.

Дзирт догадывался, что в доме были и другие темные эльфы, поэтому вскочил и бросился бежать. Он обогнул дом так, чтобы его не видели из двери, и помчался вниз с покатога склона холма. Он пригибался, скользил, перескакивал кочки, стараясь двигаться как можно быстрее.

В мыслях была полная сумятица, а в душе поднималось отчаяние.

Несколько десятков животных паслись на берегу. Дзирт влетел прямо в середину стада. Позади слышались щелчки арбалетов, и одна стрела угодила в животное. Оно тут же упало, заснув еще до того, как коснулось земли.

Дзирт пригнулся еще ниже, стараясь сообразить, куда же лучше бежать. Он слишком недолго пробыл на острове, чтобы как следует его изучить, да и в юности никогда здесь не бывал. Он знал, что за холмом начинается пологий овраг, и решил бежать туда. Сзади снова слышались выстрелы; потом к стрелам присоединились метательные дротики. Вокруг взлетали в воздух комья грязи и мха, потому что стадо, напуганное выстрелами и мчавшимися в его сторону темными эльфами, начало беспорядочно метаться. Животные были невелики, всего три фута в холке, но очень крепкие, и, объятые паникой, вполне могли бы растоптать Дзирта.

Уже почти выбравшись из гущи ревущего стада, Дзирт заметил за одним из животных сапоги. Почти не раздумывая, он толкнул животное плечом, оно упало и заскользило по покатоному склону на прятавшегося там врага. Одновременно Дзирт высоко поднял одну саблю, отражая занесенный над ним меч, а второй сделал низкий выпад прямо под брюхом животного, но солдат отскочил, и лезвие его не достало.

Дзирт подобрал ноги и изо всех сил оттолкнулся от земли, используя уклон почвы. Животное между тем поднялось и поскакало в сторону, прямо на солдата. Однако тот ловко перескочил через его спину и перевернулся в воздухе, чтобы стать лицом к лицу с противником. Но Дзирта уже нигде не было видно.

Сбоку слышалось испуганное блеяние, сразу же вслед за этим сверкнули кривые клинки, и на солдата обрушился Дзирт. Ошеломленный солдат скрестил перед собой оба меча и круто развернулся, едва успев отразить удар. При этом он оступился, но мгновенно выпрямился и стал наступать, яростно размахивая оружием.

Дзирт быстро метнулся вправо, повыше, хоть и понимал, что тем самым подставляет спину под стрелы. Он тоже молниеносно работал клинками и внимательно следил за всеми движениями противника, прислушиваясь при этом к происходящему позади него.

Выпад мечом — но Сверкающий Клинок встретил удар и отвел оружие в сторону. Следующий выпад был почти параллелен первому, только чуть повыше, и Дзирт отразил его второй саблей, ударив наискосок и отклонив второй меч в ту же сторону.

Сзади слышался тихий свист.

Враг Дзирта уже злорадно ухмылялся, высоко подняв оба меча, но Дзирт взмахнул клинками снизу вверх, зацепив кривыми лезвиями оружие противника и увлекая его за

собой. Он сделал полный оборот вокруг своей оси, одновременно подняв сабли высоко над головой, и отступил на шаг в сторону.

Он очень надеялся, что лучник на холме не промахнется. Расчет оказался верен, его противник дернулся, пытаясь уклониться от летящей стрелы, и скривился от боли, когда она все же попала в цель.

Дзирт оттолкнул его, и дроу заскользил вниз по склону. Однако когда Дзирт снова бросился на него, солдат уже успел восстановить равновесие.

Кривая сабля снова и снова с громким лязгом ударялась о меч. Другим клинком Дзирт работал, целясь в живот противника.

Раненый дроу, несмотря на боль, уверенно отражал нападение, но нога у него уже занемела, и он постепенно отступал по наклонной поверхности. В пылу схватки он все же ухитрился быстро оглянуться и заметил каменный выступ у кромки почти отвесного обрыва футов в двадцать. Он решил двигаться к этому выступу, рассчитывая опереться о него спиной. Вниз с холма бежали его товарищи; через несколько секунд они уже будут рядом.

Но все случилось гораздо быстрее.

Сабли Дзирта мелькали в молниеносной последовательности, отбивая удары стальных мечей и неуклонно тесня противника вниз. Почти у самого обрыва Дзирт сделал одновременный параллельный выпад саблями, разведя в стороны острия вражеских клинков, потом сам подался вперед, навалился на противника грудью, нарушив его равновесие. Дроу тяжело упал на каменный утес и ударился головой. Ожидая, что этот коварный предатель Дзирт До'Урден сейчас занесет над ним лезвие, он сполз на мох.

Но у Дзирта не было ни времени, ни желания добивать врага. Солдат еще падал, а он уже перемахнул через край и прыгнул вниз, надеясь, что под обрывом растет мох, а не лежат грудой скальные обломки.

С громким всплеском он приземлился в грязь, подвернув при этом ногу, и сделал кувырок. Выбравшись из грязи, он побежал так быстро, как только мог, петляя между сталагмитами и стараясь держаться к ним поближе, поскольку подозревал, что лучники уже на краю обрыва.

Но, заметив темную фигуру, приближавшуюся из-за сталагмитов с другой стороны, он понял, что окружен со всех сторон. Дзирт шагнул за один из столбов, но не обогнул его, а изменил направление, чтобы столкнуться с новым противником лицом к лицу. Затем он бросился за другой сталагмит, падая на колени, и сделал низкий выпад, думая, что враг прячется позади столба.

Однако Сверкающий лязгнул по стали меча. Дзирту не удалось полностью использовать преимущество внезапности, но все же частично его расчет оказался верен, потому что второй меч солдата был занесен для удара высоко над головой. Дзирт оказался более проворным, чем его противник, и выбросил вторую саблю вверх, ранив дроу острием в брюшину. Из своей позиции он не мог всадить клинок глубоко, но все же противник был выведен из строя и отшатнулся назад.

Но рядом с первым солдатом тут же возник второй и стремительно обрушился на коленопреклоненного Дзирта, бешено рубя его мечами.

Дзирт не был изрезан в куски только благодаря своему предельно обострившемуся чутью, он машинально работал саблями над головой, скорее угадывая, чем видя движения противника. Теперь он потерял выигрышное положение, и ему пришлось, используя свойственные дроу способности, опустить на себя и своего врага шар непроглядной тьмы.

Звон стали не умолкал, клинки сталкивались, но оба соперника получили лишь легкие царапины. Дзирт зарычал и удвоил усилия, отражая удары и делая выпады, но по-прежнему размахивая саблями у себя над головой. Наконец ему удалось слегка потеснить врага, перенести вес тела вперед и подобрать одну ногу.

Но соперник в ответ обрушил на него яростный двойной удар мечами — и едва не полетел головой вперед, разрубив воздух. Он сразу же стремительно обернулся, выставив перед собой клинки, и чуть не выронил их оба, с размаху ударив лезвиями о сталагмитовый

столб, потому что в пылу битвы позабыл его расположение.

Этот дроу много слышал о боевых подвигах Дзирта До'Урдена и сразу понял, чем может грозить ему собственная ошибка.

Взгромоздившийся на округлый выступ сталагмита Дзирт при звуке ожидаемого удара металла о камень вздрогнул, но радости не испытал. Голубого сияния Сверкающего, в следующий миг разрезавшего тьму, видно не было.

Спустя мгновение он уже бежал прочь. Нога болела, но он все же мог опираться на нее. Дзирт пересек овраг и помчался по уступу, тянувшемуся к удаленной восточной части острова. Там была бухта. Дзирту казалось, что это не очень далеко, и если он только сможет туда добраться, то бросится в воду. К черту все сказки о живущих в озере чудищах; вокруг живые враги из плоти и крови!

* * *

Над тихими темными водами Донигартена разносились непрекращающиеся звуки боя. Укрывшись за ножкой громадного гриба, Кэтти-бри вызвала Гвенвивар и, едва серый туман принял отчетливые очертания, помчалась вперед.

Очутившись у озера, она не пошла к нескольким темным эльфам неподалеку, поскольку все же сомневалась в своем обличье, а вместо этого жестом подозвала орка. Девушка указала ему на лодку, стараясь объяснить, что ей требуется попасть на остров. Но орк отвернулся от нее и собрался уйти, казалось, он перепугался или, по меньшей мере, растерялся.

Кэтти-бри ударила его по затылку. Орк совсем струхнул, повернулся и боязливо поглядел на нее. Девушка пихнула его к маленькой лодке. На этот раз раб понял, что от него требуется, и взялся за весло.

Но рядом с самой Кэтти-бри внезапно вырос дроу и крепко схватил ее за локоть, мешая сесть в лодку.

Она свирепо взглянула на него и снова издала нечленораздельный рык, надеясь, что и от этого отделается так же легко. Но, видно, не на того напала. В свободной руке, в опасной близости от ее груди, мужчина держал кинжал.

— Уходи! — потребовал он. — Это приказ Брегана Д'эрт!

Кэтти-бри, естественно, не поняла ни слова, но дроу был озадачен не меньше нее, когда краем глаза увидел нечто огромное и черное, навалившееся на него сверху. В следующий миг он с громким всплеском упал в воду далеко от берега.

Кэтти-бри сердито повернулась к орку, который притворился, что ничего не видел, и стал лихорадочно работать веслом. Девушка с тревогой посмотрела назад, на берег, переживая, что теперь пантере придется плыть до самого острова.

Но тут впереди лодки раздался плеск страшной силы, и от поднятой волны лодка чуть было не перевернулась. Гвенвивар плыла первой.

Этого перепуганный орк уже не выдержал. Бедняга взвизгнул, прыгнул в воду и отчаянно поплыл обратно. Кэтти-бри подхватила весло и стала грести сама, больше не оглядываясь назад.

* * *

Дзирт бежал по уступу и слышал свист стрел маленьких арбалетов над головой и за спиной. К счастью, дроу находились за оврагом, у самого подножия холма, а ручные арбалеты не были рассчитаны на такие большие расстояния.

На бегу Дзирт без особого удивления заметил, что его тело засветилось сиреневым пламенем. Оно не обжигало, зато делало его отчетливо видимым для врагов.

Почувствовав жгущую боль в левом плече, Дзирт быстро выдернул крошечный дротик.

Ранка была неглубокой, от серьезного ранения дроу предохранила прекрасно сделанная дворфами мифриловая кольчуга. Он не стал останавливаться и продолжал бежать, надеясь, что отравы не успела глубоко проникнуть в кровь.

Уступ вел направо, и Дзирту пришлось повернуться спиной к врагам. Теперь его было еще легче ранить, но почти сразу он понял, что резкий поворот сослужил ему хорошую службу, поскольку расстояние между ним и преследователями увеличилось. Стрелы сыпались рядом, но вскоре уступ сделал еще один поворот, в обратную сторону, огибая подножие другого холма.

Справа, футах в десяти внизу, открылись тихие воды Донигартена. Дзирт подумал было сунуть сабли в ножны и прыгнуть в воду прямо здесь, но вовремя заметил, что из воды торчит множество острых камней.

С правой стороны уступ был ничем не защищен и круто обрывался вниз, и там торчало несколько больших сталагмитов. Слева был склон холма, заслонявший дроу от оставшихся далеко лучников. Но зато новые враги были близко. За небольшим изгибом уступа скрывалась ложбина, там-то и затаился противник.

Размахивая мечом и длинным кинжалом, на дорогу прямо перед Дзиртом выскочил солдат.

Одной саблей До'Урден тут же отбросил в сторону вражеский меч и сделал выпад Сверкающим Клинком, предчувствуя, что другим мечом противник перехватит удар. Когда лезвия столкнулись, Дзирт широким движением отвел кинжал далеко в сторону, высоко поднял колено и ударил дроу в живот.

Потом быстро свел руки вместе, ударив врага рукоятями сабель по лицу. Он тут же отдернул клинки, опасаясь, что его ткнут мечом или кинжалом, но дроу было не до ответного хода. Он упал наземь без сознания, Дзирт перескочил через него и побежал дальше.

Пробудившийся звериный инстинкт подсказывал ему, что впереди еще не один враг. Дзирт вновь становился охотником, воплощением дикой страстной ярости.

Из-за сталагмита выскочил темный эльф; Дзирт упал на колено и хотел нанести удар с поворотом, решив применить тот же прием, что он использовал против дроу у двери грибного дома.

Однако на этот раз враг оказался расторопнее и успел опустить меч и заблокировать выпад.

Но охотник внутри Дзирта предвидел, что противник так и поступит. Поэтому, повернувшись на одной ноге, высоко подняв вторую и ударив оторопевшего противника под челюсть, Дзирт скинул того с края уступа. Несколькими футами ниже дроу, правда, удалось зацепиться руками. Голова его гудела от удара, к тому же он был совершенно уверен, что этот берсерк с яростно горящими лиловыми глазами сию же минуту прикончит его.

Но охотник уже умчался дальше, вперед, к свободе.

На тропинке прямо перед Дзиртом возник еще один дроу, этот вытянул вперед руку, как будто целился из ручного арбалета.

Но дикий зверь оказался быстрее стрелы, его вели инстинкты, и Сверкающий Клинок перехватил стрелу.

В следующую секунду Дзирт подскочил к дроу, но тому на помощь из-за ближайшего сталагмита выскочил еще один. Они вдвоем выступили против Дзирта, стремительно работая клинками, уверенные, что численное преимущество позволит им победить. Но они не понимали, что перед ними высшее воплощение воина. Зато это прекрасно понимал Артемис Энтрери, следивший красными глазами за ходом боя из ложины неподалеку.

Часть четвертая В ПАУТИНЕ

Одна из религиозных сект верит в то, что главных человеческих грехов — семь, и первый из них — гордыня. Размышляя об этом, я всегда представлял себе надменных королей, объявлявших себя богами или, по крайней мере, внушавших своим подданным, что разговаривают с божествами, давая понять таким образом, что их власть ниспослана свыше.

Но это только одно из проявлений этого смертного греха. Вовсе не обязательно быть королем, чтобы пасть жертвой гордыни. Монтолио Де Бруши, мой наставник, когда-то предостерегал меня, но его уроки касались личной гордости.

— Кажется, что путь странника одинок, но друзья всегда рядом, — говаривал этот мудрый человек. — Странник знает мир вокруг и знает, где можно найти друзей.

На взгляд Монтолио, гордость равносильна слепоте, она затуманивает интуицию и разум, она убивает доверие. Возгордившийся человек всегда одинок, он никогда не найдет друзей.

Когда паутина Мензоберранзана окутала меня, я понял свою ошибку, увидел свое высокомерие. Неужели я стал так высоко ставить себя и свои способности, что забыл о товарищах, благодаря которым, собственно, и смог дожить до этого дня? Я был в ярости из-за смерти Вульфгара, я боялся за Кэтти-бри, Бренора и Реджиса, но мне даже и в голову не приходила мысль, что мои друзья и сами могут позаботиться о себе. Я решил, что во всех наших бедах виноват только я один и что я сам обязан все исправить, несмотря на то, что одному человеку сделать это не под силу. Я решил отправиться в Мензоберранзан, докопаться до правды и предотвратить опасность, даже если мне для этого придется расстаться с жизнью.

Ну и глупец же я был!

Гордость нашептывала мне, что в смерти Вульфгара повинен я; она настаивала, что именно я должен исправить зло. Только высокомерие помешало мне поговорить начистоту с моим другом, королем дворфов, а ведь он вполне может собрать силы, способные отразить любое нападение дроу.

На уступе Скотного острова я вдруг понял, что должен буду дорого заплатить за свою гордыню; а позже узнал, что и моим близким тоже придется за нее расплачиваться.

Внезапно осознав, что причина утрат и боли — твое собственное высокомерие, падаешь духом. Гордость призывает тебя воспарить на вершину личной славы, но ветер там сильнее и стоять труднее. А потом следует падение.

Дзирт До'Урден

Глава 18

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ

У пристани на острове она заметила темного эльфа, делавшего ей знаки повернуть назад. Похоже, он был один.

Кэтти-бри вскинула Тулмарил и спустила тетиву. Стрела, как молния, прорезала тьму, попала дроу в грудь и отбросила его на десяток футов назад. Минутой позже Кэтти-бри и Гвенвивар ступили на берег. Девушка погладила медальон и хотела приказать Гвенвивар обойти остров кругом, но пантера и сама уже почувствовала близость хозяина и помчалась в глубь острова. Девушка изо всех сил старалась не отставать, но как только кошка, вырывая когтистыми лапами комья влажного дерна, завернула за ближайший холм, Кэтти-бри потеряла ее из виду.

Услышав испуганный крик, отважная дочь Бренора бросилась за Гвенвивар и увидела солдата-дроу, смотревшего в другую сторону, очевидно провожая взглядом пронесшуюся мимо пантеру. Он уже поднял руку, готовясь выстрелить из арбалета.

Кэтти-бри на бегу спустила тетиву, но стрела прошла над головой солдата, оставив след на скале. Дроу тут же обернулся и выстрелил в ответ, но маленький дротик вонзился в

мох, не задев бегущую зигзагами женщину.

Быстро приладив новую стрелу, Кэтти-бри выстрелила снова, но только пробила большую дыру в пивафви дроу, так как тот успел отшатнуться в сторону. Он упал на колени, тоже наложил стрелу и немедленно вскинул оружие.

Кэтти-бри снова спустила тетиву; на этот раз стрела пробила арбалет, отсекала запястье дроу и глубоко вошла в грудь.

Девушка вышла из поединка победительницей, но потеряла драгоценное время. Не зная, что делать дальше, она снова схватилась за медальон и только потом пустилась бежать.

* * *

Атаки его опытных противников вскоре стали размеренными. Дзирт отбивал каждый удар и время от времени делал удачный выпад. Теперь у одного из дроу остался только меч, а другую руку, сжимавшую кинжал, он прижал к телу: из кривого пореза, оставленного саблей, струей била кровь.

Дзирт чувствовал себя все увереннее. Он спрашивал себя, сколько же еще врагов осталось на острове, и понемногу начал верить, что сможет всех их победить.

Но когда он услышал позади себя громогласный рев, у него кровь застыла в жилах. Он решил, что какое-то чудовище спешит на помощь темным эльфам. Раненый дроу перед ним широко раскрыл глаза от ужаса и начал пятиться назад, но это было слабое утешение. Большинство союзников дроу были существами хаоса, силы невероятной, но совершенно непредсказуемой. Если они действительно призвали какого-то монстра, его первой жертвой окажется Дзирт, стоящий к нему ближе всех.

Пятившийся дроу повернулся и помчался со всех ног по уступу, а Дзирт воспользовался его бегством и обернулся.

Мимо, вслед за спасавшимся бегством врагом, пронеслась громадная черная кошка. На мгновение Дзирт подумал, что у кого-то из темных эльфов есть похожая статуэтка, с чьей помощью можно вызвать пантеру, напоминающую Гвенвивар. Но сердцем он чувствовал, что это была его Гвенвивар!

Его радость быстро сменилась замешательством. Дзирт сначала решил, что пантеру вызвали в Мифрил Халле и она прибежала по его следу. Но это предположение было нелепым, поскольку Гвенвивар не могла подолгу оставаться на материальном уровне и не смогла бы проделать весь путь от дворфских чертогов до Мензоберранзана. Кто-то должен был принести фигурку сюда.

Задумавшись, Дзирт пропустил новый вражеский выпад, острие меча вошло между кольцами кольчуги и укололо его грудь. Потерявший было бдительность воин сразу очнулся, напомнив себе, что всему свое время.

Он бросился на противника, крутясь и делая неуловимые движения саблями, нападая, казалось, сразу со всех сторон. Но солдат-дроу тоже был умелым воином, он удачно отбил все выпады и даже успел ударить Дзирта по ноге, когда тот попытался пнуть его в колено.

«Спокойно», — сказал себе Дзирт, но с появлением Гвенвивар и множества вопросов одновременно успокоиться было не так-то легко.

* * *

Бегущий дроу обернулся: пантера мчалась за ним по пятам. Тогда он зацепился рукой за тонкий сталагмит, росший на берегу, оттолкнулся от уступа и по спирали съехал вниз, в мутную воду. Там он снова вскочил на ноги и попытался нашарить оброненный меч, но Гвенвивар бросилась на него сверху, и солдат скрылся под водой.

Он отчаянно отбивался, но челюсти пантеры сомкнулись на его судорожно вытянутой шее и медленно сжались. Хоть голова солдата и осталась над водой, но снова сделать вдох ему было не суждено.

Гвенвивар бросила его, повернулась и взмыла вверх. До уступа было всего десять футов, но пантера до него не долетела. Вокруг нее появились какие-то радужные пузыри, кошка растерянно зарычала и повернула голову, но, прежде чем она смогла что-то сделать, пузыри разом лопнули и пантеру осыпало мириадами мельчайших частичек.

Гвенвивар снова подпрыгнула, но ей показалось, что уступ становится все дальше и дальше. Поняв природу этих частичек, насильно тянувших ее обратно домой, кошка снова издала протестующий рык.

Но он скоро смолк, и слышны были только тихие звуки мерно бившихся о берег слабых волн да звон оружия наверху.

Джарлак оперся спиной о каменный склон, размышляя над новыми обстоятельствами. Металлический свисток, бесценную волшебную безделушку, с помощью которой он отозвал опасную пантеру, наемник спрятал подальше. Потом лениво поднял ногу, чтобы соскрести грязь с сапога, и с любопытством посмотрел вверх, откуда доносился шум сражения. Он не сомневался, что скоро Дзирта До'Урдена схватят.

* * *

Кэтти-бри не могла выбраться из оврага. На ее пути за сталагмитами укрылись два темных эльфа; еще один, с ручным арбалетом, прятался у подножия холма по левую руку. Она всем телом прижалась к сталагмиту, за которым скрывалась, но защищенной себя все равно не чувствовала, потому что стрелы летали повсюду, рикошетом отскакивая от каменных столбов. Время от времени ей удавалось сделать выстрел, но враги были в надежном укрытии, и ее стрелы только высекали искры из камня.

Один крошечный дротик угодил ей в колено; еще один пролетел над головой, и ей пришлось согнуться так, что она не могла больше вскинуть лук. Теперь Кэтти-бри по-настоящему испугалась, решив, что проиграла. Нечего и надеяться в одиночку победить троих опытных и хорошо-вооруженных солдат.

Еще одна маленькая стрела угодила ей в сапог, но не пробила его насквозь. Девушка сделала глубокий вдох. Она упрямо убеждала себя в том, что надо попробовать отыгаться, что нет никакого толку сидеть тут, скрючившись, и ждать, когда погибнет она сама и... Дзирт.

Мысль о друге придавала ей смелости, и она извернулась, чтобы выстрелить. Но, спуская тетиву, Кэтти-бри выругалась, потому что ее противников нигде не было видно.

Но так ли уж хорошо они спрятались? Кэтти-бри ползком пробралась к дальним сталагмитам, росшим тесной группкой, насколько возможно увеличив расстояние между собой и стрелком у подножия холма. Теперь ничто не защищало ее от выстрелов солдат впереди, если только они отважатся выглянуть и выстрелить.

Тетива Тулмарила напряженно звенела, пока девушка без конца выпускала стрелы. Она не видела эльфов, в которых метила, и стреляла в оба сталагмита, так что стрелы рассыпались во все стороны. Летели искры, со свистом отскакивали осколки камня.

Лишенные возможности ответить на выстрелы, дроу не выдержали, выскочили из укрытия и помчались вниз по оврагу. Кэтти-бри попала одному в спину и наложила вторую стрелу.

Но тут она почувствовала болезненный укол в бок, обернулась и увидела, что в каких-то десяти футах от нее с довольной улыбкой стоит другой солдат-дроу, держа перед собой ручной арбалет.

Кэтти-бри вскинула лук. Дроу закричал от ужаса, и девушка всадила стрелу прямо ему в лицо. Он перевернулся вверх тормашками и полетел назад.

Девушка взглянула на кровоточившую ранку. Скривившись, она выдернула маленькую стрелу, вскочила на ноги и осмотрелась. Она не знала, был ли этот последний дроу тем самым, что стоял у подножия холма, но зато почувствовала, как отравы постепенно распространяется по ее телу, и поняла, что оставаться ждать, пока появятся другие враги,

недопустимо. Она начала решительно взбираться по неровному склону оврага, вскоре выбралась на уступ и заковыляла по нему прочь, с трудом удерживая равновесие и борясь с туманом, застилавшим глаза.

* * *

Сверкающим Клинком Дзирт подцепил меч противника и широким движением вывернул его, так что оба клинка описали большой круг. Враг попытался ранить дроу-отступника, воспользовавшись образовавшейся брешью в защите, но Дзирт отбил меч второй саблей. Он развел клинки противника широко, один высоко, другой низко, и теперь сам сделал выпад в его незащищенный живот, так что тому пришлось отступить, едва не потеряв равновесие. Дзирт был проворнее своего врага и продолжал удерживать его оружие на расстоянии, так что преимущество оставалось на стороне благородного эльфа.

Враг напряг мускулы, пытаясь свести руки, но именно этого хитроумный воин и ожидал.

Почувствовав, что противник сильнее давит на его клинок, он резко дернул его вверх, меч и сабля мелькнули перед его глазами, в следующий миг он вывернул саблю, размахнулся и с силой ударил по мечу солдата-дроу с другой стороны. Тот уже и так потерял равновесие, когда Сверкающий, на который он с такой силой налег, внезапно выскользнул, и теперь солдат не удержался и подался всем телом в сторону вслед за отбитым мечом. Он попытался защититься вторым мечом, но Дзирт сделал молниеносный выпад и глубоко всадил лезвие ему сбоку.

Враг упал, выпустив из руки меч.

Дзирт услышал, что его кто-то окликнул; потом последовал тяжелый удар по плечу, и он стукнулся о каменный склон. Дзирт тут же обернулся, выставив перед собой сабли.

Энтрери! Дзирт открыл рот, забыв о том, что надо защищаться.

* * *

Кэтти-бри заметила Дзирта на уступе, увидела, как его противник упал, судорожно схватившись за бок. Потом она увидела, как новый враг выскочил из трещины и бросился к ее другу. Девушка закричала. Она вскинула лук, но выстрелить побоялась, опасаясь, что стрела, пройдя неприятеля насквозь, попадет в Дзирта. К тому же у нее закружилась голова — усыпляющая отравка действовала быстро.

Держа Тулмарил наготове, она пошла вперед, но какие-то пятьдесят футов, отделявшие ее от Дзирта, показались ей сотней долгих миль.

* * *

Меч Энтрери полыхал зеленым пламенем, так что сомнений не оставалось — это действительно был он. Но как такое могло случиться? Ведь Дзирт победил его и оставил на верную смерть в продуваемом всеми ветрами ущелье неподалеку от Мифрил Халла.

Очевидно, кто-то не дал ему умереть.

Два страшных удара мечом последовали один за другим, один предназначался в бедро Дзирту, другим Энтрери чуть не рассек ему переносицу.

Дзирт отчаянно старался взять себя в руки и снова довериться своим ощущениям, но Энтрери теснил его, не давал ни доли секунды на раздумья, дико размахивая клинком и беспрестанно рыча. Он больно пнул дроу ногой в колено, и немедленно вслед за этим меч зеленой молнией метнулся вниз, высекая искры из скалы, так что Дзирт едва успел отшатнуться.

Раздраженно рыча, убийца развернулся вместе с дроу, широко замахнувшись кинжалом. Лязгнув, сабля Дзирта столкнулась с ним, и кинжал полетел в сторону, но

Энтрери ударил Дзирта кулаком в лицо.

За миг до этого удара дроу внезапно понял, что Энтрери просчитывает их схватку на шаг вперед, что он ожидал и даже хотел, чтобы Дзирт парировал его удары именно так, как он это сделал.

Ошеломленный, воин невольно отступил, и только тонкий сталагмит удержал его от падения с обрыва. Энтрери был тут как тут. Взметнулся фонтан голубых и зеленых искр, сопровождаемый звоном стали, и грубым ударом Энтрери выбил Сверкающий Клинок из руки дроу.

Дзирт парировал следующий удар второй саблей и хотел было нагнуться, чтобы подобрать оружие, но Энтрери присел и ногой толкнул Сверкающий с уступа.

Дзирт сделал выпад снизу, но убийца легко отразил его и нанес Дзирту новый сильный удар в живот. И тут же вскочил, круговым движением убирая меч и увлекая за ним саблю дроу. Это было похоже на игру в шахматы, причем Энтрери играл белыми, и преимущество было на его стороне. Отведя в сторону свой клинок и клинок противника, разъяренный убийца навалился на Дзирта, с размаху ударил его в лицо, отчего дроу сильно стукнулся головой о камень. Меч Энтрери парировал выпады сабли, сначала в сторону, потом еще, вверх, и Дзирт, стоя с поднятой рукой и незащищенным телом, вдруг ясно осознал, что обречен. Он быстро повернулся, и меч полоснул его наискось, разрезал одежду и со скрежетом проехал по кольчуге, оставив глубокий порез вдоль подмышки.

В следующий миг Дзирт сорвался с уступа и полетел вниз, в воду.

Энтрери инстинктивно пригнулся и сделал кувырок, краем глаза заметив какую-то вспышку. Плащ накрыл его широкими складками, серебряная стрела прошла насквозь и полетела дальше вдоль уступа, а Энтрери так и остался распростертым на камне. Ему удалось вытянуть руку и почти коснуться пальцами упавшего кинжала.

— Дзирт! — закричала Кэтти-бри, разом забыв о своей слабости, когда увидела, как сорвался вниз ее друг. Вытащив меч, девушка прибавила шагу, не зная, прикончить ли сперва убийцу или броситься к Дзирту.

Подойдя ближе, она свернула за сталагмит и поняла, что выбора у нее нет, потому что Энтрери вскочил на ноги, — видимо, он даже не был ранен. Совершенно ясно, что стрела всего лишь пробила дырку в его плаще.

Кэтти-бри, борясь с усталостью, сжала зубы, отбила первый выпад Энтрери и потянулась к драгоценному кинжалу, висящему в ножнах у нее на поясе. Но ее движения были недостаточно быстрыми, потому что зелье начинало подавлять недавний всплеск энергии, и, когда она сомкнула пальцы на рукояти кинжала, ее меч отлетел в сторону, и в тыльную сторону ее ладони уперлось стальное острие.

Энтрери уже высоко поднял меч.

Кэтти-бри поняла, что это конец, и все поплыло перед ее глазами. Последнее, что она чувствовала, это холод стального меча, вспоровшего нежную кожу на ее шее.

Глава 19 ЛОЖНАЯ ГОРДОСТЬ

Он жив, внимательно осмотрев упавшего дроу, просигналил солдат Джарлаксу.

Главарь наемников сделал ему знак перевернуть Дзирта, чтобы его голова показалась из воды. Джарлакс посмотрел на ту сторону озера, понимая, что звуки битвы, плывя над тихой водой, были отчетливо слышны на другом берегу. Он видел, что с берега взмывают и летят к ним бледно-голубые светящиеся диски, летающие сгустки энергии, на которых обычно Матери Домов перемещались по городу. Джарлакс знал, что на них сидят солдаты Дома Бэнр.

Оставьте его, знаками приказал он подчиненным, *вещи и оружие тоже не трогайте*. Но, немного поразмыслив, он снова извлек свой свисток и дунул в него, повернувшись к Дзирту. Раздался очень высокий звук. Посредством двомера свистка он ясно увидел, что

кольчуга дроу зачарована и сделана не хуже тех, что изготавливали темные эльфы; увидев же силу чар, наложенных на Сверкающий Клинок, Джарлак только с сожалением вздохнул. Он бы с удовольствием добавил саблю к своему арсеналу, но в Мензоберранзане почти всем было известно, что Дзирт До'Урден сражается двумя саблями, и если одна из них пропадет, Джарлакса точно ждут неприятности от Матери Бэнр.

Больше никаких волшебных вещей при Дзирте не было, за исключением одной безделушки, которая немедленно привлекла внимание наемника. Наложённое на нее заклинание было очень сильным, она светилась теми же оттенками, что и наиболее ценные экземпляры из коллекции Джарлакса, не раз служившие ему хорошую службу.

Солдат, перевернувший до сих пор бывшего без сознания Дзирта так, чтобы его лицо оказалось над грязной водой, направился было к главарю, но тот его остановил.

Забери подвеску, быстро показал знаками Джарлак.

Солдат развернулся и, похоже, только сейчас увидел приближающиеся диски.

Бэнр? — спросил он у своего командира.

Они за добычей, уверенно ответил Джарлак на языке жестов. *Так что Мать Бэнр будет знать, кто доставил к ней Дзирта До'Урдена.*

* * *

Энтрери совершенно не интересовало, что за женщину он собирался убить на этот раз. Он работал на Бреган Д'эрт, а эта девка посмела вмешаться и стала такой же свидетельницей, как и та, в грибном доме.

Но вдруг он мельком заметил нечто, что заставило его приостановиться: у нее на поясе висел знакомый кинжал, усыпанный самоцветами.

Энтрери пристально всмотрелся в женщину, держа у ее горла меч, под острием которого выступило несколько капель крови. Он ловко переместил клинок и разглядел на гладкой коже женщины еле заметный валик.

— Зачем ты здесь? — почти не дыша, спросил ошеломленный Энтрери. Он был уверен, что она пришла не вместе с Дзиртом, иначе советник Фербл из Блингденстоуна наверняка бы упомянул о ней. По крайней мере, Джарлак-то уж точно знал бы!

И тем не менее эта на удивление находчивая женщина стояла перед ним.

Энтрери осторожно поддел кончиком меча небольшой выступ под ее подбородком и снял волшебную маску.

Кэтти-бри отчаянно старалась не дать безудержно растущему страху взять над ней верх. Но все было так похоже на тот первый раз, когда она оказалась пленницей Артемиса Энтрери; убийца вызывал в ней почти иррациональный ужас такой силы, какой ни чудовища, ни драконы, ни обитатели Тартара пробудить в ней не могли.

И вот он опять перед ней, он почему-то жив, а к ее шее снова приставлен клинок.

«Какая неожиданная удача», — решил про себя Энтрери и издал тихий злобный смешок, словно раздумывая, как выгоднее для себя использовать свою пленницу.

Кэтти-бри пришла в голову шальная мысль броситься к обрыву и прыгнуть вниз, — пожалуй, она бы решилась, даже если бы скала была высотой в тысячу футов. Мурашки пробежали по ее спине, а на лбу выступил холодный пот.

— Нет, — наконец пробормотала она, и Энтрери удивленно поднял брови.

— Нет? — переспросил он, не поняв, что это был ответ на ее собственные мысли.

Кэтти-бри холодно посмотрела на него.

— Так, значит, ты выжил, — безразлично заметила она. — А теперь вот пришел жить к таким же, как ты.

По гримасе убийцы она поняла, что замечание ему неприятно. Словно подтверждая это, он с силой ударил ее эфесом, и на щеке девушки появилась ссадина, а из носа потекла кровь.

Кэтти-бри отшатнулась, но сразу же снова стала прямо. На этот раз она ни за что не покажет Энтрери, что боится.

— Я тебя убью, — прошептал он. — Медленно.

Девушка рассмеялась ему в лицо.

— Давай, — подзадорила она его. — Конечно, тебе хочется избавиться от меня, особенно потому, что я могу подтвердить, что Дзирт сильнее тебя.

Энтрери, внезапно разъярившись, чуть не проткнул ее насквозь.

— Был, — все же поправил он, злорадно посмотрев на край обрыва.

— Я видела, как вы оба падали, и не раз, — произнесла Кэтти-бри, стараясь, чтобы ее слова прозвучали настолько уверенно, насколько было возможно в этот черный миг. — И ни одного из вас я не соглашусь признать мертвым, пока сама не потрогаю холодный труп!

— Дзирт жив, — слышался шепот сзади; говоривший произнес эти слова на безупречном языке поверхности, и к Энтрери подошли Джарлак и два солдата банды. Один из них задержался, чтобы прикончить извивавшегося раненого дроу.

Не в силах совладать со своей злобой, Энтрери развернулся к Кэтти-бри, но она подняла занемевшую руку и подставила кулак, слегка отклонив удар.

Джарлак сразу же встал между ними, с неподдельным интересом разглядывая девушку.

— Какая удача, клянусь пауком, благословенным Ллос, — произнес он, похлопав Кэтти-бри по опухшей щеке.

— Бэнры приближаются, — на языке дроу заметил солдат позади Джарлакса.

— В самом деле, — с отсутствующим видом ответил главарь на языке поверхности. Похоже, его мысли полностью поглощала необычная женщина, стоявшая перед ним. — Надо идти.

Кэтти-бри расправила плечи, ожидая, что сейчас последует смертельный удар. Но вместо этого Джарлак поднял руку и снял с ее головы волшебную диадему, без которой девушка все равно что ослепла. Она не сопротивлялась, когда у нее забрали Тулмарил и колчан, потом кто-то, очевидно Энтрери, грубо выдернул кинжал из ножен на ее поясе.

Чужая рука сильно, но поразительно мягко сжала ее плечо и потянула прочь — прочь от лежавшего внизу Дзирта.

* * *

«Опять попался», — думал Дзирт, но он знал, что сейчас его не ждет такой теплый прием, как в Блингденстоуне. Он сам запутался в паутине и стал лакомым кусочком на обеденном столе.

Дзирт был прикован кандалами к стене, тяжело висая на саднящих запястьях и слегка касаясь пола носками. Он не помнил, как попал сюда, не знал, сколько уже находился в темной грязной комнате, только оба запястья невыносимо болели и в инфракрасном спектре буквально излучали жар, как будто кожа на них была содрана начисто. Левое плечо тоже болело, а наискосок, через ключицу и подмышку, где Энтрери полоснул его мечом, кожа болезненно пульсировала.

Однако кто-то, какая-нибудь из жриц, видимо, обработала и залечила раны, потому что они были сейчас в лучшем состоянии, чем когда он бросился вниз с обрыва. Это, однако, не придало Дзирту бодрости, потому что ему было отлично известно, что все несчастные, которых приносили в жертву Паучьей Королеве, перед церемонией отличались цветущим здоровьем.

Но все же, преодолевая боль и беспомощность, воин старался успокоиться. Ведь, в сущности, он с самого начала знал, что этим все и кончится, что его схватят и убьют, но зато его друзья в Мифрил Халле смогут спать спокойно. Он давно смирился с возможностью такого исхода и мысленно принял смерть в момент, когда покинул пределы Мифрил Халла. Тогда почему же ему так тревожно?

Эта вполне заурядная комната была обычной камерой с вделанными в каменные стены кандалами и свисавшей из-под потолка клеткой. Однако осмотреться получше Дзирт не

успел, потому что в этот момент гроыхнула обитая железом дверь и в пещеру вошли двое солдат-женщин, одетых в форму, и стали навтыжку по обеим сторонам двери.

Дзирт стиснул зубы, готовясь принять смерть достойно.

В проеме показался иллид!

Дзирт невольно открыл рот, но быстро справился с собой. Прорицатель сознания? В это было невозможно поверить, но, немного поразмыслив, он понял, что тварь, должно быть, живет в доме Бэнр. Ничего хорошего это не сулило ни ему, ни его друзьям.

За иллидом вошли две жрицы-дроу, одна маленькая и злобная, с резкими чертами лица и сжатыми в гримасе вечного недовольства губами, другая — повыше, державшаяся горделиво, но от этого не более привлекательная. За ними следовала сама живая легенда, непринужденно сидевшая на летающем диске древняя старуха, сопровождаемая другой женщиной, почти точной копией самой Матери Бэнр, только помоложе и покрасивее. Замыкали процессию двое мужчин, воины, судя по их оружию и одежде.

Сияние, исходившее от диска, было достаточно ярким. Дзирт переключился на обычное зрение и сразу разглядел груды костей, лежавшую под другими кандалами.

Дзирт посмотрел на мужчин, вошедших последними, и задержал взгляд на младшем из них. Похоже, это был Бергиньон, его бывший одноклассник по Академии, второй ученик в классе — после Дзирта.

Все три женщины выстроились перед диском Матери Бэнр; мужчины остановились рядом со стражницами у двери. Дзирт с удивлением и нехорошим предчувствием наблюдал, как иллид медленно приблизился к нему. Его щупальца шевелились у самого лица дроу-отступника, дразня его и время от времени касаясь кожи. Однажды Дзирт видел, как такие же щупальца высасывали мозг у пленников, поэтому с трудом переносил близость мерзкой твари.

— Дзирт До'Урден, — произнесла вдруг Мать Бэнр.

Значит, ей известно его имя. Плохой знак. Ему снова стало мутно, но теперь он начал понимать отчето.

— Высоколобий дурак! — внезапно взорвалась старуха. — Сам явился в Мензоберранзан, зная, какая цена назначена за твою жалкую голову! — Она спустилась с диска, стремительно подошла к Дзирту и наотмашь ударила его по лицу. — Высоколобий, возгордившийся глупец! И ты смел надеяться на победу? Может, ты думал, что один такой жалкий недоумок, как ты, сможет разрушить то, что создавалось в течение пяти тысячелетий?

Дзирта изумила такая неожиданная вспышка, но он продолжал смотреть прямо перед собой, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Вдруг гневное выражение на лице Матери Бэнр сменилось кривой улыбочкой. Дзирт всегда терпеть не мог эту особенность своего народа. Своим непостоянством и непредсказуемостью дроу одинаково сбивали с толку и друзей, и врагов, и никогда нельзя было понять, относятся к тебе как к гостю или как к пленнику.

— Но гордыня больше не будет мучить тебя, Дзирт До'Урден, — хихикнув, продолжала старуха. — Познакомься с моей дочерью Бладен Керст Бэнр, второй после Триль. — Она указала на женщину в середине. — А это Вендес Бэнр, — продолжала она, показав в сторону самой низкорослой. — И Квентель. А там стоят мои сыновья — Дантраг и Бергиньон, последнего ты знаешь.

— Приветствую, — добродушно откликнулся Дзирт и даже смог улыбнуться при этом, но тут же получил пощечину от старухи.

— Шестеро Бэнров пришли взглянуть на тебя, Дзирт До'Урден, — гнула свое Мать Бэнр, и Дзирт подумал, неужели она не может не повторять его имя в каждом предложении. — Тебе это должно льстить, Дзирт До'Урден.

— Я бы заплодировал, — ответил пленник, — но... — И он бросил красноречивый взгляд на скованные руки, после чего, не моргнув глазом, перенес еще одну пощечину.

— Ты сам знаешь, что тебя отдадут Ллос, — заметила старуха.

— Тело — да, но душу — никогда, — ответил Дзирт, глядя ей прямо в глаза.

— Хорошо, — вкрадчиво пропела матрона. — Я тебе обещаю, что ты еще не скоро умрешь. Сначала ты расскажешь все, что мы хотим знать, Дзирт До'Урден.

Первый раз за все время разговора лицо пленника помрачнело.

— Давай я устрою ему пытку, Мать! — нетерпеливо вмешалась Вендес.

— Дук-Так! — сердито развернувшись к дочери, осадила ее Мать Бэнр.

— Дук-Так, — еле слышно повторил Дзирт, вспомнив это имя. На языке дроу «дук-так» означало «злобный палач». Еще это было домашнее прозвище одной из дочерей Бэнр — этой, как выяснилось, чьи произведения в виде тел темных эльфов, превращенных в черные статуи, регулярно выставлялись на всеобщее обозрение в Академии.

— Прекрасно, — пробормотал Дзирт.

— Ты слышал о моей дорогой доченьке? — поинтересовалась Мать Бэнр, снова обращаясь к пленнику. — Обещаю, Дзирт До'Урден, наступит и ее черед, но сначала ты выдашь мне нужные сведения.

Дзирт недоуменно посмотрел на покрытую морщинами старуху.

— Ты можешь вытерпеть любую муку, — сказала она, — в этом я даже не сомневаюсь, высоколобый ты дурак. — Она подняла сухую, обтянутую дряблой кожей руку и погладила подошедшего к ней иллитида. — А вот сможешь ли ты противостоять прорицателью сознания?

Кровь отлила от лица дроу. Когда он попал в плен к жестоким иллитидам, они своей могучей волей почти подчинили его разум, и тогда он в самом деле чувствовал себя беспомощным незадачливым глупцом. Выдержит ли он на этот раз?

— Ты думал положить всему конец, ты, заносчивый дурак? — взвизгнула старуха. — А сам стал добычей, тупой, надменный, высоколобый!

Дзирт почувствовал себя еще хуже. Пока Мать Бэнр продолжала говорить, каждым словом все глубже раня сердце Дзирта До'Урдена, ему все труднее было не выдать свой страх.

— Ты — только часть добычи, — говорила она. — И ты поможешь нам завоевать все остальное. Теперь, когда самый сильный союзник короля Бренора Боевого Топора не путается под ногами, завоевать Мифрил Халл будет значительно легче. И этот самый союзник откроет нам все слабые места дворфов. Метил! — позвала она, и иллитид подошел к Дзирту. Дроу закрыл глаза и почувствовал, как отвратительный урод шарит по его лицу всеми четырьмя отростками, как будто отыскивая какие-то особые точки.

Дико замотав головой, Дзирт закричал от ужаса и даже ухитрился укусить один из отростков. Иллитид отскочил назад.

— Дук-Так! — рявкнула старуха, и вперед поспешно вышла исполненная энтузиазма Вендес. Латунным кастетом она ударила Дзирта по щеке, потом еще и еще раз, явно упиваясь его болью.

— Он обязательно должен быть в сознании? — с мольбой в голосе спросила она.

— Достаточно! — приказала Мать Бэнр, но Дзирту показалось, что ее слова доносятся откуда-то издалека. Вендес ударила его еще раз, а потом по лицу пленника снова забегали мерзкие щупальца. Он попытался сопротивляться, попробовал дернуть головой, но не смог.

Щупальца цепко удерживали его голову; Дзирт почувствовал пульсацию проникавшей сквозь кожу чужой силы.

Следующие десять минут он бессознательно кричал, а иллитид тем временем ощупывал его разум, посылая страшные картины в его мозг и с легкостью сметая все ментальные заслоны, которые Дзирт пытался выставить. Дроу чувствовал себя нагим и совершенно беззащитным, как будто его вдруг лишили чувств и личных переживаний.

Но, хоть и не догадываясь об этом, он геройски выдержал истязание, и Метил, отойдя от него, повернулся к старухе и только повел плечами.

— Ну, что ты узнал? — нетерпеливо спросила она.

Крепкий орешек, телепатически ответил иллитид. *С первого раза не получилось.*

— Продолжай! — рывкнула Бэнр.
— Тогда он умрет завтра, — ответил Метил странным булькающим голосом.
Мать Бэнр ненадолго задумалась, потом посмотрела на Вендес и щелкнула пальцами, разрешая ей приступить к делу. Дук-Так с готовностью бросилась к пленнику.
Для Дзирта мир затянула черная пелена.

Глава 20 ЛИЧНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ

— А женщина? — нетерпеливо спросила Триль, меряя шагами пол в тайных покоях Джарлакса, расположенных в никому не известной пещере в стене Клорифты, гигантского разлома в северо-восточной части Мензоберранзана.

— Обезглавлена, — беззаботно ответил наемник. Он понимал, что Триль применяет свои магические способности, чтобы проверить, не лжет ли он, но наемник не сомневался, что легко обойдет все ее уловки. — Она была младшей дочерью одного из низших домов, так, мелкая знать.

Триль остановилась и вперила взгляд в вечно уходившего от прямых ответов наемника. Джарлакс прекрасно понимал, что Бэнр имеет в виду совсем другую женщину, а не бедняжку Харизу Хкар. Как и всех надсмотрщиков Скотного острова, Харизу убили согласно приказу, но к Триль как-то просочились сведения о неизвестной женщине и о загадочной черной кошке.

Но Джарлакс мог выдержать любой взгляд. Он удобно устроился за своим столом и даже откинулся в кресле, водрузив обутую в сапог ногу на стол.

Триль, вне себя от гнева, метнулась через всю комнату и сбросила его ногу на пол. Она тяжело нависла над столом и приблизила разъяренное лицо к самому носу наемника, склонившего голову набок. Откуда-то послышался слабый шорох, потом еще, и жрица поняла: за тайными дверями ожидают подчиненные, готовые в любой миг выскочить и стать на защиту главаря Бреган Д'эрт.

— Не эта женщина, — прошипела Триль, стараясь сохранять спокойствие. Ведь она была главой самой почитаемой школы Академии, старшей дочерью первого Дома, властной жрицей, наделенной милостью Ллос (по крайней мере пока), и, конечно, не боялась Джарлакса и его приспешников. Но зато она боялась гнева своей матери, если та вдруг узнает, что Триль была вынуждена убить столь полезного наемника... Даже если бы Триль стала зачинщиком тайной войны или хотя бы просто помешала благотворному сотрудничеству между Бреган Д'эрт и Домом Бэнр, ее мать все равно была бы вне себя.

И жрица прекрасно понимала, что Джарлакс знает, насколько она бессильна, и не сомневалась, что он будет использовать это преимущество на всю катушку.

Джарлакс вдруг напустил на себя нарочито серьезный вид, приподнял свою невозможную шляпу и провел ладонью по голому черепу.

— Дорогая Триль, — спокойно изрек он. — Я совершенно чистосердечно заявляю тебе, что никакой другой женщины-дроу не было ни на самом Скотном острове, ни в его окрестностях, если не считать солдат-женщин Дома Бэнр.

Закусив губу, Триль отошла от стола, не зная, что сказать. Она видела, что наемник не лжет, если только ему не удалось каким-то образом обезвредить ее чары.

— Если бы мы и обнаружили кого, я бы сразу же поставил тебя в известность. — Это замечание было заведомой ложью, которую тут же распознала Триль.

Наемник подавил улыбку. Он специально солгал, чтобы Триль не сомневалась, что ее заклинание действует. По недоуменному выражению на ее лице Джарлакс понял, что эту партию он выиграл.

— До меня дошли слухи о громадной пантере, — сделала еще одну попытку Триль.

— Да, исключительная кошка, — согласился Джарлакс. — Ее хозяин — Дзирт До'Урден, если я правильно помню историю этого отступника. Он взял Гвенвивар, так,

кажется, зовут зверя, у убитого им в поединке Мазоя Ган'етта.

— А я слышала, что пантера, эта Гвенвивар, была на Скотном острове, — нетерпеливо добавила Триль.

— И правда, — ответил наемник. Он вытащил из-под плаща металлический свисток и поднес его к глазам. — На острове-то она была, но потом растворилась легким туманом.

— А как ее вызвать, чем?

— Но, дорогая Триль, Дзирт у вас, — невозмутимо ответил Джарлак. — Ни я, ни кто-либо из моих ребят и не приближались к нему, разве что в бою. А если ты никогда не видала, как дерется Дзирт До'Урден, то, поверь мне на слово, у моих солдат были другие заботы, кроме как обыскивать его карманы!

Триль с подозрением посмотрела на него.

— Ах нет, один солдат все же подходил к предателю после того, как он упал, — поправился Джарлак, словно первоначально забыл о такой мелочи. — Но уверяю тебя, ни статуэтки, ни другого приспособления он у Дзирта не брал.

— И ни ты, ни твои подчиненные не находили ониксовой фигурки?

— Нет.

И снова наемник формально говорил правду, ведь Артемис Энтрери официально не был членом Бреган Д'эрт.

Благодаря магии Триль опять убедилась, что слова наемника правдивы. И хотя все донесения наперебой утверждали, что пантера была на острове, но волшебную статуэтку так никто и не нашел. Некоторые думали, что она могла выпасть, когда отступник летел с обрыва, и упасть в мутную воду. Правда, при помощи заклинаний обнаружить ее не удалось, но природа озера вполне могла объяснить неудачу. Хоть поверхность его и была спокойной, все знали, что в Донигартене множество сильных подводных течений, да к тому же еще водятся неизвестные животные.

И все же Джарлак не убедил Бэнр ни по поводу женщины, ни по поводу пантеры. Триль понимала, что придраться ей не к чему, но она столь же доверяла своим осведомителям, сколь не доверяла Джарлаксу.

Когда она заговорила снова, на лице надменной дочери Бэнр появилось расстроенное выражение, столь ей несвойственное, что наемник даже слегка растерялся.

— События развиваются, — внезапно сообщила Триль. — Мать Бэнр давно готовится к отправлению священного ритуала, но теперь церемония будет еще более величественной, раз она заполучила столь ценную жертву.

Джарлак всесторонне обдумал слова жрицы. Что ж, Дзирт, основное связующее звено с Мифрил Халлом, уже здесь, тем не менее Мать Бэнр не останавливается и с удвоенными силами готовится к штурму города дворфов. Наемнику оставалось только гадать, что думает обо всем этом Ллос.

— Но я не сомневаюсь, что твоя мать не спеша обдумает дальнейшие действия, — спокойно сказал Джарлак.

— Она предчувствует скорую смерть, — сказала, как выстрелила, Триль. — Ей не терпится начать войну, и она не позволит себе умереть, пока не одержит победу.

Джарлак чуть не рассмеялся при этих словах: «Не позволит себе умереть», но потом подумал, что дряхлая матрона Бэнр должна была бы помереть уже пару веков назад, а она до сих пор как-то жила. М-да, может, Триль и права, прикидывал про себя наемник. Возможно, старуха чувствует, что доживает последние годочки, и будет настаивать на завоеваниях, невзирая на последствия. Джарлак любил хаос, любил состояние войны, но сейчас следовало как следует поразмыслить. От своей жизни в Мензоберранзане наемник получал подлинное удовольствие. А вдруг планы Матери Бэнр положат ей конец?

— Она рада, что Дзирт попал к нам в плен, — продолжала Триль. — Что ж, Паучья Королева давно требует душу предателя...

— Но? — подсказал Джарлак.

— Но как Матери удастся удержать объединенные силы города вместе, когда

остальные Матери узнают, что Дзирт пойман? — спросила Триль. — Их согласие и так слишком ненадежно, а когда Мать Бэнр предъявит им предателя, многие, считающие, будто Ллос дала добро на нападение только из-за головы этого отступника, решат, что раз главная цель достигнута, то...

Джарлак сплел перед собой на столе пальцы и надолго задумался. Она умна, эта дочка Бэнр, умна и как никто другой понимает логику действий дроу — за исключением, может быть, логики ее матери и Джарлакса. Но теперь она так сосредоточена на том, что может потерять, что невольно открыла наемнику нечто, о чем ему надо было подумать в одиночестве, и задача эта была не из простых.

Тщетно пытаясь скрыть, как она расстроена, Триль круто повернулась и быстро прошла через всю комнату, даже не замедлив шага перед неприметной дверью. На самом деле это был межуровневый переход, коридор, как будто заполненный водой, по которому, прежде чем выйти между двух ухмыляющихся стражей личных апартаментов главаря, жрице надо было, как и всем, пройти несколько шагов (хотя снаружи дверь казалась толщиной не больше пары дюймов).

Через несколько мгновений по ту сторону полупрозрачной двери появилось тепловое изображение ладони; это значило, что Триль уже покинула пределы тайного убежища банды. Рычагом под столешницей Джарлак открыл семь потайных дверей в полу и стенах, и оттуда выбрались несколько темных эльфов и один человек, Артемис Энтрери.

— Триль донесли о женщине на острове, — сказал главарь тем, кто были его доверенными лицами. — Прошерстите всех наших и дознайтесь, кто именно, если есть такой, выдал нас дочке Бэнр.

— Убить его? — с энтузиазмом спросил один из них, первоклассный палач, чьими услугами Джарлак нередко пользовался во время допросов.

Главарь бросил на него уничтожающий взгляд, и все остальные солдаты поняли его без слов. В этой банде, таившейся в пещерах, казнить шпионов было не принято, их использовали в своих интересах. Джарлак не раз уже доказывал, что, имея вражеского осведомителя в своих рядах, он может добиться тех же результатов, что и при помощи своих шпионов, распустить ровно столько же ложных сведений и посеять еще худшую смуту. Так что для вышколенной Бреган Д'эрт любой наушник Триль в составе банды обернется выгодой.

Прекрасно подготовленным многоопытным советникам Джарлакса дополнительные указания были не нужны, поэтому он махнул рукой, давая понять, что они могут идти.

— Ну что ж, с каждым часом становится все интереснее, — заметил наемник Энтрери, когда они остались одни. Он в упор посмотрел на убийцу. — Несмотря на некоторые разочарования.

Энтрери немного растерялся. Он не понял, что наемник имеет в виду.

— Ты знал, что Дзирт в Подземье, ты знал, что он совсем близко от Мензоберранзана и скоро будет здесь, — начал наемник, но Энтрери все равно ничего не понял.

— Но ловушка была отлично спланирована и сработала так, как и было задумано, — возразил он. Джарлак не мог с этим не согласиться, даже несмотря на гибель четырех солдат и ранения еще нескольких. Когда имеешь дело с таким неистовым воином, потери все равно неизбежны. — А я обезвредил Дзирта и захватил в плен Кэтти-бри, — подчеркнул Энтрери.

— В этом и заключается твоя ошибка, — хихикнул Джарлак.

Энтрери совсем растерялся.

— Женщина, которую зовут Кэтти-бри, смогла прийти сюда вслед за Дзиртом при помощи Гвенвивар и вот этой вещицы, — сказал наемник, показывая волшебный медальон в форме сердца. — Как я понимаю, она шла практически вслепую по запутанным туннелям и пещерам. Она никогда не найдет дорогу назад.

— Но она вряд ли уйдет отсюда, — сухо заметил Энтрери.

— Вот в этом и заключается твоя ошибка, — повторил Джарлак. Он широко улыбался,

и до Энтрери начало доходить.

— Один только Дзирт До'Урден мог бы вывести тебя из тьмы Подземья, — перестав говорить загадками, произнес Джарлак. — Потрогай, какой теплый, — добавил он, бросив медальон убийце. — Это кровь Дзирта До'Урдена согревает его. Когда медальон станет холодным, знай, что Дзирта больше нет в живых, и путь в твой солнечный мир закрыт для тебя навсегда. — Ну, если не считать беглого взгляда, когда будет завоеван Мифрил Халл, — добавил наемник, лукаво подмигнув.

Энтрери с трудом удержался, чтобы не броситься на него и не придушить — остановило его только подозрение, что под столешницей может быть еще один рычаг, и тогда откроются еще семь потайных дверей, из которых выскочат доверенные солдаты наемника. Но потом ярость сменилась недоумением и интересом. Почему вдруг Джарлак заявил, что он никогда не увидит мир на поверхности, и почему он сказал, что только Дзирт может вывести его туда? Размышляя так и все еще сжимая в руке медальон, Энтрери направился к выходу.

— Кстати, я не говорил, что Дом Хорлбар начал расследование о смерти Джерлис? — бросил ему в спину Джарлак, и убийца остановился на полпути. — Они даже связались с Бреган Д'эрт и предлагают хорошую цену за любые сведения. Забавно, правда?

Энтрери не обернулся. Он прошел к двери и покинул комнату. Ему было над чем поразмыслить.

Джарлак тоже думал. Он думал, что все происходящее может стать еще более захватывающим. Он размышлял о тех тайных интригах, на какие намекнула ему Триль, промахах, допущенных Матерью Бэнр, которые она, ослепленная жадной властью, не заметила. Но больше всего он думал о том, что Паучья Королева, с ее любовью к хаосу, дает ему карты в руки, чтобы поставить весь Мензоберранзан с ног на голову.

У Матери Бэнр были свои личные притязания, у Триль, естественно, свои, а Джарлак сейчас собирал воедино свои, поскольку надвигался беспредельный хаос, а из хаоса хитрый наемник всегда выбирался с выгодой для себя.

* * *

Дзирт, находясь в полубессознательном состоянии, не имел представления, сколько длилось истязание. Вендес была неподражаема в своем жестоком искусстве, она умела найти каждую чувствительную точку на истерзанном теле беспомощного узника и била, рвала и колола его самыми изощренными пыточными инструментами. При этом она не давала Дзирту полностью погрузиться в беспамятство, он все время был в сознании, чувствуя сокрушительную боль.

Когда она наконец ушла, Дзирт повис на кандалах, уже не ощущая, как острые кольца впиваются в его запястья. Единственное, чего ему хотелось в эту минуту, — чтобы мир перестал существовать и сам он навсегда покинул свое измученное тело. Он больше не мог думать ни о мире на поверхности, ни о своих друзьях. Он еще помнил, что Гвенвивар появилась на острове, но сосредоточиться и понять, как это могло произойти, уже не мог.

Он был сломлен; впервые в жизни Дзирт подумал, что немедленная смерть была бы лучше жизни.

Вдруг он почувствовал, что кто-то грубо схватил его за волосы и рывком поднял голову. Напрягая затуманенные, заплывшие глаза, он пытался разглядеть, кто это, боясь, что страшная Вендес вернулась. Но он услышал мужские голоса.

Кто-то прижал к его губам фляжку, дернув голову набок, чтобы жидкость вливалась ему в горло. Дзирт инстинктивно сопротивлялся, испугавшись, что это яд или зелье, которое сломит его волю. Он выплюнул жидкость, но за это его сильно стукнули затылком о стену, и новая порция кислой жидкости влилась ему в рот.

Дзирт почувствовал, что внутри все горит, как будто по внутренностям разлилась раскаленная лава. Уверенный, что это последние мгновения его жизни, он отчаянно

рванулся, словно надеясь вырваться из цепей, но потом безвольно повис, приготовившись к смерти.

Потом жжение превратилось в сладкое покалывание; внезапно Дзирт почувствовал, как силы прибывают, опухоль сошла с глаз, и он снова стал видеть.

Перед ним стояли братья Бэнр.

— Дзирт До'Урден, — раздельно произнес Дантраг. — Я много лет ждал встречи с тобой.

Дзирт не ответил.

— Ты знаешь меня? Слышал обо мне?

Дзирт вновь не произнес ни слова, и на этот раз молчание стоило ему зуботычины.

— Ты слышал обо мне? — грозно повторил Дантраг.

Дзирт изо всех сил пытался припомнить, как же Мать Бэнр представила этого сына? Бергиньона он знал по годам учебы в Академии и совместным рейдам в патрульных отрядах, но с другим братом никогда не встречался и не помнил, как его зовут. Однако он почувствовал, что для Бэнра это важно, и было бы разумно потешить его тщеславие. Дзирт быстро осмотрел его и сделал вывод.

— Оружейник Дома Бэнр, — выдавил он из себя; каждое слово сопровождалось струйкой крови из разодранного рта. Раны уже не болели так сильно, как будто начали затягиваться, и Дзирт тогда понял, что за жидкость его заставили проглотить.

— Так, значит, Закнафейн говорил тебе о Дантраге, — довольно произнес старший Бэнр, выпятив грудь.

— Само собой, — соврал Дзирт.

— Тогда ты понимаешь, зачем я здесь.

— Нет, — искренне сознался Дзирт, слегка озадаченный.

Дантраг оглянулся через плечо в другой конец помещения, туда, где в углу, аккуратно сложенные, лежали доспехи и оружие Дзирта.

— Много лет я мечтал сразиться с Закнафейном, — пояснил Дантраг, — чтобы доказать свое превосходство. Но он меня так боялся, что ни разу не осмелился вылезти из своей норы.

Дзирт едва подавил презрительный смехок: Закнафейн никого не боялся.

— Но теперь есть ты, — продолжал Дантраг.

— И ты наконец можешь доказать то, что хотел? — уточнил Дзирт.

Дантраг поднял руку для нового удара, но удержался.

— А если мы сразимся и ты меня убьешь, что скажет Мать Бэнр? — спросил Дзирт, понимая, перед каким затруднением должен оказаться Дантраг. Его ведь взяли в плен не ради того, чтобы потешить гордость заносчивого ребенка Бэнр. Вдруг Дзирту показалось, что он принимает участие в уже знакомой игре. Когда в Мифрил Халле появилась его сестра и захватила его в плен, со своим помощником Артемисом Энтрери она заключила сделку, условием которой был его поединок с Дзиртом ради удовлетворения тщеславия убийцы.

— Слава моей победы затмит любые наказания, — невозмутимо ответил Дантраг, как будто сам свято в это верил. — К тому же, возможно, я и не убью тебя. Может, я тебя только изувечу и снова подвешу в кандалах, чтобы Вендес могла продолжить свою работу. Для этого мы и дали тебе зелье. Тебя исцелят, замучают почти до смерти, потом снова исцелят. Это может длиться сотню лет, если Мать Бэнр того пожелает.

Дзирт хорошо знал жестокие нравы своего народа, поэтому несколько не усомнился в словах Дантрага. Ему и раньше по слухам было известно, что некоторых знатных членов уничтоженных фамилий веками держат в качестве беспрерывно пытаемых рабов в тайных помещениях Домов-победителей.

— Но ты не сомневайся, наше время придет, Дзирт До'Урден, — добавил Дантраг. Он приблизил лицо к самым глазам пленника. — Когда ты наберешься сил и сможешь постоять за себя.

Дзирт даже заметить не успел, как Дантраг вскинул руки и ударил его по щекам.

Никогда еще Дзирт не видел такой скорости и про себя отметил эту необычайную способность, уверенный, что однажды она может стоять ему жизни.

Дантраг круто повернулся на каблуках, обошел Бергиньона и направился к выходу. Младший Бэнр слегка задержался, оскорбительно рассмеялся и плюнул в лицо беспомощно висящему на кольцах узнику, после чего последовал за братом.

* * *

— Какая красавица, — сказал бритый наемник, легко проведя тонкими пальцами по спутанным золотисто-каштановым волосам Кэтти-бри.

Кэтти-бри даже не моргнула; она не сводила тяжелого взгляда с его плохо различимой в тусклом свете, но, бесспорно, красивой фигуры. Чутьем девушка понимала, что этот дроу отличается от остальных. Она почему-то была уверена, что он не попытается овладеть ею силой.

У него была наружность головореза и довольно извращенные представления о чести, но все же это были твердые правила, чем-то похожие на кодекс Артемиса Энтрери. Когда-то Кэтти-бри много дней пробыла пленницей Энтрери, но он ни разу не коснулся ее, кроме как для того, чтобы заставить идти туда, куда ему было нужно.

Кэтти-бри надеялась, что Джарлак такой же. Если он действительно находил ее привлекательной, скорее всего он отнесется к ней со всей предупредительностью. Пока...

— Да еще такая храбрая, — продолжал Джарлак на чистейшем языке поверхности, что неприятно резало слух. — Надо же, отважиться в одиночку прийти в Мензоберранзан! — Как бы не веря самому себе, наемник покачал головой и поглядел на Энтрери; кроме него, в маленькой квадратной комнатке никого больше не было. — Даже Артемиса Энтрери пришлось упрашивать спуститься сюда, а теперь он с удовольствием бы сбежал, если бы, конечно, знал, как найти дорогу, тут и сомневаться нечего. Существам с поверхности здесь не место, — заметил наемник и, словно в подтверждение своих слов, аккуратно снял Кошачий Глаз с головы девушки. Кэтти-бри мигом окутала тьма, еще более густая, чем в самых глубоких рудниках Бренора, и ей стоило большого труда не поддаться мгновенно охватившей ее панике.

Джарлак стоял прямо перед ней, она чувствовала тепло его тела и дыхания, но не видела ничего, кроме мерцавших красными огоньками глаз, внимательно глядевших на нее. В другом конце комнаты горели красные глаза Артемиса Энтрери, и Кэтти-бри не понимала, как он может видеть в инфракрасном спектре, раз он тоже человек.

Многое она бы сейчас отдала, чтобы тоже иметь такую способность. Тьма давила, сминала ее. Кожа стала необычайно чувствительной, все ощущения были напряжены до предела.

Если бы не решимость не показывать собственную слабость своим мучителям, она бы закричала.

Джарлак произнес какое-то непонятное слово, и тут же вся комната оказалась залита мягким голубым свечением.

— Ну вот, здесь ты можешь видеть, — обратился к ней Джарлак. — Но там, за дверью, сплошная чернота. — Он издевательски помахал диадемой перед глазами Кэтти-бри, а потом опустил ее к себе в карман.

— Прости меня, — произнес он, и его ласковый тон несколько озадачил девушку. — Мне жаль тебя мучить, но я должен заботиться о собственной безопасности. Ты нужна Матери Бэнр — я бы даже сказал, необходима, поскольку Дзирт — ее пленник. Она знает, что ты — лучший способ сломить его железную волю.

Кэтти-бри не могла скрыть радости, когда услышала, что Дзирт все еще жив.

— Ну конечно, они его не убили, — продолжал наемник, обращаясь почему-то к Энтрери, а не к ней. — Ведь он чрезвычайно полезный пленник, как говорят на поверхности — ценный источник информации.

— Они все равно убьют его, — как-то раздраженно отозвался Энтрери, и Кэтти-бри это заметила.

— В конце концов, конечно, — согласился Джарлакс со смешком. — Но к тому времени вы оба давно успеете умереть от старости, равно как и ваши дети. Если, конечно, они не будут наполовину темными эльфами, — хитро добавил он, подмигнув Кэтти-бри.

Она еле удержалась, чтобы не дать ему в глаз.

— Какая жалость, что все так складывается, — продолжал наемник. — Я так мечтал побеседовать с легендарным Дзиртом До'Урденом до того, как его схватят Бэнры. Если бы у меня была паучья маска, я бы сегодня же ночью, когда все жрицы будут заняты отправлением торжественной службы, пробрался в Дом Бэнр, чтобы поговорить с ним. Но, конечно, только в самом начале церемонии, а то, не ровен час, Мать Бэнр решит принести его в жертву сегодня же. Ну, ладно. — Он вздохнул, еще раз погладил густые волосы девушки и повернулся к двери. — Я все равно не смогу туда попасть, — сказал он Энтрери. — Мне надо встретиться с Матерью Хорлбар, чтобы обсудить стоимость расследования.

Энтрери только усмехнулся в ответ на эту издевательскую реплику. Он встал вслед за наемником и тоже пошел к двери, но потом вдруг остановился и посмотрел на Кэтти-бри.

— Пожалуй, я задержусь, чтобы переговорить с ней, — сообщил убийца.

— Как хочешь, — ответил наемник, — только не бей ее. Но если все-таки ты это сделаешь, — добавил он, хихикнув, — следи, чтобы не осталось шрамов. Жаль такую красоту.

Джарлакс вышел прочь и закрыл дверь. В коридоре раздалось клацанье его волшебных сапог, чтобы Энтрери знал, что он ушел. Затем Джарлакс опустил руку в карман и довольно улыбнулся, обнаружив, что диадема пропала.

Он посеял семена хаоса; теперь оставалось только сидеть и ждать плодов.

Глава 21

СЛОЙ ЗА СЛОЕМ

Кэтти-бри и Энтрери долго молча смотрели друг на друга. Со времени пленения девушки они впервые остались наедине в маленькой комнатке в секретных помещениях Бреган Д'эрт. По выражению лица убийцы Кэтти-бри поняла, что у него что-то на уме.

Он поднял руку, и на конце серебряной цепочки перед глазами девушки повис волшебный агат.

Кэтти-бри удивленно смотрела на него, не понимая, что это значит. Ясно, что он как-то вытащил его из кармана наемника, но чего ради так рисковать?

— Ты такой же пленник, как и я, — в конце концов догадалась Кэтти-бри. — Ты здесь для того, чтобы выполнять его указания.

— Мне не очень нравится слово «пленник», — ответил Энтрери. — Оно подразумевает беспомощность, а я, должен тебя заверить, никогда не оказываюсь в таком положении.

Кэтти-бри сразу раскусила, что его заявление на девять частей бравада, а на одну самообман, но оставила свои выводы при себе.

— А что же ты будешь делать, когда Джарлакс обнаружит пропажу?

— Надеюсь, к тому времени я буду уже на поверхности, — сдержанно ответил убийца.

Кэтти-бри внимательно вгляделась в него. Вот оно что, так просто и ясно, без всяких околичностей. Зачем же тогда ему диадема, подумала она и сразу испугалась. Может, Энтрери решил, что звездное сияние лучше его инфразрения или же даст ему преимущество. Ведь он бы не сказал ей о своем намерении сбежать, если бы думал, что она останется здесь — живой.

— Тебе она не нужна, — попыталась убедить его девушка, стараясь, чтобы голос не дрожал. — У тебя же есть инфразрение, ты и так можешь видеть дорогу вполне отчетливо.

— Но зато она нужна тебе, — сказал он и бросил ей украшение. Кэтти-бри поймала

диадему и держала ее в руке, прикидывая, что случится, если она наденет подарок Аластриэль.

— Я не смогу вывести тебя на поверхность, — сделала она еще одну попытку вразумить Энтрери, решив, что убийца находится во власти какого-то заблуждения. — Я сама попала сюда только потому, что со мной были пантера и медальон. По нему я ориентировалась, как добраться до Дзирта.

Убийца и бровью не повел.

— Я говорю, что не смогу вывести тебя отсюда, — повторила она.

— Зато Дзирт сможет, — возразил Энтрери. — Я предлагаю тебе сделку, причем отказаться ты не сможешь. Я выведу вас обоих, и тебя, и Дзирта, из Мензоберранзана, а вы проведете меня на поверхность. Как только мы туда доберемся, наши пути разойдутся, и, возможно, навсегда.

Кэтти-бри долго обдумывала это странное предложение.

— И ты думаешь, я тебе поверю? — наконец спросила она, но Энтрери не ответил. Да и не нужно ему было отвечать. Кэтти-бри была пленницей, запертой в комнатухе, окруженной врагами со всех сторон, а положение Дзирта было еще горше. Какой бы коварный план Энтрери ей ни предложил, он был ничуть не хуже ее нынешних обстоятельств.

— А Гвенвивар? — спросила Кэтти-бри. — И мой лук?

— Лук и колчан у меня, — ответил убийца. — Пантера у Джарлакса.

— Я не уйду без Гвенвивар, — твердо сказала Кэтти-бри.

Энтрери недоуменно воззрился на нее, но потом решил, что она просто юлит.

Однако Кэтти-бри швырнула диадему к его ногам, села на край небольшого стола и скрестила руки на груди.

Убийца посмотрел на агат, потом на девушку.

— Я ведь могу силой заставить тебя идти со мной, — пригрозил он.

— Если ты так думаешь, то сильно ошибаешься, — огрызнулась она. — Полагаю, без меня тебе отсюда не выбраться, а я не намерена тебе помогать ни ради себя, ни ради Дзирта, пока не получу кошку. И Дзирт бы только похвалил меня за это, можешь не сомневаться, — добавила она, помолчав. — Гвенвивар — друг нам обоим, а мы не предаем друзей!

Энтрери небрежно подцепил цепочку носком сапога и снова бросил ее Кэтти-бри. Она опять поймала ее и на этот раз надела. Не говоря больше ни слова, убийца жестом показал, чтобы она оставалась на месте, а сам неожиданно вышел из комнаты.

Единственный стражник у двери в комнату Джарлакса не обратил на приближающегося человека почти никакого внимания; Энтрери пришлось даже толкнуть его, чтобы тот к нему снизошел. Убийца показал на странную, зыбкую дверь и спросил:

— Джарлакс здесь?

Солдат покачал головой.

Энтрери снова показал на полупрозрачный вход и вдруг широко открыл глаза в притворном изумлении. Солдат нагнулся, чтобы посмотреть, что там происходит, но убийца схватил его за плечи и втащил в межуровневый коридор, словно наполненный водой. По дороге Энтрери пришлось бороться со стражником, но убийца был выше и сильнее, так что ему удалось дотащить дроу до комнаты главаря.

Они ввалились туда одновременно. Дроу потянулся к мечу, но Энтрери провел левый хук, а потом нанес противнику еще несколько ударов, один за другим. Дроу упал на колени, и Энтрери сильно врезал ему в челюсть.

Потом он протащил бедолагу через всю комнату и припер к стене, для верности еще пару раз стукнув его головой о камень, так что солдат больше не сопротивлялся. Через минуту темный эльф стоял на коленях, с трудом соображая, где он, со связанными за спиной руками и кляпом во рту. Энтрери привалил его к стене и ощупал ее в поисках нужного места. Наконец дверь в потайной чуланчик отворилась, и он впихнул туда солдата.

На секунду он задумался, не прикончить ли его. С одной стороны, если убить этого

дроу, Джарлакс не сразу дознается, кто это сделал, потому что свидетелей не останется. Но все же внутренний голос удержал Энтрери от этого опрометчивого шага, подсказав, что лучше проверить все тихо, не причинив Бреган Д'эрт никакого вреда.

Найдя на столе Джарлакса не только фигурку Гвенвивар, но и маску Кэтти-бри, Энтрери подумал, что все как-то слишком легко получается, как будто его ждали, да, именно ждали! Озираясь в поисках возможных ловушек, Энтрери поспешно схватил вещи, потом проверил, не подделки ли они.

Что-то здесь нечисто.

Убийца припомнил все более чем прозрачные намеки, подброшенные ему Джарлаксом. Сначала он взял его с собой в Академию и как бы между прочим показал, как достать паучью маску. А еще волшебный медальон Аластриэль, настроенный на Дзирта, который наемник так запросто отдал ему. Джарлакс даже подсказал, когда лучше всего действовать — в самом начале церемонии, готовившейся сегодня вечером в Доме Бэнр.

С чего бы все это, размышлял Энтрери. Очевидно, у Джарлакса были какие-то личные планы, шедшие вразрез с намерениями Матери Бэнр. Стоя в его кабинете, Энтрери чувствовал себя только пешкой в игре наемника.

Тем не менее он крепко сжал медальон, а потом снова положил его в карман. Ну что ж, он хорошо разыграет свою партию.

Двадцатью минутами позже Энтрери, превратившийся при помощи маски в дроу, и Кэтти-бри быстро и бесшумно двигались по извилистым улицам вдоль сталагмитов северо-восточной части, направляясь к высоким уровням Бреши Тир и Академии.

* * *

Он вновь видел ярусы громадного дворфского Нижнего города, сердца Мифрил Халла. Он представлял западный вход из Долины Хранителя, и снова вспоминал гигантский разлом, прозванный Ущельем Гарумна.

Он прилагал все усилия, чтобы исказить эти картины, перевернуть правду о Мифрил Халле, но против его воли они представали перед мысленным взором с убийственной ясностью! Как если бы он опять оказался там и снова был свободен, а рядом сражались Бренор и все остальные. Дзирт целиком подчинился гипнозу прорицателя сознания. Он больше не мог ничего противопоставить грубому вторжению любимца Матери Бэнр в его разум, его воля была полностью сломлена ментальной мощью этого чудовища.

По мере того как образы возникали в мозгу Дзирта, он чувствовал, что их как будто снимали слой за слоем, выскребали из его разума, питая ненасытного иллитида. Вмешательство Метила отзывалось жгучей болью, электрические разряды вспыхивали в голове несчастного дроу.

Наконец цепкие щупальца отлепились от его лба, и он обмяк. Голова пульсировала от боли, а в мозгу была сплошная мешанина мыслей и образов.

— Сегодня мы получили некоторые сведения, — донесся до него как будто издали водянистый голос.

Получили некоторые сведения...

Эти слова снова и снова зловещим эхом отдавались в мозгу Дзирта. Иллидид и Мать Бэнр все еще разговаривали, но он уже не прислушивался, эти три слова целиком захватили его сознание, и он понимал, какая страшная реальность за ними стоит.

Дзирт разлепил веки, но головы не поднимал, тайком поглядывая на Метила. Этот мерзавец стоял всего в паре футов спиной к нему.

Теперь иллитиду было известно расположение нескольких пунктов в Мифрил Халле, но если истязания будут продолжаться, скоро Метил вытянет из него все.

Этого нельзя допустить; медленно и незаметно Дзирт крепче уцепился за свои оковы.

Вдруг он выбросил вперед босые ноги, с силой ударив пятками рыхлую голову иллитида. Метил не успел даже уклониться, как Дзирт обвил ногами его шею и стал

раскачивать его взад-вперед, пытаюсь сломать позвонки.

Дроу чувствовал, как щупальца елозят по его ногам, внедряются под кожу, но, не обращая внимания на отвращение и боль, продолжал неистово трясти иллитида. Он видел, что сбоку подбежала разъяренная Вендес, и знал, что за этим последует, но думал только об одном. Ради жизни его друзей Метил необходимо убить!

Стараясь помешать Дзирту и ослабить его хватку, иллитид попробовал откинуться назад всем телом, но опытный воин подался назад вместе с ним, и Метил свалился на пол, тяжело опираясь о стену и частично поддерживаемый Дзиртом на весу. Дроу подтянул его вверх и с силой грохнул о камень. Илликиды не отличались физической крепостью, и Метил жалобно замахал своими трехпальными ручонками, пытаясь высвободиться из тисков.

Вдруг Дзирт почувствовал сильный удар под ребра и чуть не задохнулся. Он упорно продолжал сжимать шею уроды, но удары следовали один за другим.

Повиснув на кандалах, он попытался подтянуть ноги, чтобы защитить брюшину, пока Вендес сделала передышку. Взглянув в ее глаза, в которых смешались яд, ненависть и восторг, Дзирт решил, что теперь смерти ему не миновать.

Но она остановилась раньше, чем он ожидал, и спокойно отошла от него, оставив Дзирта висеть на кольцах, обессиленного настолько, что он не мог даже подтянуть ноги к животу.

Метил уже стоял рядом с удобно расположившейся на диске Матерью Бэнр и смотрел на дроу своими молочно-белыми глазами без зрачков.

Дзирт понял, что в следующий раз, когда иллитид проникнет в его сознание, он постарается сделать это как можно болезненнее.

— Зелья ему не давать, — велела Мать Бэнр Дантрагу, безучастно подпиравшему косяк. Он лениво посмотрел на ряд бутылей, стоявших у стены слева от Дзирта, и кивнул.

— Доблас, — гаркнула старуха; это было оскорбительное название изгнанника. — Мы будем отправлять священный ритуал с еще большим воодушевлением, зная, что ты здесь изнемогаешь от боли. — И она кивнула Вендес, которая быстрым и сильным движением метнула в Дзирта маленький дротик.

Он слегка ужалил пленника в живот. Но потом Дзирт ощутил, что у него под ребрами как будто развели гигантский костер. Дыхание перехватило, он даже не смог закричать, но от невыносимой боли наконец смог непроизвольно скрючиться. Однако облегчения это не принесло. Частицы отравы с наконечника дротика по-прежнему просачивались в кровь, и внутренности жгло огнем.

Сквозь слезы, наполнившие его глаза, Дзирт видел, что летающий диск медленно выплыл из камеры, а за ним послушно последовали Метил и Вендес. Дантраг еще некоторое время стоял с равнодушным видом у двери, а потом подошел к Дзирту.

Когда оружейник стал перед ним, Дзирт заставил себя перестать кричать и только стонал сквозь зубы.

— Дурак ты, — сказал Дантраг. — Если ты своими выходками разозлишь мать и она убьет тебя раньше, чем я смогу с тобой сразиться, то клянусь, что я лично буду сначала пытаться, а потом уничтожу каждое живое существо, называющее себя другом Дзирта До'Урдена!

И снова так быстро, что Дзирт и заметить не успел, Дантраг ударил его в лицо. На мгновение пленник обвис в кандалах, но новая мучительная волна боли заставила его снова подтянуть ноги.

* * *

Спрятавшись внизу под величественной лестницей, ведущей к Бреши Тир, Артемис Энтрери старался во всех подробностях восстановить в памяти облик Громфа Бэнра, Архимага Мензоберранзана. Он несколько раз видел его, в основном тогда, когда следил за ним по распоряжению Джарлакса. Наемник подозревал, что Громф укорачивает ночное

время в городе, зажигая магические огни Нарбондели, колонны, служившей темным эльфам тепловыми часами, чуть раньше, чем полагается. Наемник хотел разузнать, для чего это нужно магу, и отправил Энтрери шпионить за ним.

Плащ убийцы превратился в свободное одеяние волшебника; волосы стали гуще и длиннее, а вокруг глаз появились тонкие морщинки.

— Неужели ты решишься?.. — встретила его вопросом Кэтти-бри, когда он показался из тени.

— Паучья маска находится в столе Громфа, — сдержанно отозвался убийца, поскольку и сам не слишком радовался ближайшей перспективе. — Другого пути в Дом Бэнр нет.

— А если этот Громф как раз сидит у своего стола?

— Тогда нас с тобой разорвут на кусочки и развеют над Мензоберранзаном, — буркнул Энтрери, схватил девушку за руку и начал подниматься по лестнице, толкая Кэтти-бри перед собой.

Энтрери надеялся на свои силы и на удачу. Он знал, что все учителя Академии были весьма замкнуты и редко беседовали друг с другом, к тому же он рассчитывал, что Громф, хоть и мужчина, был приглашен на церемонию в Дом Бэнр. Стены школы были защищены от магического проникновения и телепортации, но если его фальшивое обличье сработает, Энтрери должен был попасть внутрь кабинета Громфа и выйти из него без особенных сложностей. Все знали, что у главного городского мага бешеный взрывной нрав, а поэтому старались не попадаться ему на глаза.

С верхней площадки лестницы, на уровне Бреши Тир, спутники увидели три здания Академии дроу. Справа стояло простое пирамидальное строение — Мили-Магтир, школа воинов. Прямо возвышалось грандиозное здание Арах-Тинилит в виде большого паука, школа жриц Ллос. Про себя Энтрери порадовался, что ему не нужно пытаться проникнуть ни туда, ни туда. В Мили-Магтир было полно стражников и жесткая система контроля, а Арах-Тинилит охранялась самими жрицами. Только Магика, изящное строение с башнями и шпилями по левую руку, было секретным само по себе.

Кэтти-бри, поддавшись минутной слабости, выдернула у Энтрери руку и в страхе отступила. Ее-то внешность оставалась той же, что обычно, и здесь ей стало страшно. Но она быстро справилась с испугом и больше не сопротивлялась, когда убийца снова схватил ее и, широко шагая, потащил за собой.

Они подошли к главному открытому входу в Магику. Два стоявших там стражника живо преградили им путь. Один из них хотел задать какой-то вопрос, но Энтрери дал ему зуботычину и быстро прошел мимо, надеясь, что жестокий и угрюмый характер Громфа послужит ему лучшим пропуском и его просто не отважатся остановить.

Обман сработал, стражники снова вытянулись на своем посту и позволили себе что-то пробурчать под нос только тогда, когда Архимаг уже скрылся из виду.

Энтрери отлично помнил все коридоры и повороты и вскоре привел Кэтти-бри к глухой ровной стене, преграждавшей доступ в личные покои Громфа. Он глубоко вздохнул и посмотрел на свою спутницу, повторяя про себя, что если маг окажется там, то через минуту они оба будут мертвы.

— Колсен'ши орбб, — прошептал убийца. К его облегчению, стена начала растягиваться и изгибаться, превращаясь в паутину. Потом ее нити раздвинулись, в середине образовалось отверстие, показалось голубоватое свечение, и Энтрери быстро, пока не потерял уверенность в себе, пролез внутрь и втащил за собой Кэтти-бри.

Громфа внутри не было.

Энтрери сразу направился к столу из костей дворфа и, прежде чем взяться за ручку нужного ящика, потер ладони и подул на них. Тем временем Кэтти-бри, заинтересовавшись обилием непонятных предметов, ходила по комнате, разглядывая свитки, но не прикасаясь к ним, а потом подошла к какому-то глиняному сосуду и осмелилась вытащить из него затычку.

Когда Энтрери услышал вдруг голос Архимага, у него душа ушла в пятки, но он почти

сразу понял, что звук исходил из глиняного сосуда.

Кэтти-бри с любопытством посмотрела на сосуд и на пробку, снова заткнула его, и голос умолк.

— Что это было? — спросила она, не поняв ни слова.

— Понятия не имею, — сердито ответил Энтрери. — Не трогай здесь ничего!

Кэтти-бри пожала плечами, а убийца вернулся к ящику, стараясь в точности вспомнить пароль. Он воспроизвел в памяти свой разговор с Джарлаксом, когда наемник назвал ему нужное слово. Сказал ли Джарлакс правду или все это — только часть какой-то сложной игры? Может, он специально заманил его в кабинет Громфа, чтобы он произнес совсем не то слово, открыл ящик, а потом половина Магики оказалась бы разрушенной, а заодно погиб бы и незадачливый вор? Потом ему пришло в голову, что Джарлакс мог положить в стол Архимага подделку и подстроить так, чтобы Энтрери пришел и взял ее, отведя тем самым от наемника подозрения.

Но он тут же отогнал непрощенные мысли. Раз уж он решился, раз уж убедил себя, что освобождение Дзирта было частью планов Джарлакса, какую бы цель он ни преследовал, нечего поддаваться страхам, надо идти до конца. Он прошептал нужное слово и открыл ящик.

Маска по-прежнему лежала там.

Энтрери торопливо схватил ее и обернулся к Кэтти-бри, которая как раз наполняла небольшие песочные часы мелким песком и следила, как он тонкой струйкой бежит вниз. Энтрери одним прыжком оказался рядом с ней и опрокинул часы набок.

Кэтти-бри изумленно уставилась на него.

— Я просто отмеряла время, — спокойно произнесла она.

— Это не часы! — грубо оборвал ее убийца. Он перевернул вещицу вверх ногами, осторожно высыпал песок, пересыпал его в пакет и аккуратно запечатал снова. — Это взрывчатка, и когда весь песок высыпается, все вокруг взлетает на воздух! Не смей больше ничего трогать! — злым шепотом велел он. — Если оставить все в том же порядке, Громф и не заметит, что мы здесь были. — Потом он оглядел бардак в кабинете и добавил: — Или, скорее, в том же беспорядке. Хозяина не было на месте, когда Джарлакс принес маску.

Кэтти-бри послушно кивнула и прикинулась пристыженной, хотя на самом деле она в общем-то догадывалась, для чего предназначены эти часы, и не стала бы ждать, пока весь песок просыплется. Она только хотела получить подтверждение от Энтрери.

Вдвоем они спешно покинули кабинет Громфа и Магику. Но Кэтти-бри и виду не подала, что несколько стеклянных сосудишков в виде часов и полагающиеся к ним пакеты со взрывчатым порошком она тайком сунула себе за пояс.

Глава 22 ПРОНИКНОВЕНИЕ

На плато Келларц'орль, где расположились самые уважаемые Дома, было поразительно тихо. Энтрери, под видом обычного солдата, и Кэтти-бри, не привлекая внимания, тихо двигались через рощу гигантских грибов к двадцатифутовой паутине, окружавшей территорию Дома Бэнр.

Оба молчали, стараясь не поддаваться панике, и думали только о том, что выбор их прост: либо полная победа, либо сокрушительное поражение.

Затаившись в тени одного из сталагмитов, они наблюдали, как великолепная процессия, возглавляемая несколькими жрицами, сидевшими на голубых летающих дисках, влетает через открытые ворота во двор и движется к распахнутым дверям громадной центральной часовни. Энтрери узнал Мать Бэнр и решил, что женщины рядом с ней, должно быть, ее дочери. Он с любопытством разглядывал остальные диски, поняв, что в процессии участвовали и Матери других Домов.

Джарлакс говорил, что это будет важная церемония, и Энтрери хихикнул, подумав о том, как хорошо хитрый наемник все просчитал.

— Ты чего? — спросила Кэтти-бри, не поняв, чему он смеется.

Энтрери покачал головой и кинул на нее грозный взгляд, требуя, чтобы девушка прикусила язык. Кэтти-бри едва сдержалась, чтобы не выпалить все обидные слова, имевшиеся у нее по его адресу. Сейчас Энтрери нужен ей, а она нужна ему — тут уж ничего не поделаешь, придется на время забыть личную ненависть.

И они ждали. Они долго сидели на корточках за сталагмитом в ожидании, когда вся процессия скроется под большим куполом часовни. Энтрери прикинул, что туда вошло больше тысячи, может, даже две тысячи дроу, а у входа осталось только несколько всадников на ящерах.

Вскоре из-за двери в часовню послышалось пение гимнов Ллос, далеко разносившееся вокруг, и это тоже было на руку нарушителям.

— Где пантера? — прошептал Энтрери.

Кэтти-бри нащупала фигурку в мешочке на поясе и недоверчиво посмотрела на высоченную ограду.

— Выпущу, когда будем по ту сторону, — так же шепотом ответила она, хотя понятия не имела, как Энтрери надеется проникнуть сквозь нее. Струны ограды были толщиной в руку девушки.

Энтрери молча кивнул, вытащил черную бархатную маску в виде паука и натянул себе на голову. Взглянув на него, Кэтти-бри невольно вздрогнула — было похоже, что на плечах у него сидит громадный уродливый паук.

— Предупреждаю один раз, — шепотом сказал убийца. — С твоим глупым милосердием здесь делать нечего. Встретим кого-нибудь — убивай на месте! Раненых оставлять нельзя.

Кэтти-бри ничего не ответила, но если бы Энтрери заглянул в глаза девушки, он понял бы, что предупреждение принято.

Жестом он приказал ей следовать за ним, и осторожно, прячась в тени, они подошли к подножию ограды.

Энтрери сначала несмело дотронулся до нее рукой, проверяя, не прилипнут ли пальцы, но потом решительно ухватился за струны и велел Кэтти-бри взобраться ему на спину.

— Только не дотрагивайся до ограды! — предупредил он. — Имей в виду, зацепишь рукой или ногой, тут же отрублю.

Кэтти-бри обняла своего врага, крепко сплела пальцы рук и прижалась к Энтрери изо всех сил.

Энтрери не был великаном и весил всего фунтов на сорок больше девушки, но зато отличался большой силой. Его стальные мускулы были натренированы для боя, и он легко начал подъем, старясь как можно дальше отстраняться от ограды, чтобы девушка случайно не коснулась ее. Самым сложным оказалось перемахнуть через край, да еще Энтрери заметил двух направлявшихся в их сторону всадников.

— Не дыши, — еле слышно велел он Кэтти-бри и предельно осторожно подтянулся к самому краю забора, куда доставала падающая тень от сторожевого сталактита.

Если бы на территории Дома Бэнр было темно, нарушителей поймали бы в ту же секунду, поскольку их теплые тела отчетливо вырисовывались бы на прохладном фоне камня. Но повсюду сиял свет, горело множество факелов, и солдаты, проверявшие посты, инфразрением не пользовались. Они проехали в десятке футов от забора, но ничего не заметили. Артемис Энтрери так хорошо умел сливаться с тенью, что казался выступом когда-то гладкого сталактита.

Когда всадники проехали мимо, Энтрери взобрался на самый верх ограды и выпрямился, а потом наклонился, чтобы девушка могла прислониться к высившемуся рядом сталагмиту. Он хотел чуть-чуть передохнуть, но Кэтти-бри не терпелось поскорее добраться до места, поэтому она вдруг соскочила с его спины, наполовину съехала, наполовину слезла по крутому склону и, перекувыркнувшись, встала на ноги уже во дворе дворца Бэнр.

Энтрери спешно спустился по забору, сорвал маску с лица и бросил на свою спутницу

злобный взгляд, сочтя ее поступок опрометчивым и глупым.

Девушка выдержала взгляд ненавистного убийцы и только спросила одними губами:
— Куда теперь?

Энтрери опустил руку в карман и нащупал медальон, потом стал поворачиваться в разные стороны, пока не понял, когда волшебная вещица нагревается больше всего. Однако он и сам еще раньше догадался, где может находиться Дзирт: в главной башне, охранявшейся лучше всех.

Оставалось только надеяться, что большинство воинов присутствовало сейчас на церемонии.

Пересечь двор и добраться до башни оказалось несложно, потому что стражи почти не было видно, зато было предостаточно тени, а льющееся из часовни пение перекрывало любой шум. В эту ночь, во время отправления священного ритуала, ни один Дом не боялся опасности со стороны, и уж тем более никто не решился бы навлечь на себя гнев Паучьей Королевы, организовав нападение, а поскольку единственная возможная угроза Дому Бэнр могла исходить только от другого семейства, охрана могла особенно и не стараться.

— Это здесь, — прошептал Артемис Энтрери, когда они, прижимаясь к стене, приблизились ко входу в громадный пустотелый сталагмит. Энтрери легонько прикоснулся к каменной двери, пытаясь обнаружить возможные ловушки (хотя он и понимал, что, если какие ловушки здесь и были, он узнает о них, только когда попадет в одну из них). Но, к его изумлению, дверь взметнулась вверх и исчезла у верхнего косяка, а за ней открылся узкий, плохо освещенный коридор.

Они с Кэтти-бри обменялись неуверенными взглядами, помедлив, боязливо ступили внутрь — и у обоих ноги чуть не подкосились от счастья, когда они поняли, что ничего с ними не произошло.

Однако их радость моментально испарилась, когда из глубины коридора донесся чей-то утробный голос, задавший, похоже, какой-то вопрос. Они не поняли ни слова, но зато увидели гигантское человекообразное существо с похожими на толстые канаты мускулами. Гигант с бычьей головой был не меньше семи футов ростом и такой здоровый, что загораживал собой почти весь пятифутовый коридор, так что стало почти совсем темно.

Кэтти-бри чуть не выпрыгнула из сапог от ужаса, когда дверь за ними опустилась, отрезав путь назад.

Минотавр снова проревел свой вопрос на языке дроу.

— Он спрашивает пароль, — прошептал Энтрери девушке. — Я так думаю.

— Так говори скорей.

Легко сказать, ведь Джарлакс не упоминал ни о каком пароле для внутренних помещений Дома Бэнр. Энтрери решил поставить на вид наемнику это маленькое упущение — если только ему удастся когда-нибудь поговорить с ним вообще.

Чудовищный минотавр угрожающе надвигался на них, размахивая прутком с адамантитовым острием.

— Как будто минотавры не впечатляют сами по себе, без оружия, — шепотом заметил Энтрери Кэтти-бри.

Сделав еще один шаг, чудище оказалось всего футах в десяти от них.

— Усстан белбол... усстан белбау улу... дос, — запинаясь, сказал Энтрери, копаясь в сумке у пояса. — Досст? — неуверенно поправился он.

Минотавр остановился и напряженно наморщил лоб.

— Что ты ему сказал? — спросила Кэтти-бри.

— Понятия не имею, — сознался Энтрери, хотя надеялся, что это было похоже на предложение подарка.

Минотавр явно выходил из себя; он глухо зарычал.

— Досст? — бодро повторила Кэтти-бри, выступив вперед с луком в протянутой руке. Она широко улыбалась и без конца кивала, как болванчик, как будто предлагала великану свое оружие, а сама тем временем пыталась нащупать под плащом стрелу в притороченном к

бедру колчане.

— Досст? — снова спросила она, и минотавр вопросительно ткнул громадным толстым пальцем себе в грудь.

— Да, тебе! — закричала Кэтти-бри, выхватила стрелу, быстро наложила ее на лук и спустила тетиву прежде, чем чудище успело сообразить пригнуться. Стрела вонзилась ему в грудь, и он отлетел назад.

— Заткни дырку пальцем! — проорала девушка, прилаживая новую стрелу. — А пальцев-то у тебя сколько?

Она мимоходом оглянулась на Энтрери, ошарашенно смотревшего на нее. Девушка рассмеялась и еще раз выстрелила в грудь минотавру, отбросив его еще на несколько шагов, где он ввалился в какое-то помещение. Когда он упал, ему на смену появилось еще с десятков великанов.

— Ты с ума сошла! — закричал ей убийца.

Вместо ответа Кэтти-бри всадила стрелу в брюхо ближайшего минотавра. Он согнулся пополам, и его затоптали рванувшиеся вперед товарищи.

Энтрери выхватил оружие из ножен и встретил нападение, понимая, что должен не подпустить великанов к девушке, чтобы она могла продолжать стрелять. Он столкнулся с первым минотавром почти у самого конца коридора и выбросил вверх меч, отражая взмах прута (при этом одна сторона его тела онемела от силы сопротивления чудовища).

Гигант не мог сравниться с ним в быстроте, и Энтрери трижды полоснул его кинжалом по животу. Чудище хлестнуло его прутom, и убийце, даже несмотря на то, что он сумел защититься, пришлось крутнуться вокруг своей оси, чтобы смягчить силу удара и не пораниться.

Обернувшись, он всадил меч, сиявший злым зеленым огнем, минотавру под челюсть и рванул, разрезая кость и толстый язык чудища. Из рта у того хлынула кровь, но он замахнулся снова, вынуждая Энтрери отступить.

Серебряная вспышка ослепила их обоих; стрела пролетела над плечом противника Энтрери и вонзилась в череп стоявшего за ним.

Отчаянно размахивая мечом и кинжалом, ничего не видя, убийца мог лишь надеяться, что минотавр, как и он, временно ослеп. На ошеломленного раненого гиганта сыпались один за другим молниеносные удары, и в конце концов он тяжело свалился на пол, а Энтрери снова прозрел.

Долго раздумывать он не стал. Вскочив на поверженного великана, он перепрыгнул на спину другого, лежавшего за ним, такого здорового, что Энтрери оказался почти вровень со следующим гигантом. Он всадил меч ему в плечо, предупредив нападение. Убийца решил, что быстро прикончит громадную быкоподобную махину, поскольку рука минотавра, державшая оружие, безвольно повисла, но ему никогда не приходилось драться с такими чудовищами, и он даже не успел удивиться, когда великан нагнулся и бросился на него головой вперед.

В следующий миг минотавр дернулся вбок и пошел через всю комнату, неся убийцу между рогами.

— Ох, черт, — пробормотала Кэтти-бри, увидев, что между ней и наступающими теперь открытое пространство. Она опустилась на колени, стала лихорадочно выдергивать стрелы из колчана и выпускать их вперед, не целясь.

Один, а потом другой из нападавших упали, но зато третий подхватил падающее тело и прикрылся им, как щитом. Девушке удалось послать стрелу в обход этого заслона из мяса, но прятавшийся за ним минотавр быстро уклонился и больше не высовывался.

Девушка выстрелила еще раз, надеясь скорее ослепить чудовищ, чем остановить наступление, а потом бросилась на пол и смело поползла вперед, уворачиваясь от топчущих ног.

Минотавр тяжело врезался в наружную дверь в уверенности, что Кэтти-бри перед ним, и не выпуская из рук тело товарища. Потом отлепился от двери и снова грохнулся об нее

всем весом своего громадного туловища.

Кэтти-бри должна была пробраться между тремя парами похожих на бревна ног. Все три великана рычали, думая, что тот, кто впереди, сейчас сделает отбивную из тщедушной женщины.

Ей почти удалось проползти между ними.

Но последний в цепочке вдруг почувствовал, как что-то защекотало его по ноге, наклонился, увидел девушку и взвыл, а потом схватился обеими руками за прут.

Кэтти-бри перевернулась на спину и вскинула лук. Ей удалось выстрелить, и гигант ненадолго отступил. Девушка инстинктивно сделала кувырок назад, и как раз вовремя, потому что в этот момент минотавр ударом прута выбил немалый кусок каменного пола в дюйме от согнутого позвоночника Кэтти-бри.

Девушка тут же вскочила на ноги, встав лицом к чудищу. Размахивая перед собой луком, она спиной ввалилась в какую-то комнату.

* * *

Удар был так силен, что у него перехватило дыхание. Минотавр обвил талию Энтрери здоровой рукой, держа его так, чтобы он и дернуться не смог, и отпрыгнул назад, намереваясь снова с размаху стукнуть его о стену. В двух шагах другой минотавр радостно поздравлял его с победой.

Энтрери лихо размахивал кинжалом, безуспешно пытаясь проткнуть толстый череп чудовища.

Но когда его шмякнули о стену второй раз, у него возникло ощущение, будто хребет рассыпался на отдельные позвонки. Он заставил себя осмотреться, преодолевая боль и страх, и решить, что делать. Его преимуществом всегда было спокойствие, Энтрери знал это, поэтому быстро изменил тактику. Он перестал без толку колоть кость кинжалом, а упер острие клинка между рогами чудовища и медленно потянул его вниз, одновременно надавливая.

Они снова врезались в стену.

Но Энтрери держал кинжал крепко. Сначала лезвие вошло неглубоко, но потом попало в мягкие ткани, и убийца тут же изменил угол наклона и нажал сильнее. Кинжал достиг глаза минотавра.

Энтрери почувствовал, что оружие начало жадно вбирать жизненную силу великана, ощущал, как мощь, пульсируя, вливается в руку, держащую клинок.

Гигант, стоя у стены, долго сотрясался всем телом. Его туповатый товарищ продолжал подбадривать его, решив, что он приканчивает человека.

Но когда минотавр свалился бездыханным, а человек легко спрыгнул на пол и сразу рванул с места, второе чудовище не успело среагировать и получило удар в грудь. Энтрери сразу нанес ему три ранения, молниеносно чередуя меч, кинжал и снова меч.

Ошеломленный великан отступил, но человек не отставал и не опускал кинжал. Клинок вошел глубоко, высасывая энергию. Умиравшее существо попыталось махнуть прутот, но Энтрери легко предупредил тщетную попытку.

Кинжал упивался.

* * *

За порогом маленькой комнаты она упала на колено. Целиться не было необходимости, потому что толпа минотавров буквально наступала ей на пятки.

К счастью, ближайший к ней великан сбавил скорость, когда получил стрелу во внутреннюю часть бедра. Однако он был упрям и все равно ломился вперед.

Позади него другой минотавр безуспешно пытался докричаться до третьего, того самого, что продолжал колотить мертвым телом в дверь, и сказать, чтобы он заходил с

другой стороны. Но быкоголовые чудища никогда не отличались умом, и этот последний с неослабевающим упорством продолжал биться в дверь, уверенный, что разбивает женщину в лепешку.

Очередная стрела полетела горизонтально. Когда она сорвалась с тетивы, ее наконечник был всего в полуфуте от носа ближайшего нападавшего. Выстрелом ему разнесло переносицу и череп, разделив его почти пополам. Гигант умер мгновенно, но его тело продолжало двигаться по инерции и накрыло собой Кэтти-бри.

Девушку не ранило, но вылезти из-под туши и вытащить вовремя лук она не успела, а тут из коридора ввалился другой минотавр.

Но на его пути неясно откуда возникла человеческая фигура, и после головокружительной серии ударов клинками великан остался стоять, согнувшись и придерживая руками располосованные колени. Он тяжело завалился вбок, пытаясь дотянуться до нового врага, но Энтрери вскочил на ноги и легко отпрыгнул назад.

Он отбежал в середину комнаты, за черную мраморную колонну, а минотавр — за ним, припадая на обе ноги. Энтрери пошел в обход, а минотавр, быстро (для минотавра) сообразив, что делать, обнял колонну рукой и обогнул ее почти по инерции.

Но Энтрери был проворнее. Пока великан его не видел, он остановился и отошел от колонны на пару шагов. Несшийся по кругу минотавр проскочил как раз между мраморной поверхностью и убийцей, и тот без труда нанес десяток ударов в его спину и бок.

Чтобы умереть, минотавру столько и не требовалось.

* * *

Минотавр приподнял тело своего собрата, отскочил назад шага на три и снова изо всей силы грохнул его о каменную наружную дверь.

В спину ему вонзилась волшебная стрела.

— Чего? — выдохнул гигант и попытался обернуться.

Вторая стрела впиалась в бок и пробила легкое.

— Чего? — тупо и почти беззвучно повторил он. Ему наконец удалось обернуться, и он увидел Кэтти-бри, с мрачным видом стоявшую в конце коридора и державшую лук в поднятой руке.

Третья стрела угодила ему в щеку. Он все же попробовал сделать шаг, но четвертая воткнулась в грудь, отбросив его на тело мертвого товарища.

— Чего?

Он получил еще пять выстрелов — хотя уже не мог ничего почувствовать, но тут Энтрери добрался до Кэтти-бри и сказал, что побоище закончено.

— Повезло, что здесь не оказалось дроу, — сказал он, нервно поглядывая на двенадцать дверей, выходивших в круглую комнату. Он потрогал медальон в кармане и повернулся к центральной колонне, соединявшей пол и потолок.

Не говоря ни слова, он подбежал к колонне и осторожно ощупал ее гладкую поверхность.

— В чем дело? — спросила его девушка, когда он вдруг замер и повернулся к ней, улыбаясь. Она повторила вопрос, но он вместо ответа нажал на камень, и часть мраморной плиты отъехала в сторону, открывая вход. Энтрери вошел внутрь, потянув за собой Кэтти-бри, и дверь сама собой закрылась за их спинами.

— Что это? — спросила девушка, решив, что они оказались в шкафу. Но потом она увидела отверстие в потолке слева от нее и другое, в полу справа.

Энтрери снова не ответил. Не отпуская медальон, он приблизился к дыре в полу, стал на одно колено и заглянул вниз.

Кэтти-бри присела рядом и, не заметив лестницы, вопросительно посмотрела на своего спутника. Потом она внимательно оглядела само помещение: привязать веревку тут было не к чему.

— Может, здесь невысоко, — неуверенно предположил Энтрери и осторожно скользнул вниз, держась руками за край. На его лице почти сразу появилось странное выражение, потому что он почувствовал, что его тело словно потеряло вес и повисло в воздухе.

— Что такое? — нетерпеливо воскликнула девушка, наблюдая за его лицом.

Энтрери отпустил руки и широко их развел, а потом с хитрой улыбкой плавно опустился. Кэтти-бри немедленно последовала за ним и тоже стала парить, легко спускаясь в темноте. Еще в воздухе она заметила, что Энтрери внизу натянул на себя маску и сосредоточился.

— Ты — моя пленница, — ледяным тоном сказал он, и она похолодела, решив на мгновение, что он одурачил ее. Опустившись же на пол рядом с ним, она поняла, что он задумал.

— Дай лук, — нетерпеливо потребовал Энтрери.

Девушка только упрямо мотнула головой, и он решил не спорить с ней, все равно бесполезно. Он подошел к стене и стал ее ощупывать, и вскоре выход открылся. Прямо перед ними оказались два дроу со взведенными ручными арбалетами, и Кэтти-бри про себя порадовалась, что не отдала лук.

Но арбалеты сразу же опустились, когда стражники, открыв рты, поняли, что перед ними стоит сама Триль Бэнр.

Энтрери грубо схватил Кэтти-бри и вытолкнул ее вперед.

— Дзирт До'Урден! — выкрикнул он голосом Триль.

Стражники меньше всего хотели пререкаться со старшей дочерью Бэнр. У них не было приказа проводить к пленнику кого-либо, кроме самой Матери Бэнр, но в приказе также ничего не говорилось и о пленнице-женщине. Поэтому один из них двинулся вперед, а другой поспешил схватить Кэтти-бри.

Девушка оступилась и уронила лук, так что дроу и Энтрери вынуждены были подхватить ее под обе руки. Другой дроу торопливо поднял Тулмарил, и она невольно содрогнулась, увидев свое великолепное оружие в руке темного эльфа.

Они прошли темный коридор, миновав несколько обитых железом дверей. Первый дроу остановился перед очередной дверью и вытащил крошечную палочку. Он провел ею по металлической пластинке около ручки и дважды легко стукнул по ней. Дверь отворилась.

Он стал оборачиваться с улыбкой, довольный, что угодил Триль. Но Энтрери ударил его кулаком в подбородок, свернул голову назад и на сторону, а потом быстро перерезал ему горло.

Атака Кэтти-бри оказалась не такой виртуозной, но еще более жесткой. Она повернулась на одной ноге, а другой с размаха ударила солдата в живот, и оба отлетели к стене. Кэтти-бри отскочила назад на полшага, нагнула голову и лбом раздробила солдату переносицу. Потом на него посыпался целый град ударов, затем он получил пинок коленом в живот, и Кэтти-бри втокнула противника в комнату. Сама она ввалилась следом, обхватила его руками под мышками и крепко сцепила пальцы сзади на шее.

Дроу отчаянно задергался, но вырваться не смог. Энтрери, отбросив труп с дороги, уже оказался рядом.

— Пошады не жди! — прорычала Кэтти-бри сквозь стиснутые зубы.

Энтрери спокойно подошел поближе. Дроу пинался и попал ему в локоть.

— Триль! — воззвал к нему ничего не понявший солдат.

Энтрери отступил назад, улыбнулся и снял маску. На лице беспомощного дроу появилось выражение беспредельного ужаса, и убийца погрузил кинжал в его сердце по самую рукоять.

Кэтти-бри почувствовала, как ее жертва дернулась, потом обвисла. Ей вдруг стало худо, но это ощущение тут же ушло, как только она повернулась и увидела избитого, закованного в цепи Дзирта. Он висел на стене, стонал и все пытался свернуться в клубок. Девушка выпустила из рук мертвое тело и ринулась к своему дорогому другу. Она сразу

заметила торчавший у него из живота маленький дротик.

— Потерпи, его надо вытащить, — предупредила она и подняла глаза, надеясь, что Дзирт согласится. Однако дроу, возможно, даже не осознавал, что она рядом.

Энтрери тоже подошел. На дротик он взглянул только мельком, потому что его гораздо больше волновали оковы.

Кэтти-бри выдохнула, ухватила стрелу пальцами и резко дернула.

Дзирт скорчился и заорал от боли, а потом обвис на кольцах и потерял сознание.

— Никаких замков нет! — с досадой выкрикнул Энтрери, наконец поняв, что кандалы были цельными.

— Отойди! — скомандовала девушка и сама отбежала подальше. Обернувшись, Энтрери увидел, что она уже вскинула свой лук, и быстренько отошел в сторону.

Двумя выстрелами Кэтти-бри сломала цепи, и Дзирт упал прямо на руки наемного убийцы. Израненный дроу едва приподнял одно опухшее веко, но, похоже, он все равно не отдавал себе отчета в том, что происходит, даже, наверное, не создавал, друзья или враги перед ним.

— Бутыли, — еле слышно взмолился он.

Кэтти-бри стала озираться и увидела батарею фляг и бутылей, стоявших у стены. Она поспешно бросилась туда, нашла полную и принесла пленнику.

— При стольких ранах, — обратился к ней Энтрери, когда она открыла бутылку с сильно пахнущей жидкостью, — он уже должен быть трупом. Похоже, они как-то поддерживают в нем жизнь.

Кэтти-бри нерешительно поглядела на бутылку. Но убийца подбодрил ее.

— Давай! — велел он, понимая, что в таком состоянии им не вынести Дзирта из Дома Бэнр.

Девушка приложила горлышко к губам Дзирта и откинула назад его голову, влив в горло большой глоток. Он захлебнулся и сплюнул, и она перепугалась, не отравила ли своего друга.

— Как ты здесь оказалась? — спросил Дзирт, открыв глаза, как только сила снова стала возвращаться в его тело, но стоять без помощи он все равно еще не мог, и дыхание его оставалось прерывистым.

Кэтти-бри метнулась к стене и принесла еще несколько фляжек, правда предварительно приняхавшись и убедившись, что у них такой же запах. Через пару минут Дзирт уверенно стоял на ногах, изумленно разглядывая свою бесценную подругу и смертельного врага, оказавшихся перед ним бок о бок.

— Твои вещи, — напомнил Энтрери, грубовато подтолкнув его к сваленным грудой оружие и доспехам.

Однако Дзирт не отрываясь смотрел на убийцу, пытаясь понять, что за адскую игру он на сей раз затеял. Энтрери, не дрогнув, выдержал его пристальный взгляд.

— Времени мало! — нетерпеливо воскликнула Кэтти-бри.

— Я думал, ты умер, — сказал Дзирт.

— Ты ошибся, — ровно ответил Энтрери. Он спокойно сделал пару шагов, поднял с пола кольчугу дроу и протянул ему.

— Проверь коридор, — обратился Энтрери к Кэтти-бри. Девушка повернулась, и как раз в этот миг обитая железом дверь распахнулась.

На пороге с волшебной палочкой в руке стояла Вендес Бэнр.

Часть пятая ВЗГЛЯД ВОИНА

Храбрость.

У этого слова особенное звучание в каждом языке, не только из-за звуков,

его образующих, но и благодаря тому особому почтению, с каким его произносят. Храбрость. Она вызывает представление о великих свершениях и великих людях: суровые лица защитников на городских стенах, атакуемых ордой гоблинов; мать, стойко охраняющая свое дитя от враждебного мира. Во многих больших городах Королевств на улицах полно беспризорников без крова и без семьи. Их храбрость иного рода, они смело преодолевают и физические, и душевные трудности.

Полагаю, что и Артемису Энтрери пришлось выдержать такую же борьбу на узких грязных улицах Калимпорта. В каком-то смысле он одержал бесспорную победу, преодолел все видимые преграды и достиг необыкновенной власти и уважения.

Но если взглянуть иначе, он проиграл. Я частенько спрашивал себя, кем мог бы он стать, если бы так не изуродовал свое сердце? Однако в моем любопытстве нет ни капли жалости к нему. Обстоятельства Энтрери были не тяжелее моих. Он вполне мог бы выиграть не только физические, но и душевные битвы.

Покидая Мифрил Халл, я уходил в твердой уверенности, что смогу предотвратить опасность, грозящую моим друзьям, и считал, что поступаю храбро и бескорыстно. Я думал, что приношу наивысшую жертву ради блага своих любимых.

Но когда Кэтти-бри оказалась в моей темнице в Доме Бэнр, когда сквозь набрякшие веки я разглядел милое нежное лицо этой закаленной воительницы, я понял, в чем заключалась правда. Уходя из Мифрил Халла, я не понимал истинных причин, руководивших мною. Я был переполнен неведомой мне скорбью и не смог распознать, что это на самом деле покорность судьбе. И не было храбрости в моем сердце, когда я делал первые шаги в Подземье, потому что в глубине души жило чувство, что мне нечего терять. Я запретил себе горевать о Вульфгаре, и в образовавшуюся пустоту внутри канули воля и надежда.

А по-настоящему храбрые люди не сдаются и не теряют надежды.

Артемис Энтрери, подобно мне, вовсе не демонстрировал чудеса храбрости, когда вместе с Кэтти-бри пришел мне на помощь. Его действия объяснялись совершенным отчаянием, потому что, останься он в Мензоберранзане, ему пришел бы конец. Цель Энтрери, как всегда, была абсолютно эгоистичной. Мое освобождение стало результатом голой калькуляции, поскольку он решил, что я — лучший залог его спасения. Чистый расчет, а никакая не храбрость.

К тому времени как Кэтти-бри убежала из Мифрил Халла, надеясь догнать своего неразумного друга, она уже, конечно, преодолела скорбь по Вульфгару. Страдание совершило полный оборот, и теперь ее действиями руководила только преданность нашей дружбе. Она могла потерять все и тем не менее в одиночку отправилась в глухое и страшное Подземье ради меня.

Все это я осознал, когда впервые после долгой разлуки взглянул в ее глаза в темнице дворца Бэнр. Тогда я понял, что значит храбрость.

И впервые после смерти Вульфгара я испытал подъем. Последнее время я сражался, как дикий зверь, необузданно, беспощадно, но при виде моей дорогой подруги ко мне вернулся взгляд воина. Мое смирение и покорность судьбе исчезли, словно их и не бывало; без следа пропала моя уверенность, что все снова вернется на круги своя, если Дом Бэнр получит желанную жертву — отдаст мое сердце Ллос.

Там, в темнице, куда зелье вливалось в мои жилы и наполняло силой мускулы, вид суровой, решительной Кэтти-бри вернул силу моему сердцу. Я поклялся, что буду стоять до конца, буду сопротивляться, даже если все окажется безнадежным, буду бороться до победы.

Увидев Кэтти-бри, я вспомнил обо всем, что мог потерять.

Дзирт До'Урден

Глава 23 ДУК-ТАК

Она выхватила стрелу, но потом попыталась просто заслониться луком от летящего прямо на нее пузыря зеленоватой слизи, сорвавшегося с конца волшебной палочки.

Лук же вдруг прилип к ее груди, а сама она полетела назад и всем телом стукнулась о стену. Одна рука оказалась крепко прижата к груди, другая — к бедру, шевельнуть ногами тоже не было никакой возможности. Ее спина намертво прилипла к стене!

Девушка попыталась закричать, но челюсти тоже как будто склеились, да еще один глаз не открывался. Она смотрела единственным глазом и удивлялась, что пока может дышать.

Энтрери развернулся, держа наготове меч и кинжал. Но, увидев в дверном проеме трех женщин-дроу, две из которых нацелили на него арбалеты, он упал и откатился в сторону, ближе к центру комнаты.

Затем ловко вскочил на ноги и кинулся вперед, подняв оружие, как будто хотел прыгнуть на нападавших, но потом резко пригнулся, держа перед собой меч.

Однако искушенных в битвах женщин его уловки не обманули. Они не спустили его с прицела, и первая стрела угодила ему в плечо, ранив сильнее, чем он ожидал. Он вдруг остановился и против воли выпрямился. Из наконечника стрелы, напоминая вспыхивающие щупальца, вырывались черные дуги электрических разрядов, обжигая руку; ему пришлось отступить на пару шагов.

Вторая стрела вонзилась убийце в живот. Сильной боли он сначала не почувствовал, но потом как будто молния ударила в него, и он отлетел к стене. Меч выпал из его руки, чуть не задев Кэтти-бри.

Энтрери упал у самых ног девушки. Он все еще сжимал эфес кинжала и подумал, не метнуть ли его наподобие дротика. Но внезапно с изумлением, смешанным с ужасом, увидел, что пальцы разжимаются сами по себе. Усилив воли он попытался удержать клинок, но мышцы не слушались, и кинжал упал.

Он лежал навзничь на камне у ног девушки, совершенно ошеломленный и всерьез испуганный. Впервые в жизни закаленное, тренированное тело подвело его.

Внимание Дзирта привлекла лишь одна из трех женщин, та, что была в середине: Вендес Бэнр, Дук-Так, его бессменная мучительница на протяжении всех этих долгих дней. Дзирт застыл на месте, держа перед собой так и не надетую кольчугу, боясь даже моргнуть. Женщины по сторонам беспощадной дочки Бэнр отложили арбалеты и извлекли из ножен по два сверкающих меча.

Вендес неслышно пробормотала какое-то заклинание, и Дзирт приготовился к тому, что его сейчас отбросит назад волшебными чарами или парализует.

— Какие у тебя отважные друзья, — саркастически заметила Вендес, обращаясь к нему на чистейшем языке поверхности.

Дзирт понял, что она принесла с собой двомер, позволявший ей понимать Кэтти-бри и Энтрери.

Убийца нелепо двигал губами, пытаясь что-то произнести. Наконец он выдавил:

— Церемония?

— Точно, — ответила Вендес. — Мать, сестры и множество Матерей уважаемых Домов собрались в часовне. Меня освободили от начальных приготовлений и велели чуть позже привести Дзирта До'Урдена. — Она окинула пленника взглядом и, видимо, осталась довольна. — Вижу, твои друзья избавили меня от труда вливать зелье в твою глотку.

— А вы что же, действительно рассчитывали так легко проникнуть в Дом Бэнр, похитить нужного пленника и так же выйти? — обратилась она к Энтрери. — Тебя засекли еще до того, как ты перелез через ограду, и теперь не избежать расследования, как маска, принадлежащая моему брату, попала в твои грязные лапы! Громфу, а может, и Джарлаксу придется ответить на множество вопросов. Удивляюсь тебе, убийца, — продолжала она. — У тебя такая блестящая репутация, я ожидала от тебя большего. Неужели вы не поняли, почему такую ценную дичь охраняют какие-то рабы?

Она поглядела на Дзирта и покачала головой.

— Само собой, эти стражи у двери — так, мусор, — сказала она.

Дзирт не шелохнулся, даже бровью не повел. Он чувствовал, как с каждой минутой сила вливается в его тело, исцеляющее зелье продолжало действовать. Но он понимал, что против чар Вендес и двух исключительно опытных женщин сила ему ничем не поможет. Он бросил взгляд сожаления на кольчугу — сейчас она была просто бесполезным металлом.

Мозг Энтрери напряженно работал, но тело по-прежнему не повиновалось ему. Электрические разряды не давали убийце возможности сделать ни одного скоординированного движения. Правда, ему удалось опустить руку в сумку на поясе, а потом что-то в словах Вендес навело его на мысль, и в его голове блеснула безумная догадка.

— Мы подозревали, что женщина жива, — говорила между тем Вендес, — что ее скорее всего захватил Джарлакс, но даже не надеялись, что она достанется нам так, совсем без труда.

Энтрери опять подумал, не обвел ли его наемник вокруг пальца. Может, весь этот хитроумный план разработан лишь для того, чтобы доставить Кэтти-бри во дворец Бэнр? Энтрери считал это бессмысленным, но, с другой стороны, почти все, что Джарлакс сделал в последние часы, не отличалось особым смыслом.

Звук имени Кэтти-бри в устах страшной Вендес подействовал на Дзирта, как основательная встряска. Она, бросив все, пришла из-за него в Мензоберранзан! А Гвенвивар? Может, Бренор и Реджис тоже пришли вместе с девушкой?

Взглянув на нее, увязшую в зеленой гадости, такую беспомощную, он содрогнулся. Когда он снова посмотрел на Вендес, его глаза сверкали. Куда только делся его страх перед бессердечной мучительницей, куда подевалось покорное ожидание конца!

Одним движением Дзирт отбросил кольчугу и выхватил сабли.

Вендес кивнула, и обе женщины в тот же миг оказались в шаге от него, описывая круги. Одна легко стукнула клинком по острию Сверкающего, требуя, чтобы Дзирт бросил оружие. Он посмотрел на саблю, сознавая, что разумнее было бы подчиниться.

Но голубой клинок тут же описал широкую дугу, отбросив в сторону меч противницы. Другая сабля взметнулась вверх, предупреждая выпад с другого бока.

— Вот дурак! — в восторге воскликнула Вендес. — До чего ж мне хочется посмотреть, как ты дерешься, Дзирт До'Урден! Дантраг прямо помешался — мечтает тебя прикончить.

Из того, как она это произнесла, было непонятно, кого же она надеялась увидеть победителем в этой предполагаемой схватке. Но ему некогда было задумываться о подводных течениях этого извращенного мира, по крайней мере сейчас, когда его с обеих сторон теснили две отлично тренированные женщины-дроу.

Вендес снова перешла на родной язык и отдала подчиненным приказание хорошенько отделать отступника, но не убивать.

Дзирт сделал внезапный поворот, и его сабли начали смертоносную пляску. Не менее внезапно он остановился, одновременно сделав выпад в сторону женщины слева. Однако удар оказался пустячным — ведь на ней была великолепная кольчуга. А на Дзирте успехов не было.

Лишний раз об этом напомнило острие меча, кольнувшее его справа. Он поморщился и отпрыгнул назад, ударом наотмашь отбив вражеский клинок.

* * *

Энтрери молил только об одном: лишь бы Вендес, поглощенная схваткой, и дальше не обращала на него внимания, потому что все движения, которые он пытался проделать, казались ему страшно неуклюжими и заметными. Но ему все же удалось невероятными усилиями вытянуть из сумки маску-паука, поддеть ее пальцами, а потом вытянуть вверх руку и уцепиться за ремень Кэтти-бри.

Однако дрожащие пальцы не слушались, и он опять упал на пол.

Бэнр мимоходом глянула на него, хихикнула — видимо, маску она не заметила — и снова отвернулась, чтобы наблюдать за сражением.

Энтрери некоторое время полулежал, опершись спиной о стену, пытаясь найти в себе силы, чтобы снова приподнять непослушное тело, но все было без толку, мышцы продолжали непроизвольно сокращаться.

* * *

Удары мечей следовали один за другим под всеми мыслимыми углами. Одно лезвие больно рассекло щеку Дзирта. Поднаторевшие в схватках женщины работали в полном согласии, зажав противника в угол и не давая ему возможности предпринять мало-мальски серьезные действия. Но Дзирт отбивался блестяще, и Вендес даже похлопала, видя его выдающиеся, но совершенно бесполезные старания.

Дзирт понимал, насколько серьезно его положение. Он был все еще слаб (хотя волшебное зелье циркулировало в его венах, вливая новые силы), к тому же без доспехов, и мало что могло ему помочь прорваться мимо такого слаженного тандема.

Лезвие меча блеснуло у самых его колен; он перепрыгнул его. С другой стороны полоснул другой клинок, но Дзирт, еще не выпрямившись после прыжка, выбросил вверх Сверкающий Клинок. Другой саблей он неистово размахивал перед собой, отражая выпады обеих женщин, нацеленные на его живот и грудь.

Но он никак не мог перейти в наступление, и ему приходилось без устали обороняться, отступая против воли и парируя удары под самыми немыслимыми углами.

Он подпрыгивал и пригибался, размахивая саблями в разные стороны. Каким-то чудом ему удавалось увернуться от обоюдоострых клинков, могущих нанести серьезный вред его уязвимому телу, хотя мелкие ранения уже давали о себе знать.

Он бросил скорбный взгляд на Кэтти-бри, с тоской представляя, что ее ждет, когда он проиграет.

* * *

Энтрери продолжал свою тщетную борьбу, но в конце концов обмяк, так ничего не добившись и решив, что нет способа преодолеть заклинание.

Однако если бы убийца так легко мирился с поражением, он никогда не выжил бы в жестоком уличном мире Калимпорта и никогда бы не достиг высочайшего положения в преступном тайном мире этого громадного южного города. Он решил поступить иначе: он стал искать решение, исходя из ограничений, наложенных на него.

Энтрери вскинул руку над головой. Его пальцы не могли ни за что схватиться, — значит, он и пытаться не будет. Он просто хлопнул рукой по липкой слизи, держащей в плену Кэтти-бри.

Сцепление оказалось надежным — именно это и было нужно.

Невероятным усилием он подтянулся на руке и оказался на уровне пояса Кэтти-бри.

Оцепеневшая девушка смотрела на него, не понимая, что он задумал. Когда убийца взмахнул свободной рукой, она даже дернулась и попыталась уклониться (хотя и ни на йоту не сдвинулась с места), испугавшись, что он хочет ее ударить.

Но в его руке был не кинжал, как она предположила, а маска в виде паука. Потом она оказалась на ее макушке, и тут Кэтти-бри начала понимать, чего он добивается. Он не смог надеть ее глубоко, поскольку мешала липкая дрянь, но слизь сразу начала поддаваться, уступая чарам волшебной вещи.

На какой-то миг Кэтти-бри совсем перестала видеть, потому что один глаз был залеплен зеленой замазкой, а на другой сползла черная маска.

Но почти сразу она смогла открыть один глаз.

* * *

Битва накалялась, женщины стали приходить в ярость оттого, что им никак не удастся сломить защиту упорного дроу, и искры полетели во все стороны.

— Кончайте с ним! — нетерпеливо рявкнула Вендес. — Намните ему бока и оттащите в часовню. Пусть он посмотрит, как мы принесем в жертву Ллос его подружку!

Зря Вендес это сказала, потому что ни одна другая угроза не могла так подействовать на Дзирта. Мысли о том, что его любимую Кэтти-бри могут отдать ужасной Паучьей Королеве, он перенести не мог.

На смену Дзирту До'Урдену пришел дикарь, на место его рассудочного существа явилась сущность, послушная инстинктам.

Женщина слева размеренно атаковала, но та, что была справа, предприняла более жесткую атаку. Острие ее меча, минуя защиту Сверкающего Клинка, почти вонзилось в Дзирта.

Это был хитрый расчет, но она не знала, что для обострившегося до невозможности чутья воина ее движение показалось словно бы замедленным. Дзирт отбил меч в паре дюймов у своего обнаженного живота и далеко отвел его, пока другой поднятой рукой продолжал отражать удары другого меча противницы.

Потом он вдруг резко скрестил руки, продолжая парировать сыпавшиеся на него удары, и взмахнул правой саблей сверху вниз, а левой — снизу вверх. Он упал на колени, используя ближайшую противницу как прикрытие от удара ее товарки. Правой рукой он отбил выпад, заставив женщину так вывернуть клинок, что она сама себя полоснула по колену, и припала на ногу. Дзирт тут же ткнул вперед левой саблей, вспоров ей живот. Ноги женщины подогнулись, и она упала назад.

Все еще стоя на коленях, дроу молниеносно обернулся, отчаянно отбиваясь левой рукой. Удары сыпались на него с высоты роста другой женщины. Ему удалось отвести один из ее мечей в сторону, но второй обрушился на него сверху. Другой саблей он остановил его и тоже отбил в сторону, при этом лезвие разрезало ему кожу и ткнуло под ребро.

Выпады и ответные удары сыпались без конца, и дикарь внутри Дзирта совершенно перестал ощущать боль. В конце концов ему удалось подтянуть ногу и вскоре выпрямиться во весь рост. Вендес, следившей за битвой, казалось, что на ее глазах происходит нечто невозможное.

Ее первая подчиненная извивалась на полу, вцепившись в раненую ногу и крепко зажимая разрезанную брюшину.

— Довольно! — рявкнула Вендес и протянула в сторону Дзирта волшебную палочку. Схватка была впечатляющей, ей нравилось следить за ее ходом, но в намерения дочери Бэнр не входило терять помощниц.

— Гвенвивар! — вдруг раздался истошный крик.

Вендес в ту же секунду обернулась и увидела свою пленницу, почему-то в паучьей маске и освободившуюся от клейких пут. Кэтти-бри бросилась прочь от стены, на ходу подхватила кинжал с самоцветами, швырнув при этом наземь статуэтку.

Вендес машинально метнула в нее еще один сгусток слизи, но он шлепнулся о стену, не задев девушку.

Несколько растерянная и не совсем уверенно стоявшая на ногах Кэтти-бри просто упала вперед, выставив перед собой клинок. Ей даже удалось кольнуть руку Вендес, но та заслонила волшебной палочкой, и лезвие не проникло достаточно глубоко.

Кэтти-бри кинулась на нее, всем телом повисла на ее ногах, и обе женщины упали на пол.

Они вместе катались по полу: Кэтти-бри изо всех сил старалась удержать женщину-дроу, а Вендес отбивалась руками и ногами, пытаясь освободиться.

* * *

Сабли Дзирта с такой скоростью лязгали по мечам соперницы, что, казалось, производили один сплошной звенящий звук. Женщина, надо отдать ей должное, некоторое время выдерживала этот сумасшедший ритм, но постепенно стала наносить удары все с большими задержками.

Меч лязгнул справа, отбив Сверкающий Клинок. Последовал выпад вторым мечом вверх и вовне, отбрасывая вторую саблю в сторону.

Однако движение Дзирта оказалось обманным, он не ударил в полную силу, и поэтому далеко вбок отлетел только меч его противницы. Она это поняла и постаралась пресечь инерцию движения, но опоздала. Сабля Дзирта уже глубоко вошла между кольцами ее тонкой кольчуги. Он не оборонялся, и она вполне могла ранить его, но жизнь покинула женщину мгновенно, поскольку лезвие проникло глубоко в сердце. Она лишь содрогнулась всем телом, когда Дзирт выдернул клинок.

* * *

На голову Кэтти-бри сыпался град ударов, но она изо всех сил сжимала ноги остервенелой жрицы. Маска в виде паука сползла ниже, и девушка ничего не видела, зато понимала, что, если Вендес сейчас дотянется до оружия, ей несдобровать.

Она вслепую вытянула руку, пытаясь нащупать запястье противницы. Однако Вендес увернулась, и не только убрала руку, но еще изловчилась освободить одну ногу. Она вертелась и пиналась с такой силой, что Кэтти-бри чуть не потеряла сознание.

Вендес мощным рывком сбросила ее, и девушка поползла следом, пытаясь схватить ее ускользающие ноги. Она замешкалась всего на долю секунды, чтобы убрать наконец с лица маску, и сразу увидела, что до Бэнр ей уже не дотянуться. Вендес моментально вскочила на ноги и выбежала из комнаты.

Кэтти-бри ужаснулась, представив, что может случиться, если дать этой женщине убежать. Поэтому она уперлась ладонями в пол и начала подниматься, но кто-то сильной, но мягкой рукой снова пригнул ее к полу. В следующий миг она увидела перед своим лицом босые ноги выбегавшего в коридор Дзирта До'Урдена.

Едва выскочив в коридор, Дзирт дико изогнулся и с такой силой бросился назад на спину, что Кэтти-бри испугалась, что его поймали на аркан. Но потом, когда над ним пролетел комок зеленоватой слизи, она поняла, что он просто едва успел уклониться.

Дзирт сделал кувырок, вскочил на ноги и рванул с места, как кот в прыжке.

Следом за ним бросилась настоящая кошка. Гвенвивар, перескочив через Кэтти-бри, в мгновение ока пропала в коридоре, так что девушка даже засомневалась, не померещилась ли она ей.

— Нау! — послышался оттуда отчаянный крик. Тот самый воин, которого Вендес беспощадно мучила и избивала, теперь добрался до нее, горя желанием отомстить.

Гвенвивар в тот же миг оказалась за его спиной, горя желанием помочь, но секунды, которая ей понадобилась, чтобы очутиться здесь, хватило Дзирту на то, чтобы всадить клинок в живот Вендес.

Стон, донесшийся сбоку, отвлек внимание Кэтти-бри. Она заметила, что раненая помощница Вендес старается дотянуться до своего упавшего оружия.

Кэтти-бри, не поднимаясь, поползла к ней, скрестила ноги на шее женщины и сдавила ее изо всех сил. Женщина пыталась вырваться и колотила девушку обеими руками. Но потом вдруг успокоилась, и Кэтти-бри решила было, что она сдается, однако увидела, что та беззвучно шевелит губами. Она читала заклинание!

Не думая о том, что делает, девушка несколько раз ткнула растопыренными пальцами ей в глазницы. Женщина заорала от боли, а потом крик перешел в хрип, когда Кэтти-бри посильнее сжала ноги.

Великодушное сердце девушки восставало против того, что она делала. Она всегда

чувствовала внутреннее сопротивление, когда ей приходилось убивать, особенно если это случалось так, как сейчас, когда она видела, как долго длятся предсмертные мучения жертвы.

Она увидела лежавший на полу неподалеку кинжал Энтрери и схватила его. Когда она вонзила клинок в тело, слезы ярости и протестующей невинности полились из ее ясных голубых глаз.

* * *

Гвенвивар остановилась, а Дзирт грубо выдернул свою саблю из тела жертвы и отступил на шаг.

— Нау, — твердила ошеломленная Вендес, что на языке дроу означало «нет». В этот момент бессердечная Дук-Так показалась Дзирту маленькой, почти жалкой. Она согнулась пополам от боли и дергалась всем телом.

Женщина упала к ногам Дзирта. Ее губы еще шевелились, произнося отрицание, но звук с них больше не срывался, и красное пламя навсегда погасло в ее глазах.

Глава 24 ГОЛОВОЙ ВПЕРЕД

Дзирт вернулся в темницу и увидел, что Кэтти-бри все еще лежит на полу, сжимая паучью маску, и тяжело дышит. Позади нее нелепо висел Энтрери, прилипнув рукой к покрытой зеленой слизью стене и странно вывернувшись.

Со словами: «Она поможет его снять», Кэтти-бри бросила маску Дзирту.

Он поймал маску, но не двинулся с места, думая одновременно о многом, а не только об освобождении убийцы.

— Реджис все рассказал, — сказала Кэтти-бри, хотя это и так было ясно. — Я его заставила.

— Ты пришла одна?

Кэтти-бри покачала головой, и у Дзирта чуть не подкосились ноги, поскольку он решил, что другие его друзья в опасности или уже погибли. Но Кэтти-бри показала на Гвенвивар, и дроу испустил вздох облегчения.

— Ну что ты за дурочка, — сказал он, и в голосе его послышалось недоумение и досада. Он посмотрел на нее сурово, давая понять, что не на шутку рассержен.

— Не больше, чем ты, — с такой жалобной улыбкой ответила девушка, что сердитое выражение сразу сошло с лица Дзирта. Все-таки он был страшно рад видеть Кэтти-бри, даже при таких чудовищных обстоятельствах.

— Мы что, сейчас это будем обсуждать? — все еще улыбаясь, спросила Кэтти-бри. — Или отложим до возвращения в Мифрил Халл?

Дзирту нечего было сказать, он покачал головой и провел рукой по густым белым волосам. Потом посмотрел на маску и перевел взгляд на Энтрери, снова нахмурившись.

— Мы с ним договорились, — поспешно встала Кэтти-бри. — Он привел меня к тебе и сказал, что выведет нас обоих из города, а мы за это проведем его на поверхность.

— А потом что?

— Он пойдет своей дорогой, а мы — своей, — с такой твердостью произнесла Кэтти-бри, будто ей самой, чтобы поверить в эти слова, необходимо было услышать собственный уверенный голос.

Дзирт снова с сомнением перевел взгляд с маски на своего заклятого врага. Ему претила мысль, что наверху надо будет отпустить его. Кто знает, сколько зла он еще причинит людям? Сколько горя принесет эта темная сущность по имени Артемис Энтрери?

— Я дала слово, — жестко сказала Кэтти-бри, видя его колебания.

Дзирт продолжал мысленно взвешивать возможные последствия. Нельзя было не

согласиться, что Энтрери будет очень полезен в предстоящем путешествии, особенно если придется сражаться. Дзирту приходилось драться рядом с Энтрери при сходных обстоятельствах, и вместе они были почти непобедимы.

Но все же...

— Я пришел сюда по доброй воле, — еле ворочая языком, выдавил из себя наемный убийца. — Я спас... я спас... ее. — Попытавшись махнуть в сторону Кэтти-бри, он дернул рукой, но она снова повисла.

— Я возьму с тебя слово, — пообещал Дзирт и сделал шаг к убийце. Он хотел прямо сейчас потребовать с него клятву, что Энтрери оставит свое чудовищное ремесло, даже, возможно, добровольно предстанет перед судом за все свои преступления. Однако убийца понял, чего он хочет, и не дал ему даже слова сказать, причем от ярости он вдруг ненадолго справился с неповинуящимся телом.

— Ничего ты не получишь! — взревел он. — Будь доволен тем, что я уже пообещал ей! Дзирт оглянулся на Кэтти-бри, вставшую с пола и шедшую, чтобы взять свой лук.

— Я дала слово, — повторила она, выдержав его взгляд.

— К тому же... у нас... времени нет, — пробормотал Энтрери.

Дзирт сделал пару шагов и нахлобучил маску ему на голову. Энтрери сразу смог высвободить руку из вязкой слизи и упал на пол, не в силах даже подняться. Дзирт перебрал оставшиеся флаги, надеясь найти нужное зелье. Он по-прежнему не был уверен, надо ли показывать убийце дорогу к поверхности, но решил, что сейчас действительно не время для обсуждения. Он освободит Энтрери, они вчетвером, вместе с Гвенвивар, покинут дворец и город. Все остальное можно будет решить позднее.

В конце концов, все эти размышления могут оказаться ни к чему, если зелье окажется бесполезным, и тогда им с Кэтти-бри нечего даже пытаться вытащить убийцу отсюда.

Но, едва сделав первый глоток из керамического сосуда, Энтрери смог выпрямиться. Воздействие яда само по себе было кратковременным, а целительное действие снадобья резко ускорило процесс очистки организма.

Дзирт и Кэтти-бри по очереди отпили из другой бутылки, дроу натянул кольчугу, потом приторочил к поясу две из оставшихся флажек, а еще по две протянул девушке и Энтрери.

— Надо выбираться, — поторапливал Энтрери, уже готовый идти. — Церемония, конечно, в разгаре, но если на верхнем уровне кто-то обнаружил убитых минотавров, нас встретит целая армия солдат.

— Если только самоуверенная Вендес не спустилась сюда в одиночку, — отозвался Дзирт. Но и по его тону, и по взгляду, брошенному на него убийцей, было ясно, что ни один из них в это не верит.

— Головой вперед, — сказала вдруг Кэтти-бри. Мужчины посмотрели на нее, ничего не поняв.

— Дворфы всегда так делают, — пояснила она. — Когда вас прижимают к стенке, надо наклонить голову и броситься вперед.

Дзирт поглядел на Гвенвивар, на Кэтти-бри с луком, на Энтрери с его смертоносными клинками, потом на свои собственные сабли — как удобно, что Дантраг в ожидании схватки с пленным врагом оставил все его вещи под рукой!

— Может, они и приперли нас к стенке, — промолвил он, — но, боюсь, они не понимают, чем им это грозит!

* * *

Мать Бэнр, Матери Мез'Баррис Армго и Кьорл Одран треугольником расположились на возвышении центрального алтаря грандиозной часовни Дома Бэнр. Еще пять женщин, правительницы Домов с четвертого по восьмой, образовали кольцо вокруг них. Все вместе они составляли Правящий совет Мензоберранзана и часто встречались в небольших тайных помещениях для заседаний, но вот уже несколько веков не сходились вместе для молитвы.

Мать Бэнр чувствовала себя на вершине власти. Это она сплотила их, всех как одну, она связала в союз восемь главных Домов, и теперь эта сила заставит весь Мензоберранзан по ее приказу двинуться в поход на Мифрил Халл. Даже упрямая Кьорл, так сопротивлявшаяся присоединению к союзу и не одобрявшая всего предприятия, теперь, казалось, была искренне захвачена ощущением единства. Чуть раньше, без всякого давления со стороны, Кьорл предложила свое личное участие в нападении, и Мез'Баррис, боясь, что заслуги более низкого по положению Дома затмят ее собственные в глазах Матери Бэнр, немедленно предложила то же самое.

Всем своим порочным сердцем Бэнр верила, что Ллос с ней. Все же остальные верили, что Паучья Королева покровительствует дряхлой главе первого Дома, и таким образом союз был спаян крепко.

Пока шла церемония, старуха с трудом сдерживала улыбку. Она все еще ждала Вендес. В конце концов, Вендес прекрасно разбиралась в ритуалах и должна была понимать, что с окончанием священной церемонии оборвется и жизнь Дзирта До'Урдена. Если она и воспользовалась случаем, чтобы еще немного поиздеваться над ним, не матери ее упрекать. Сначала старуха Бэнр не собиралась приносить дроу-отступника в жертву именно сегодня. Она страшно жалела, что Дантрагу не удастся доказать в поединке с Дзиртом, что своим боевым искусством он затмевает всех боевых наставников Мензоберранзана. Но религиозное безумие обычно не подчиняется расчетам, и Мать Бэнр хорошо это знала. Сейчас же ситуация требовала того, чтобы Дзирта отдали Ллос. Что ж, она сама с удовольствием занесет над ним ритуальный кинжал.

Думать об этом было приятно.

* * *

Стоя рядом с гигантскими дверями недалеко от круглого возвышения, Дантраг и Бергиньон решали, что делать. К ним только что незаметно пробрался стражник и доложил, что в главной башне творится нечто странное; поговаривают, будто несколько минотавров убиты, а Вендес с сопровождающими ушла на нижние этажи и пока не возвращалась.

Дантраг обвел глазами ряды сидящих темных эльфов, заполнивших все помещение до центрального алтаря. Среди них были его сестры, а также старший брат Громф (хотя он не сомневался, что Громф под благовидным предлогом наверняка был бы не прочь улизнуть с этого женского праздника). На подобных церемониях участники, бросаясь из одной эмоциональной крайности в другую, доводили себя до иступления, сейчас же правящие Матери, вращаясь все быстрее и быстрее на возвышении и хлопая в ладоши, приближались к состоянию, неистовства.

Дантраг оглянулся на терпеливо ожидавшего его указаний Бергиньона, который явно не знал, как поступить.

Оружейник пошел к выходу из главного зала, забрав с собой стражника и брата. За их спинами раздались вопли экстатического безумия.

Иди в обход, знаками приказал Дантраг Бергиньону, поскольку пытаться перекричать эту какофонию было бессмысленно. *Посмотри, все ли спокойно.*

Бергиньон кивнул и пошел по изогнутому коридору к одной из потайных дверей, за которой он оставил ящера.

Дантраг быстро проверил упряжь своего животного. Наверняка Вендес справится с непредвиденными обстоятельствами — в случае, конечно, если они возникнут, — но в глубине души Дантраг почти надеялся, что ей это не удастся, мечтал, что ему все же придется сойтись с Дзиртом До'Урденем в бою. Он ощутил, что его чуткий меч полностью разделяет эти чувства — от клинка уже волнами исходила жажда убийства.

Дантраг позволил себе немного помечтать. Вот он принесет тело убитого им предателя прямо к моменту жертвоприношения, и тогда все Матери Домов (и его соперник Утегенталь Армго, он ведь в часовне) увидят, какова его доблесть.

Думать об этом было приятно.

* * *

— Головой вперед, — беззвучно напомнила Кэтти-бри, когда они поднялись на верхний уровень и стали перед внутренней стеной мраморного цилиндра. Гвенвивар вся подобралась, готовясь к прыжку; по бокам кошки с клинками наголо стояли Дзирт и Энтрери. Позади Кэтти-бри натянула тетиву Тулмарила.

Часть стены отъехала в сторону, и в проеме показалась женщина-воин высокого звания. Она испуганно вскрикнула и попыталась заслониться руками. Но такая защита ее не спасла. Стрела пробила женщину насквозь и попала в солдата, стоявшего за ее спиной. Гвенвивар метнулась вслед за стрелой, пролетела над двумя другими солдатами и упала прямо в толпу остальных, отчего они бросились врассыпную по комнате.

Потом настал черед Дзирта и Энтрери. Они ворвались в помещение и почти немедленно отступили на шаг, оба сжимая в руках окровавленные клинки.

Кэтти-бри послала еще одну стрелу, как раз между ними, и в живой стене дроу, преграждавшей путь в коридор, образовалась брешь. Потом девушка метнулась вперед между своими спутниками, в равной степени превосходно работавшими клинками. Она снова выстрелила, пригвоздив солдата к одной из дверей, расположенных по периметру круглой комнаты. Энтрери всадил кинжал глубоко в сердце другого; Дзирт отбил саблями крест-накрест атаку противника, потом сам нанес удар, полоснув саблями по диагоналям вниз, разрезав горло противнику большой буквой «Х».

Но самой великолепной здесь была Гвенвивар. Пантера металась по переполненному помещению, рождая такое столпотворение и ужас, которые могут вызвать только шестьсот фунтов ревущей клыкастой ярости. Она бросалась то в одну сторону, то в другую, время от времени шлепая лапой кого-нибудь по спине или кусая в ногу. Носясь по комнате, она никого не убила, но зато многих ранила, а еще больше темных эльфов заставила в ужасе бежать.

Кэтти-бри первой прорвалась в коридор.

— Стреляй же в эту проклятую дверь! — крикнул ей Энтрери. Но девушка не нуждалась в советчиках и спустила две стрелы еще прежде, чем убийца успел закончить фразу. Вскоре дверь стала практически неразличима за ослепительными искрами, сыпавшимися дождем, но все-таки не поддавалась.

— Открывайся, открывайся же! — кричала девушка, боясь, что они окажутся в коридоре, как в ловушке. Как только враги за спиной немного придут в себя, они тут же бросятся на них. Словно в подтверждение ее страхов, в коридоре стало совершенно темно.

Спасла их только удача, потому что следующим выстрелом Кэтти-бри случайно попала в механизм, открывающий выход, и дверь отворилась. Слепо ринувшись вперед, Кэтти-бри выскочила во двор дворца Бэнр, а за ней последовали Дзирт, Энтрери и, наконец, Гвенвивар.

В воздухе замелькали разноцветные эмблемы Дома, оставляя за собой светящийся след. К месту схватки уже успели приблизиться несколько всадников. Вокруг чиркали по камню стрелы из ручных арбалетов, поэтому надо было срочно принимать какое-то решение. Энтрери бежал первым. Сначала он хотел было кинуться к ограде, но потом сообразил, что втроем им через нее не перебраться. Тогда он метнулся вправо, огибая главную башню. Стена ее была очень неровной, потому что на самом деле строение состояло из нескольких тесно растущих громадных сталагмитов. Кэтти-бри и Дзирт не отставали от него, а Гвенвивар круто повернулась и бросилась назад, разогнав ближайших к ним преследователей.

Энтрери лихорадочно пытался припомнить расположение зданий огромного дворцового комплекса и просчитать, сколько дроу может быть сейчас на посту и где они обычно стоят. Необъятный двор тянулся почти на милю в одном направлении и на четверть мили в другом, так что, по расчетам Энтрери, многие стражники даже не успеют добраться

до этого места.

Однако сейчас ему казалось, что все друу Дома собрались вокруг, окружив беглецов со всех сторон.

— Бежать некуда! — крикнула Кэтти-бри. В это мгновение прямо над ее головой просвистел дротик, и она развернулась, вскинув Тулмарил. Стрелявший уже почти скрылся за большим выступом неподалеку от ограды, но девушка все равно спустила тетиву. Стрела чиркнула по камню и угодила в ограду, рассыпавшись серебряными и пурпурными искрами. На какой-то короткий миг девушка понадеялась, что нашла способ преодолеть преграду, но когда вспышка погасла, она увидела, что прутья стоят как ни в чем не бывало и даже не поцарапаны.

На какую-то долю секунды Кэтти-бри остановилась, раздумывая об этом, но Дзирт на бегу толкнул ее в спину, напоминая, что надо торопиться.

Энтрери завернул за башенный сталагмит, но их поджидали там другие темные эльфы. Врагов прибыло, и выбежать на открытое пространство двора было равносильно самоубийству. Но назад и вперед путь тоже был отрезан. Поэтому Энтрери рванул вперед, потом резко повернул направо, к самой башне, и вскочил на узкий, уходящий вверх выступ, использовавшийся в основном рабами-гоблинами, трудившимися над наружными скульптурами роскошного строения.

Убийце было несложно передвигаться по неширокой каменной полосе, ведь он привык бегать по узким карнизам высоких домов в южных городах. Для проворного, с превосходным чувством равновесия Дзирта это тоже не представляло труда. Но зато Кэтти-бри, если бы остановилась на секунду и задумалась, то скорее всего не сделала бы и шагу. Они бежали вверх по дорожке шириной всего в полтора фута, которая с одной стороны обрывалась во двор, а с другой прилегала к каменной стене со множеством выступов и неровностей. Но темные эльфы не отставали, и у беглецов не было времени обдумать свои планы. Кэтти-бри не только не отставала от Энтрери, но еще и умудрилась пару раз выстрелить вниз, просто ради того, чтобы враги не высовывались из укрытия.

За поворотом на пути у них встали два рабочих-гоблина, тупо глядевших на всю компанию. Энтрери приготовился расправиться с ними, но напуганные рабы вовсе не хотели ввязываться в битву и тут же перемахнули за край мостков и на задах съехали по крутому склону сталагмита.

За следующим поворотом они обнаружили широкий, богато украшенный балкон, футов на пять отстоявший от карниза. Энтрери прыгнул на него, заметив, что от балкона вверх поднимается надежная каменная лестница.

Как только он приземлился, ведущие на балкон двери распахнулись и из комнаты выскочили две вооруженные женщины. Первая получила в грудь серебряную стрелу, отбросившую ее обратно в комнату, а с другой Энтрери быстро разыграл партию на клинках, прикончив ее еще до того, как Дзирт и Кэтти-бри тоже оказались на балконе.

Потом пришел черед Гвенвивар. Громадная пантера перемахнула через трех своих спутников и прыгнула прямо на лестницу, чтобы дальше идти первой.

Они поднимались все выше и выше — пятьдесят футов, сто, двести. Пыхтя и отдуваясь, они продолжали бежать без остановки, поскольку деваться им было некуда. В конце концов, когда земля осталась в тысяче футов внизу, их сталагмит соединился со сталактитом, а лестница сменилась горизонтальным висячим переходом, система которых связывала воедино множество строений Дома Бэнр.

С противоположной стороны по переходу спешила группа друу, отрезая беглецам дорогу. На бегу они разряжали ручные арбалеты в Гвенвивар, прижавшую уши и грозно наступавшую на них. Маленькие стрелы с усыпляющей отравой впивались в ее шкуру, но кошка не останавливалась. Видя это, последние в отряде развернулись и побежали, те же, что были поближе, просто прыгнули через перила моста вниз и, используя левитацию, парили в воздухе.

Кэтти-бри немедленно всадила в одного из них стрелу, и умирающий друу от силы

толчка сначала стал вращаться вокруг своей оси, а потом затих в нелепом положении наискосок головой вниз, и его кровь полилась, рассыпаясь красным дождем по каменной поверхности двора. Остальные дроу, поняв, насколько опасно их положение, тут же спустились ниже и пропали из виду.

Оставшихся на дороге эльфов смяла Гвенвивар. Энтрери поспешил следом за ней и прикончил тех, кому кошка переломала кости. Потом он оглянулся на своих спутников и испустил победный клич, видя, что пространство впереди свободно.

Кэтти-бри отозвалась с равным воодушевлением, только Дзирт промолчал. Он-то лучше всех понимал, что опасность на самом деле очень серьезна. Все дроу умели левитировать (Дзирт когда-то тоже обладал этой способностью, но потом утратил ее, проведя много времени на поверхности). Скорее всего солдаты Бэнр висят сейчас в воздухе по всей длине переходов и, прячась за сталактитами, наводят на них свои ручные арбалеты.

Подвесной мост привел их к еще одному сталактиту, а потом разделился, огибая его. Гвенвивар стала обходить препятствие справа, Энтрери — слева.

Подозревая засаду, убийца скользнул за поворот на коленях. С той стороны, вытянув вперед руку с арбалетом, поджидала одна-единственная женщина. Она, правда, мигом опустила оружие, увидев показавшегося на уровне пояса убийцу, и выстрелила, но промахнулась. Энтрери ткнул ее мечом в бок и тут же вскочил во весь рост. Однако времени на рукопашную не было, и он просто использовал свой меч, засевший в ее теле, как рычаг, и перебросил женщину через перила.

Дзирт и Кэтти-бри слышали крик, и с другой стороны сталагмита тоже выпала женщина, сброшенная оттуда пантерой. Кэтти-бри двинулась было за кошкой, но услышала позади тихий свист и обернулась. Перед ее глазами взметнулся зеленый дорожный плащ Дзирта, а сама она инстинктивно пригнулась. Когда она выпрямилась, то увидела, что стрела арбалета, летевшая напрямиком ей в затылок, застряла в толстой ткани плаща.

Дзирт оправил плащ и стал рядом с девушкой, и тогда она увидела, что сзади по переходу к ним приближается целый отряд дроу.

Лучшего оружия, чем Тулмарил, в такой ситуации и придумать было нельзя.

Стрелы полетели одна за другой, сверкая серебряными вспышками, ранив и убивая темных эльфов. Девушка решила было, что может стрелять и стрелять, пока не убьет всех преследователей. Но Дзирт схватил ее за плечо, втащил за сталактит и закрыл своим телом. Как раз там, где они стояли, огненный сгусток ударился в камень, осыпав их разноцветными искрами.

— Проклятый колдун! — выкрикнула девушка. Опершись на колено, она выстрелила еще раз, уверенная, что попадет в мага. Стрела долетела до стремительно приближавшегося отряда, однако попала в какой-то волшебный барьер и рассыпалась в пыль.

— Проклятый колдун! — разъярившись, повторила Кэтти-бри, но Дзирт потянул ее за собой, и они снова побежали.

Переход по ту сторону сталактита был свободен, и беглецы намного обогнали преследователей, поскольку те двигались медленнее, опасаясь западни.

Перед ними лежал сплошной лабиринт подвесных переходов, пересекавшихся под разными углами, зато солдат Бэнр почти не было видно. Казалось, на пути опять никаких препятствий, но куда им было бежать отсюда? Громадная пещера Мензоберранзана была как на ладони, но все мостки не доходили даже до границ владений Бэнр, а сталактиты были слишком короткими, чтобы по ним перебраться на сталагмиты и попробовать спуститься на землю.

Гвенвивар, озадаченная не меньше их, замедлила шаг и присоединилась к своим друзьям, и теперь впереди снова пошел Энтрери. Вскоре он привел их к очередной развилке и оглянулся на дроу за поддержкой, но Дзирт только плечами пожал. Они оба были опытными воинами и понимали, что вражеские силы быстро собираются вокруг них.

Они подошли к новому сталактиту и стали подниматься по спиральным карнизу, шедшему вдоль его круглящегося бока. Неожиданно они обнаружили дверь — сталактит

оказался полым, но за дверью была только маленькая пустая комнатка, в такой не спрячешься. У конца подъема карниз разветвлялся в двух направлениях. Энтрери пошел налево, но внезапно остановился и упал на спину.

Над ним пролетел дротик и вонзился в поверхность сталактита у самого лица Кэтти-бри. Девушка не могла оторвать взгляда от черных щупальцев, выходящих из дротика и яростно кусавших камень. Она с ужасом представила себе, какую боль может причинить такой дротик, попав в тело.

— Всадники, — прошептал ей на ухо Дзирт и снова потянул за собой. Кэтти-бри осмотрелась, ища, куда выстрелить, и слышала над собой шаркающий звук лап бежавших по своду пещеры ящеров. Но свет, даваемый ее диадемой, был слишком слаб, чтобы можно было прицелиться.

— Дзирт До'Урден! — послышался затем окрик откуда-то снизу, где параллельно их переходу висел каменный мостик. Дзирт посмотрел туда и увидел Бергиньона Бэнра, сидевшего вниз головой на своем ящере и уже поднявшего дротик. Бросок был великолепен, учитывая расстояние и неудобный угол, но в цель он не попал.

Всадник тут же ретировался под каменный переход. Кэтти-бри спустила тетиву, но стрела чиркнула по камню и полетела вниз, на землю.

— Это был один из Бэнров, — сообщил ей Дзирт. — Он довольно опасен!

— Был опасен, — подчеркнуто невозмутимо ответила Кэтти-бри, вскинула лук и выстрелила снова, целясь в середину перехода вниз. Волшебная стрела пробила камень насквозь, и послышался пронзительный визг.

Из-под моста вылетел Бергиньон, а за ним упал мертвый ящер. Беглецы видели, как молодой воин стал левитировать, перевернулся в воздухе и медленно опустился на пол пещеры.

Дзирт, восхищенный метким попаданием, чмокнул Кэтти-бри в щеку. И сразу бросившись догонять Энтрери и Гвенвивар, они увидели убийцу и кошку, подмявшую еще одного дроу.

Однако все их усилия и маленькие победы казались тщетными. Они могли радоваться таким вот мелким удачам и много часов продержаться на висячих переходах, но силы врагов были слишком велики. Дом Бэнр мог потерять гораздо больше солдат и даже не заметить этого. Будет еще хуже, когда через некоторое время вся стража владения объединится и к охоте присоединятся Матери Домов и жрицы, а также колдуны.

Они взобрались по лесенке, опоясывавшей новый сталактит, и добрались до самого высокого уровня. Но они понимали, что над ними тоже были дроу. Враги затаились под сводами пещеры, сидя на своих ящерах, и спокойно прицеливались.

Гвенвивар внезапно остановилась, а потом как стрела взмыла вверх. Она исчезла среди сталактитов, тесно росших футах в двадцати пяти над их головой. Почти сразу же гигантская пантера тяжело грохнулась вниз, на небольшой каменный парапет, вместе с исполинским ящером, намертво вцепившись в него зубами и когтями. Они катались, терзая друг друга, и Дзирт испугался, что пантера свалится вниз.

Энтрери остановился на безопасном расстоянии от разъяренных животных, но дроу метнулся вперед, без жалости кромсая ящера саблями.

Кэтти-бри не зря не сводила взгляда с потолка. Из-за сталактитов медленно выплыл солдат, но она уже успела прицелиться. Темный эльф выстрелил из арбалета и промахнулся. Ответным выстрелом Кэтти-бри снесла верхушку сталактита рядом с ним.

Дроу мгновенно понял, что женщину с таким мощным оружием ему не одолеть. Он пробрался между сталактитами, оттолкнулся от одного из них и поплыл вдоль пещерного свода. Новая стрела вонзилась в камень неподалеку, а еще одна сбила сталактит у него перед носом, когда он только хотел за него ухватиться.

Левитирующий дроу остался висеть в открытом пространстве. Ему бы следовало стремглав броситься вниз и снова начать парить неподалеку от земли, где стрелы Кэтти-бри уже не могли его достать. Но вместо этого он поднялся еще выше, выискивая в неровном

своде пещеры какой-нибудь выступ, чтобы спрятаться.

Девушка прицелилась и спустила тетиву. Сияющая стрела пробила беднягу дроу насквозь и с грохотом вонзилась в камень, полностью в нем утонув. Через долю секунды откуда-то послышался приглушенный грохот.

Кэтти-бри недоуменно смотрела вверх, не понимая, что это такое.

Глава 25 ОТЧАЯННОЕ БЕГСТВО

Происшествия снаружи никак не повлияли на ход событий внутри часовни. Ритуал шел своим чередом, и Мать Бэнр просто распирало от гордости. Она не знала, что Дантраг и Бергиньон покинули часовню, не знала, что ее жестокая дочь Дук-Так мертва, убитая тем самым предателем, которого она собиралась вскорости продемонстрировать всем правительницам.

Мать Бэнр ощущала только сладость власти. Ей удалось сплотить дроу в единый союз. Мощнее союза не знала история темных эльфов, и она гордо стояла во главе его. Она обвела вокруг пальца известную своей проницательностью Кьорл Одран и запугала Мез'Баррис Армго, вторую по положению женщину в городе дроу. Старуха была уверена, что Ллос благосклонно взирает на правительницу Дома Бэнр.

Она слышала только песнопения, а не шум битвы, видела над собой только величественный иллюзорный образ Паучьей Королевы, беспрерывно менявшей обличье паука на обличье дроу. Да и откуда ей или кому-либо из присутствующих, с одинаковым благоговением поднимавших взгляд горе, было догадаться о яростном сражении, разыгравшемся в тысяче футах от купола часовни, на узких мостиках, соединявших бесчисленное множество сталактитов дворца Бэнр?

* * *

— Туннель! — не в силах поверить сама себе, прокричала Кэтти-бри Дзирту. Она вцепилась ему в плечо и повернула, чтобы он посмотрел туда, где все еще висел под потолком мертвый дроу.

Дзирт взглянул на нее, явно ничего не поняв.

— Там, наверху! — закричала она. Девушка вскинула лук и снова выстрелила. Стрела вонзилась в основание сталактита, но насквозь не прошла.

— Да говорю же тебе, наверху есть туннель! — возбужденно объяснила Кэтти-бри. — Над пещерой!

Дзирт с сомнением обвел глазами потолок. Он верил девушке, но совершенно не представлял, как туда попасть. Ближайший к своду переход не доставал до него по меньшей мере десять футов. Правда, пролегал он футах в тридцати в стороне и всего в паре футов над их головами, но добраться туда можно было только в обход, пробежав много сотен ярдов.

— Что там такое? — окликнул их Энтрери, вернувшись к своим замешкавшимся спутникам. За их спинами он увидел вдалеке очертания целого отряда дроу.

— Возможно, над нами есть туннель, — поспешно пояснил Дзирт.

По лицу Энтрери было ясно, что он ничего не понимает, но его реакция только подхлестнула Кэтти-бри. Она снова подняла лук и спустила одну за другой несколько стрел, все в основание неподдающегося сталактита.

Недалеко от них, на том самом мосту, где они стояли, взорвался огненный шар, весь мост затрясся, а в месте взрыва камни и металл расплавились, угрожая крушением перехода.

Кэтти-бри стремительно обернулась и дважды быстро выстрелила, убив одного дроу и вынудив остальных отступить под прикрытие опорного сталактита. Откуда-то из темноты выскочила Гвенвивар, и сразу же защелкали арбалеты.

— Надо смываться! — поторопил их Энтрери, схватил Дзирта и попытался утянуть его

за собой. Но воин стоял неподвижно и с надеждой смотрел на девушку, снова стрелявшую вверх. Кальцит как будто стал поддаваться.

Потом сталактит затрещал и, отломившись с одного края, повис под странным углом. Через мгновение он оборвался и полетел вниз. Дзирту показалось, что он попадет в светившийся сиреневым светом купол часовни, но он тысячей осколков разлетелся неподалеку от нее.

Дзирт стал пристально всматриваться в образовавшуюся выбоину. Вдруг глаза его широко раскрылись, и в них промелькнула искра надежды.

— Ветер, — с трудом переведя дыхание, тихо сказал он. — Ветер из туннеля!

Так оно и было. Давление в туннеле и пещере уравнивалось, и шум вырывавшегося на волю воздуха нельзя было ни с чем спутать.

— Но как нам туда попасть? — спросила Кэтти-бри.

Энтрери, моментально оценивший обстановку, уже распаковывал свой мешок. Он извлек оттуда длинную веревку с привязанным к ней крюком и стал раскручивать ее над головой. С первого раза он зацепил крюк за ближайший к отверстию мост. Другой конец веревки он быстро привязал к перилам перехода, на котором они стояли. Дзирт, ни секунды не колеблясь, вскочил на канат и проворно пошел вперед. Чем дальше, тем увереннее и быстрее двигался ловкий дроу.

Но вдруг у самого конца веревки возник темный эльф, до сих пор незаметный благодаря чарам невидимости, и рассек ее острым, как лезвие, мечом.

Дзирт успел ухватиться за веревку и повис, раскачиваясь, как маятник, туда-сюда, десятью футами ниже своих спутников.

Дроу злорадно ухмылялся, но в следующий миг в него вонзилась серебряная стрела, и улыбка сразу пропала с его лица.

Дзирт начал карабкаться вверх, но, когда мимо просвистела стрела из арбалета, остановился. За первой стрелой последовала другая, он посмотрел вниз и увидел приближавшихся по воздуху солдат, на лету стрелявших в него.

Энтрери изо всех сил тянул веревку на себя, стараясь помочь Дзирту. Когда дроу схватился за край мостика, убийца втащил его и забрал веревку. Озадаченно посмотрев на оборванный край, он соображал, как, Девять Проклятых Кругов, зацепить веревку без крюка за далекий навес. Потом он удовлетворенно фыркнул, связал ее наподобие лассо и взглядом искал какой-нибудь подходящий выступ.

Дзирт закинул на мостик одну ногу и попытался выпрямиться, но тут оглушительный взрыв разнес на куски переход прямо под ними. Дроу и Кэтти-бри припали к каменному настилу. Дзирт снова сорвался и повис на кончиках пальцев, а камень, на котором стояла прежде девушка, треснул.

У самого лица дроу арбалетный дротик впился в камень; еще один вонзился ему в сапог, но насквозь не прошел. К тому же теперь Дзирт светился феерическим мерцанием, став еще более легкой целью для врагов.

Он посмотрел на приближающихся дроу, обратился к своим магическим способностям и послал им навстречу темный шар. Потом подтянулся на руках, влез на мостик и увидел, что Кэтти-бри отстреливается от темных эльфов, а Энтрери в который раз забрасывает лассо, беспрерывно ругаясь.

— Зацепить не за что, — гаркнул он, и никому не надо было объяснять, чем это им грозит. Дроу приближались снизу и сзади. Сам переход готов был вот-вот рухнуть, с него надо было немедленно уходить, к тому же, словно для того, чтобы еще усилить ощущение обреченности, показалась Гвенвивар, похоже спасающаяся от преследования.

— Мы не сдадимся, — шепнула Кэтти-бри, решительно блеснув глазами. Она пустила еще одну стрелу назад, потом упала и ухватила рукой за край мостика. Из вызванной Дзиртом сферы мрака показался маг, державший в вытянутой руке волшебную палочку.

Кэтти-бри выстрелила, и ее стрела расколола палочку надвое и оцарапала магу плечо, пролетев дальше. Он вскрикнул, но не от боли, а от страха, поскольку одного взгляда на

палочку ему было достаточно, чтобы понять, что случится, когда магическая энергия вырвется наружу. С типичной заботой дроу о собратьях маг швырнул обломки вниз, во тьму, на головы своих поднимающихся соплеменников, а сам усилил чары левитации и на полной скорости вознесся выше, вне пределов досягаемости огненных разрывов, грохот которых, а также вопли ужаса погибавших дроу не заставили себя ждать.

Однако ему следовало бы быть осмотрительнее, потому что он так и не понял, что случилось, когда стрела Кэтти-бри раздробила ему позвоночник.

Избавившись от опасности с этой стороны, девушка поднялась на колени и продолжила осыпать стрелами упрямых темных эльфов, по-прежнему пытавшихся добраться до них по подвесному переходу. Стрелы из арбалетов до нее пока что не долетали, и вряд ли долетели бы метательные дротики, но девушка понимала, что враги скоро изменят тактику.

Гвенвивар не шла ни в какое сравнение с обычной пантерой, она была намного разумнее животных. Вернувшись к своим спутникам, оказавшимся в безнадежном положении, она сразу поняла, в чем главное затруднение. Пантера была серьезно ранена, в ее шкуре засело не меньше десятка усыпляющих дротиков, но верность хозяину не позволила ей оставить Дзирта в беде.

Когда кошка неожиданно бросилась к Энтрери и зубами выхватила веревку у него из рук, он с криком упал и в тот же миг схватился за оружие, решив, что пантера на него напала. Однако Гвенвивар остановилась, отогнав Дзирта и Энтрери подальше, повернулась и, оттолкнувшись от моста, взмыла в воздух.

Она хотела приземлиться на том самом мостике, куда целился Энтрери, но инерция прыжка была слишком велика, поэтому она проскользнула по гладкому камню и упала с другой стороны перехода. Веревку, однако, кошка из пасти не выпустила и рывком остановилась, когда канат натянулся на всю длину, повиснув двадцатью футами ниже моста.

Испугавшись за кошку, Дзирт вскочил на импровизированный канат и почти побежал вперед, несмотря на то, что Гвенвивар не очень надежно его держала.

Энтрери схватил Кэтти-бри и подтолкнул к веревке, жестом показав следовать за дроу.

— Я же не канатоходец! — раскрыв глаза от ужаса, воскликнула девушка.

— Так учись! — осадил ее убийца и так сильно дернул, что она чуть не свалилась с моста. Кэтти-бри боязливо поставила одну ногу на веревку и попыталась перенести на нее вес всего тела, но тут же отступила, отчаянно замотав головой.

Энтрери бросился мимо нее к веревке.

— Тогда отстреливайся! — приказал он. — Потом отвяжешь этот конец!

Кэтти-бри не поняла, что он имел в виду, но расспрашивать было некогда. Энтрери уже бежал по веревке, словно по ровной земле. Девушка выстрелила назад, потом повернулась и пустила стрелу вперед, где как раз показались два дроу, преследовавшие Гвенвивар.

Так она и крутилась, не имея даже возможности прицелиться, поэтому стрелы почти не попадали во врагов.

Кэтти-бри выпустила глубокий вздох. Она от души пожалела о том будущем, которого у нее уже никогда не будет. Но потом девушка решительно улыбнулась. Если уж ей суждено упасть вниз, она прихватит с собой не одного врага.

А Дзирт будет свободен!

* * *

Некоторые из тех, кто находился внутри колоссальной часовни Дома Бэнр, слышали, как сталактит грохнулся о каменный двор, но звук был очень слабым, его заглушили толстые стены и две тысячи голосов, восхвалявших Ллос.

О происшедшем Матери Бэнр сообщила ее дочь Сосумпту, улучив минутку, чтобы шепнуть ей на ухо, что на территории Дома творится что-то неладное.

Неожиданное вмешательство в ход церемонии больно ранило Мать Бэнр. Она обвела взглядом остальных правительниц, но прочла в их глазах, что они целиком и полностью

преданы ей. Однако она разрешила Сосумпту послать нескольких стражей элитного гарнизона — только тайно — разузнать, что происходит.

Затем глава первого Дома вернулась к церемонии, улыбкой давая понять, что ничего необычного не случилось — не считая, конечно, этого из ряда вон выходящего собрания. Мать Бэнр настолько не сомневалась в непоколебимой мощи своего Дома, что боялась лишь того, что может нарушить священный ход церемонии и унижить ее в глазах Ллос.

Она же не могла предположить, что там, в вышине, скачут по узким мосткам трое беглецов и пантера.

* * *

Свесившись с края мостика, Дзирт утешал свою дорогую израненную подругу и даже не слышал, что Энтрери соскочил с веревки за его спиной.

— Мы ничем не поможем твоей кошке! — жестко сказал он. Дзирт обернулся и тут заметил, что Кэтти-бри осталась на той стороне, теснимая врагами.

— Ты ее бросил! — вне себя закричал дроу.

— Она не могла перейти на эту сторону! — огрызнулся убийца. — Пока что.

Дзирт, одержимый яростью, схватился за оружие, но Энтрери, не обращая на него ни малейшего внимания, повернулся в сторону Кэтти-бри, которая стояла на коленях и возилась с какими-то непонятными предметами.

— Отвязывай веревку! — закричал ей Энтрери. — Только держись крепко и толкнись как следует!

Дзирт, мысленно обзывая себя тупицей за то, что не догадался сразу, отпустил эфесы сабель и бросился помогать Энтрери держать веревку. Ведь как только девушка отвяжет тот конец, падающая шестисотфунтовая пантера потащит ее за собой. Дзирт прекрасно понимал, что даже вдвоем им с Энтрери не удастся удержать кошку на весу дольше нескольких мгновений, но они, по крайней мере, должны были ослабить натяжение, чтобы девушка успела ухватиться за канат, который иначе мигом проскользнет у нее между пальцами.

Однако девушка не спешила заняться веревкой, несмотря на отчаянные крики Энтрери и приближавшихся с двух сторон темных эльфов. Наконец она все же наклонилась над узлом, но почти сразу выпрямилась и крикнула:

— Узел слишком тугой!

— Черт, у нее же нет ножа! — выругался Энтрери, поняв свой просчет.

Дзирт выхватил Сверкающий Клинок и встал на веревку, в одно мгновение решив вернуться и умереть вместе с дорогой Кэтти-бри. Но девушка уже закинула лук за плечо, вскочила и ухватилась за импровизированный мостик с выражением смертельного страха на лице. Она поползла вперед, цепляясь руками и коленями. Десять футов, пятнадцать, половина пути.

Серебряные стрелы не мешали больше темным эльфам выйти из укрытия, и они ринулись вперед. Первый из них уже был почти у самых перил и легко мог попасть в девушку из арбалета.

Но вдруг все они разом остановились и тут же стали в суматохе разбегаться, а некоторые даже прыгали вниз с моста.

Дзирт не понял, в чем дело, однако подумать ничего не успел, потому что в тот же миг на мостике, как раз между двумя группами дроу, грянул взрыв. Волны пламени докатились и до Дзирта, и он упал на спину, закрывшись руками.

Но через долю секунды раздался вопль Энтрери, потому что веревка, перегоревшая на том конце, скользнула мимо, увлекаемая весом Гвенвивар.

Они оба бросились на пол и ухватились за канат как раз в то мгновение, когда он остановился, потому что Гвенвивар, поняв, что погубит Кэтти-бри, разжала зубы и полетела вниз, во тьму.

Переход, с которого они убежали, треснул и развалился надвое, обрушившись на

одного из левитирующих дроу и унося с собой тех, кто не успел удрать. Правда, большинство эльфов остались живы и наверняка успеют повиснуть в воздухе, не долетев до земли, но зато всеобщее замешательство дало беглецам еще немного времени.

Кэтти-бри, с покрасневшим от жара лицом, в дымящемся плаще, все же соображала быстро и сразу схватила протянутую Дзиртом руку.

— Отпусти Гвен! — едва слышно, потому что опаленные легкие жгло огнем, попросила она, но дроу сразу понял ее. Одной рукой держа девушку, он другой выудил статуэтку у нее из-за пояса и крикнул, чтобы пантера уходила. Оставалось только надеяться, что кошку затащит на Астральный уровень прежде, чем она коснется земли.

Потом он подтянул Кэтти-бри на мостик и крепко обнял ее. Энтрери тем временем отцепил крюк и привязал его к веревке. Ловким броском он закинул его в дыру, оставленную снесенным Кэтти-бри сталактитом.

— Давай! — крикнул он Дзирту, и дроу немедленно пополз вверх, пока Энтрери обматывал конец веревки вокруг металлических перил. Кэтти-бри полезла следующей, но не так быстро, как дроу, и Энтрери без конца громко бранил ее, боясь, что из-за ее медлительности враги снова нагонят их.

Дзирт уже видел, как эльфы поднимаются в воздух с пола пещеры, но им потребовалось бы много времени, чтобы взлететь так высоко.

— Здесь все чисто! — крикнул он из туннеля, и все немножко расслабились, зная теперь наверняка, что наверху действительно был туннель, а не просто небольшая полость.

Энтрери отпустил конец веревки и, схватившись за нее, проворно стал карабкаться вверх.

Дзирт помог Кэтти-бри перелезть через край и с минуту смотрел на поднимавшегося человека. Он вполне мог бы сейчас перерезать канат, тем самым убив Энтрери, и мир стал бы от этого только лучше. Однако чувство долга не позволило ему это сделать, ведь он дал слово, и Кэтти-бри тоже. К тому же убийца проявил немало героизма ради того, чтобы они все сейчас оказались здесь, и негоже Дзирту опускаться до мошенничества.

Он схватил убийцу за плечо и втащил его в отверстие туннеля. Держа наготове Тулмарил, Кэтти-бри обошла отверстие кругом, высматривая, не преследуют ли их темные эльфы. Но тут ее взгляд задержало сиреневое мерцание купола далеко внизу, почти под самой дырой. Ей вдруг пришла в голову мысль, какие лица были бы у присутствовавших на молении дроу, если бы Гвенвивар проломила крышу здания, — и вдруг она придумала что-то совсем другое. Еще раз взглянув на купол, она злорадно ухмыльнулась и внимательно осмотрела потолок пещеры у себя под ногами.

Туннель был естественным, с кривыми стенами, но зато достаточно широкий, чтобы могли пройти три человека. Впереди что-то блеснуло в темноте, и мужчины поняли, что их здесь кто-то ждал.

Дзирт, выхватив сабли, метнулся вперед, чтобы расчистить дорогу. Энтрери двинулся было за ним, но остановился, заметив, что Кэтти-бри почему-то вернулась к дыре.

— Ты что? — спросил он, но девушка не ответила, только наложила стрелу на тетиву, примериваясь, куда выстрелить.

Но вдруг из бокового ответвления коридора на нее бросился солдат, она вскрикнула и отшатнулась. Однако солдат далее не успел занести меч, потому что в тот же миг в его грудной клетке глубоко засел кинжал. Энтрери уже оказался рядом и встретил следующего нападающего, крикнув Кэтти-бри, чтобы она бежала вперед, к Дзирту.

— Задержи их! — только и сказала девушка, даже шага не сделав в ту сторону.

— Задержать? — недоуменно спросил Энтрери. Он уже покончил со вторым дроу и дрался с третьим, тогда как еще два спасались бегством, даже не вступив в схватку.

* * *

Дзирт завернул за угол и даже оттолкнулся от стены ногами, чтобы не сбавлять

скорость.

— Герой! — раздалось насмешливое приветствие на языке дроу. Дзирт остановился и увидел Бергиньона и Дантрага Бэнров, непринужденно сидевших в седлах, загораживая туннель.

— Какое героическое бегство! — продолжал Дантраг, но на его лице играла такая глумливая усмешка, что Дзирту показалось, будто их отчаянное бегство только для того и предназначалось, чтобы позабавить оружейника и его неуязвимого братца.

Глава 26 СЮРПРИЗ ОТ КЭТТИ-БРИ

— А мне казалось, что твой ящер выпал прямо из-под тебя, — невозмутимо заметил Дзирт, стараясь не выдать своей досады.

Бергиньон холодно глянул на него, но ничего не ответил.

— Да, выстрел был хорош, — согласился старший брат, — но пострадал всего лишь ящер, будем считать это платой за развлечение, которое ты и твои достойные сожаления друзья нам устроили. — Дантраг небрежно взял длинное копьё у брата. — Ну что, ты готов к смерти, Дзирт До'Урден? — спросил он, наставляя на него наконечник.

Дзирт пригнулся и скрестил сабли перед собой. «Где же Кэтти-бри и Энтрери?» — подумал он, решив, что они натолкнулись на сопротивление, вероятнее всего, солдат Дантрага.

Представив себе, что Кэтти-бри уже, может быть, нет в живых, он почувствовал отчаяние, но сразу отогнал непрошенные мысли, решив, что должен верить в девушку и ее умение постоять за себя.

Ящер Дантрага высоко подпрыгнул и засеменил по стене куда-то в сторону. Дзирт не знал, откуда он появится. Может, снова окажется на полу? Или на стене повыше и поближе к нему? А может, оружейник остановит животное на потолке как раз над головой Дзирта, чтобы проще было метнуть копьё?

Дантрагу ведь прекрасно известно, что Дзирт много лет провел на поверхности, где над головой нет никаких потолков и сводов, только небо. Может, он решит, что напасть сверху — самый хитрый шаг?

Дзирт сделал вид, что двинулся к противоположной стене, но в тот момент, когда Дантраг загнал свое липколапое животное на потолок, упал на колени. Острие копья прошло всего на волосок от головы Дзирта, и он вскочил, ухватившись за его рукоять.

Но внезапно он почувствовал жжение в поясице и, обернувшись, увидел, что Бергиньон, спокойно сидя на своем ящере, перезаряжает арбалет.

— Никто ведь не говорил, что схватка должна быть честной, Дзирт До'Урден! — со смехом заявил Дантраг. Он развернул своего вышколенного ящера, спустился на нем на пол туннеля, поднял и снова нацелил копьё.

* * *

Энтрери старался побыстрее разделаться с упорным эльфом и бешено размахивал мечом и кинжалом. Но противник не уступал ему в умении, нанося быстрые и точные удары. Его отбежавшие на безопасное расстояние товарищи, видя, что он уверенно отражает нападение убийцы, стали понемногу возвращаться.

— Что ты делаешь? — снова раздраженно спросил Энтрери у Кэтти-бри.

— Перестань ныть и кончай с дроу скорее, — огрызнулась девушка.

Энтрери недоуменно посмотрел на нее, не зная, что и думать о своей странной спутнице. Вдруг, улыбнувшись какой-то неожиданно пришедшей в голову мысли, Кэтти-бри вынула ониксовую фигурку и бросила ее на пол.

— Возвращайся, Гвенвивар, — с нарочитым спокойствием произнесла она. — Моему

бравому напарнику не справиться без твоей помощи.

Энтрери взвыл и с новой силой стал теснить своего противника, но именно на это девушка и рассчитывала. Его меч описывал большие дуги, а кинжал при малейшей возможности норовил вонзиться в тело дроу.

Темный эльф что-то выкрикнул, и один из его товарищей, стоявших неподалеку, набрался храбрости и приблизился к противникам. Энтрери зарычал и невольно отступил на шаг.

Прямо у него под носом, на миг ослепив убийцу, мелькнула сияющая стрела, и когда он снова стал ясно различать предметы, перед ним опять стоял только один дроу, а тех, что наблюдали за ними из бокового коридора, и след простыл.

Энтрери саркастически фыркнул в сторону Кэтти-бри, но она так самозабвенно стреляла по камню и так была поглощена разговором с вернувшейся пантерой, что ничего не слышала.

* * *

Отрава дроу жгла ему спину, но он чувствовал, что целительное зелье все еще делает свое дело и он в состоянии сопротивляться. Намеренно сделав вид, будто впадает в забытие, он услышал, как злорадно рассмеялся Дантраг. Потом послышался вполне предсказуемый щелчок арбалета Бергиньона, тогда Дзирт упал на камень, а маленькая стрела пролетела над ним и едва не попала в оружейника, с которого вдруг разом слетело все веселье.

Дантраг напал на Дзирта прежде, чем он успел вскочить на ноги, и на этот раз Бэнр не стал использовать никаких трюков. Дзирт припал на одно колено, откинулся назад и едва увернулся от смертоносного копья, просвистевшего под его высоко поднятой рукой. Дантраг с какой-то невероятной скоростью ударил его по лицу наотмашь, промчавшись мимо, а Дзирт даже не смог ответить, потому что за эту ничтожную долю секунды не успел опустить поднятые для защиты от копья сабли.

Дантраг развернулся и снова с непостижимой быстротой напал на него. Дзирту оставалось лишь пригнуться, тогда как мощное копье прочертило глубокую борозду в камне. Дзирт молниеносно выпрямился, надеясь наконец нанести ответный удар, но Дантраг опять оказался слишком скор. Старший Бэнр успел выхватить меч и не только предупредить нападение Дзирта, но и полоснуть по его вытянутой руке. Затем меч вернулся в ножны так быстро, что Дзирт даже не разглядел, как Дантраг его туда сунул.

Ящер под оружейником развернулся и стал взбираться вверх по стене. Дзирту пришлось сделать стремительный кувырок назад, чтобы увернуться.

— Ну и сколько еще ты продержишься, Дзирт До'Урден? — насмешливо спросил оружейник, уверенный, что Дзирт, несмотря на весь свой боевой пыл, уже должен устать.

Дзирт тихо застонал от бессилия, потому что Дантраг был прав, но, поднимаясь, воин вдруг заметил краем глаза такую знакомую морду черной пантеры, показавшейся из-за поворота.

Дантраг как раз разворачивал ящера для очередного пробега мимо Дзирта. Но пантера врезалась в рептилию на полной скорости, и животное перевернулось вверх тормашками, а с ним и всадник, пристегнутый для верховой езды. Оружейник сумел как-то ослабить ремни и высвободиться, а пантера и ящер покатались, сцепившись в клубок. Когда Дантраг выпрямился, было заметно, что он испугался.

— Теперь все будет по-честному, — заявил Дзирт.

Между его саблей и Дантрагом просвистела арбалетная стрела и впилась Дзирту в плечо.

— Это вряд ли, — отозвался Дантраг, снова улыбаясь. С непостижимой скоростью он выхватил мечи из ножен и пошел в наступление. В его мысли вклинился телепатический посыл, исходивший от меча, наконец дождавшегося столь желанной битвы.

Вряд ли, взвыл меч.

* * *

— Да что ты задумала? — почти не обращая внимания на противника, нетерпеливо выкрикнул Энтрери, когда пантера пронеслась мимо них. Сбитый с толку убийца выместил свою досаду на единственном оставшемся дроу, проведя комбинацию из трех ударов, в результате которой солдат потерял равновесие и получил серьезное ранение в руку. Если бы внимание Энтрери не было отчасти приковано к Кэтти-бри, он завершил бы схватку гораздо скорее.

— Дырки буравлю, — отозвалась девушка так, словно теперь все должно было стать ясно. Она быстро спустила тетиву несколько раз подряд, отколов несколько кусков от гигантского сталактита. Одна стрела даже прошла камень насквозь и упала в пещеру.

— Там впереди дерутся! — крикнул Энтрери. — К тому же темные эльфы скоро поднимутся через эту дыру в потолке.

— Тогда кончай со своим делом! — рявкнула девушка. — А мне дай закончить мое!

Энтрери удержал готовую сорваться с языка грубость, а про себя подумал, что, если им всем суждено будет остаться в живых, он заставит девушку пожалеть о том, что она выжила.

Думая, что противник отвлекся, и надеясь одержать скорую победу, дроу с удвоенными силами набросился на убийцу. Но Энтрери в мгновение ока взмахнул мечом направо, налево и сделал выпад вперед, отбив в стороны оба меча и снова болезненно порезав раненую руку противника.

* * *

Гвенвивар и подземный ящер, сцепившись и разрывая друг друга когтями, катались, как тугой комок из шерсти и чешуи. Длинношеяя рептилия кусала пантеру в бок, но та упрямо держалась зубами за основание ее шеи. Зато Гвенвивар глубоко вонзила когти ящера в брюхо, не давая тому возможности освободиться. Передними лапами кошка цепко держалась, тесно прижавшись к покрытой чешуей коже, а задними лягала ящера, вырывая когтями клоки кожи.

Она уже вот-вот должна была одержать победу, но тут почувствовала боль в спине от удара мечом.

Пантера рывком повернулась, выдрав кусок из плеча ящера, но от боли у нее почернело в глазах, и пантера, и так уже утомленная и израненная на висячих мостах, вынуждена было сдаться. Она обратилась в мглистый туман и по межуровневому коридору вернулась обратно на Астральный уровень.

Потрепанный ящер, истекая кровью, с клоком кожи, свисающим с брюха, быстро повернулся и заковылял прочь, ища какую-нибудь нору, чтобы туда забиться.

Бергиньону на него было наплевать. Он сидел на своем собственном ящере и с живым интересом следил за ходом битвы. Начав было заряжать арбалет, он передумал, поскольку ему вдруг пришла в голову мысль, что, кто бы ни победил, выиграет-то он.

Небрежно положив лезвия мечей на плечи, Дантраг вразвалочку подошел к Дзирту и стал перед ним. Дзирт решил, что он хочет что-то сказать, но оружейник стремительно взмахнул клинком. Дзирт успел заблокировать удар саблей, но Дантраг полоснул другим мечом и ткнул его в лицо эфесом первого.

Дзирт почти не различал его движений. Он вовремя выставил вперед Сверкающий, но тычок эфесом пропустил. И сразу получил второй сильный удар в лицо — Дантраг так быстро взмахнул другой рукой, что Дзирт опять не успел уклониться.

Тогда Дзирт понял, что дело в магии, ведь никто от природы не может двигаться с такой скоростью.

Лезвие одного из мечей Дантрага загорелось тонкой, как волос, красной линией, но движения оружейника были так стремительны, что Дзирт видел только красноватый туман

вокруг. Единственное, на что он был способен, — отражать удары и каждый раз с облегчением слышать лязг металла. Пытаться перейти в нападение и думать было нечего; Дзирту оставалось лишь надеяться, что Дантраг быстро выдохнется.

Но Бэнр, вполне убедившись, что Дзирт, как и любой другой дроу, в схватке с ним может только отбиваться, самодовольно улыбался.

Сверкающий Клинок перехватил удар мечом в левый бок; светящийся меч Дантрага взлетел высоко вверх, и Дзирт чуть не оступился, выбросив вторую саблю высоко над головой. Меч скрестился с самым кончиком сабли, и Дзирту просто не к чему было приложить усилие, чтобы отклонить вражеский клинок. Поэтому он пригнулся и тут же метнулся в сторону, а меч просвистел над его головой и глубоко врезался в каменную стену.

Дзирт чуть не вскрикнул, увидев, что невероятно острое лезвие разрезало камень, словно это был кусок любимого вонючего сыра Бренора Боевого Топора.

— Ну, так сколько же ты продержишься? — поддразнил его Дантраг. — Ты не так уж и быстр, Дзирт До'Урден. Скоро я тебя прикончу. — И оружейник снова ринулся в бой, чувствуя себя еще увереннее.

Сначала Дзирт был выбит из колеи; он боялся последствий своего поражения и при этом все время вынужден был отступать. Но сейчас он это четко осознал и заставил себя сосредоточиться исключительно на своем противнике. У него уже не хватало сил реагировать на молниеносные движения Дантрага; нужно было смотреть в корень, понять тактику этого хитрого, опытного врага и научиться предугадывать его ходы, как он это сделал, когда Дантраг хотел напасть на него сверху, сидя на ящере. Дзирт знал, что Дантраг направит животное на свод туннеля, потому что смог взглянуть на ситуацию глазами оружейника Дома Бэнр.

Так получилось и теперь. Дантраг провел комбинацию выпадов влево, вправо, влево и снова влево, но Дзирт успевал парировать каждый, по существу предупреждая удары прежде, чем Дантраг делал выпад. Оружейник дрался примерно так же, как Закнафейн, когда тренировал Дзирта. Но хотя Дантраг и двигался быстрее любого дроу, Дзирт стал подозревать, что изменить траекторию уже начатого движения противник не в состоянии.

Он отбил высоко занесенный меч, сделал оборот, взмахнув Сверкающим Клинком и заблокировав ожидаемый выпад второго меча. Теперь Дзирт был уверен: Дантраг такой же заложник собственной необыкновенной скорости, как и те, с кем он сражается.

Последовал мощный выпад, но Дзирт за миг до этого упал на колени, держа одну саблю над головой. Дантраг уже занес второй меч, но Сверкающий Клинок на долю секунды опередил его. На внешней стороне голени Дантрага остался длинный порез, и он отскочил назад.

Но тут же объятый яростью оружейник кинулся на Дзирта, с лязгом обрушивая удары на его клинки и заставляя его поднимать их все выше. Дзирт парировал каждый выпад, в полном согласии с движениями Дантрага. Потом он вдруг понял, чего добивался оружейник, — это был тот же сценарий, что они не раз проигрывали с отцом.

Но Дантраг не знал — потому что это было известно только Дзирту и Закнафейну, — что его противник умеет отражать этот обычно беспроигрышный способ нападения.

Вынудив Дзирта поднять сабли еще выше, Дантраг сделал шаг вперед. Эта атака называлась двойной нижней выпад и заключалась в том, чтобы заставить противника высоко поднять оружие, а потом вдруг чуть отступить и нанести прямой удар сразу двумя клинками.

Дзирт отпрыгнул назад и ударил по мечам скрещенными саблями, единственно возможным отражением хитрого хода. Но, даже защищаясь, Дзирт нападал. Он перенес вес на опорную ногу, а пяткой другой ударил как раз между глаз оружейника.

Получив такой удар, Дантраг отступил сразу на несколько шагов. Дзирт бросился на ошеломленного дроу, бешено работая клинками. Теперь он вел схватку, а Дантрагу приходилось защищаться, и невероятная скорость ему не слишком помогала.

Удары сабель сыпались на него под самыми немыслимыми углами, и оружейник был вынужден следовать движениям противника, отражая их. Дзирт не знал, долго ли сможет

продолжать столь жаркое наступление, но понимал, что нельзя позволить Дантрагу снова перейти в нападение.

К чести Дантрага, он быстро сориентировался и хорошо парировал удары, всегда успевая уклониться, если сабли противника проникали сквозь его защиту. Дзирт обратил внимание, что только руки старшего Бэнра двигались с молниеносной скоростью, все остальные части его прекрасно тренированного тела хоть и совершали отточенные движения, что было неудивительно для оружейника Дома Бэнр, но не отличались сверхъестественной быстротой. Но и Дзирт умел двигаться не хуже.

Выпад Сверкающим вперед — и меч Дантрага лязгнул по боковой стороне лезвия. Хитрый Дзирт слегка вывернул клинок и, используя кривизну лезвия, выдернул саблю из-под меча, кольнув Дантрага в руку.

Тот отпрыгнул, но Дзирт, размахивая клинками, не отставал. Еще и еще раз Дзирт использовал в своих интересах превосходную защиту Дантрага, нанося тому незначительные ранения. Блокировки мечами были слишком прямыми и жесткими, и неуловимые движения изогнутых клинков обращали это в недостаток.

С коварной улыбкой Дзирт вдруг подумал, может ли Дантраг так же просчитывать его ходы, как он просчитывал ходы оружейника. Он сделал выпад вперед, и в тот же миг по его клинку со звоном стукнул меч. Дзирт стал поворачивать лезвие, а Дантраг — убирать руку.

Но внезапно До'Урден остановился и продолжил движение вперед быстрее, чем Дантраг успел среагировать. Сабля глубоко вонзилась в другое предплечье, далеко откинув руку оружейника, а потом полоснула назад, ранив Дантрага в живот.

Содрогнувшись от боли, Бэнр все же смог отскочить.

— А ты ничего, — одобрил он, стараясь сохранять наглый вид, но по дрожи в его голосе Дзирт понял, что последняя рана оказалась серьезной.

Дантраг вдруг улыбнулся и, посмотрев в сторону, позвал:

— Бергиньон!

Но брата нигде не было видно.

— Он сам не прочь стать оружейником, — спокойно заметил Дзирт.

Дантраг зарычал от злости и ринулся вперед, неожиданно перейдя в нападение.

* * *

Меч взметнулся вверх, и убийца сделал шаг вперед, глубоко всадив кинжал в тело врага. Он повернул упивавшийся кровью клинок несколько раз, а потом рывком выдернул его и отступил, а мертвый дроу осел на каменный пол.

Энтрери, однако, не спешил предаваться мечтаниям и немедленно отпрыгнул в сторону, а мимо него просвистела целая туча маленьких стрел и ударилась в противоположную стену.

Потом он повернулся к все еще стоявшей на коленях Кэтти-бри и потребовал объяснить, что она делает.

Милая девушка с невинной улыбкой показала ему еще одни песочные часы и осторожно опустила их в одно из проделанных ею отверстий.

Энтрери вдруг побледнел, когда понял, что именно взорвалось на мосту и что она собиралась сделать сейчас.

— Надо бежать, — бросила Кэтти-бри, проворно вскакивая и подхватывая Тулмарил.

Но Энтрери и так уже мчался по коридору, даже не повернув головы в сторону бокового прохода.

Кэтти-бри, смеясь, следовала за ним. При этом она чуть задержалась перед отверстием, выстрелив в поднимавшихся по воздуху дроу, чтобы они не рассчитывали на теплый прием.

* * *

Выпад вправо, выпад влево, левый нижний удар, правый нижний удар. Нападение Дантрага было грубым и напористым, но Дзирт легко парировал и отражал удары, а потом снова воспользовался запасным оружием — ногой. Он пнул оружейника в раненый живот.

Дантраг не смог устоять и согнулся пополам, а потом опять вынужден был перейти в защиту, все слабее отражая беспрерывно сыпавшиеся удары Дзирта.

Из-за угла показался Энтрери.

— Беги! — крикнул он на ходу и, даже несмотря на то, что без Дзирта ему отсюда было не выбраться, не отважился остановиться и потащить дроу за собой.

Следом появилась Кэтти-бри, как раз в тот момент, когда сабли Дзирта блеснули и скрестились с мечами Дантрага. Одновременно Дзирт нанес противнику удар коленом, и оружейник, захлестнутый волной жгучей боли, понял, что больше не может сопротивляться.

Дзирт вывернул Сверкающий из-под меча Дантрага и ткнул им под ребра оружейнику. Какой-то миг они глядели друг другу в глаза.

— Закнафейн бы тебя победил, — хмуро сообщил дроу и глубоко всадил клинок в сердце Дантрага.

Потом Дзирт повернулся к Кэтти-бри, на лице которой, казалось, были только огромные, широко открытые от ужаса глаза.

В следующее мгновение она как-то странно кинулась к нему, и дроу не сразу понял, что она оторвалась от пола, подброшенная вверх ударной волной.

Глава 27 КАЖДЫЙ ПОЛУЧАЕТ СВОЕ

Ослепительное пламя и взрывные волны раскачивали сталагмит на потолке пещеры, а он трещал и не желал поддаваться. Но наконец он отломился и упал, как гигантское копье, со свистом пролетев тысячу футов вниз.

Повисшие в воздухе дроу смотрели, как он проносится мимо, подавленные страхом и бессильные что-либо сделать.

А под куполом часовни церемония шла своим ходом.

Женщина из элитной стражи Дома Бэнр бросилась к центральному возвышению, крича что-то, как одержимая. Сначала Мать Бэнр и другие подумали, что она охвачена религиозным экстазом и впала в буйство, что было нередким явлением во время ритуалов дроу. Но постепенно они различили, что женщина выкрикивает какие-то предупреждения.

Семь правительниц с подозрением посмотрели на Мать Бэнр, и даже у ее дочерей появились смутные сомнения.

Но тут сталактит проломил крышу часовни...

* * *

Дзирта тоже оторвало от пола, и он поймал Кэтти-бри уже в воздухе. Оба упали, и он перевернулся, накрыв собой девушку.

Они кричали, но ни один не слышал другого, все перекрывал жуткий грохот взрыва. Дзирт чувствовал, что спине стало жарко, потому что одежда загорелась в нескольких местах, когда его лизнуло огненной волной.

Потом все закончилось так же внезапно, как и началось. Дзирт встал, сорвал с себя горящий плащ и, испугавшись, что от удара или взрыва девушка потеряла сознание, упал на колени перед Кэтти-бри, которая даже не пошевелилась.

Потом она приоткрыла один глаз и улыбнулась ему хитренькой улыбкой.

— Бьюсь об заклад, теперь позади все чисто, — сказала она и подмигнула, отчего Дзирт едва не рассмеялся в голос. Он приподнял ее и крепко прижал к груди, только сейчас поверив, что, возможно, им удастся вырваться на свободу. Он подумал о том, как они вернутся в Мифрил Халл, обо всех тех днях, что он проведет вместе с Бренором, Реджисом,

Гвенвивар и, конечно, Кэтти-бри. И с ужасом понял, что почти отказался от всего этого.

Отпустив Кэтти-бри, Дзирт бросился за поворот, чтобы убедиться, что их действительно никто не преследует.

— Привет, — восхищенно прошептала Кэтти-бри, нагнувшись к великолепному мечу, лежавшему рядом с телом оружейника. Девушка торопливо подхватила оружие, не в силах поверить в то, что жестокий дроу владел мечом с эфесом в форме единорога, символом благостной богини Миликки.

— Что ты там нашла? — негромко поинтересовался вернувшийся Дзирт.

— Думаю, тебе это подойдет, — ответила Кэтти-бри, держа оружие так, чтобы видно было его необычное навершие.

Дзирт с любопытством поглядел на клинок. Он не видел эфеса, когда дрался с Дантрагом, зато прекрасно помнил, с какой легкостью меч резал камень.

— Оставь его себе, — предложил он, пожав плечами, — Я предпочитаю сабли, а если это действительно оружие Миликки, тогда ему самое место у бедра Кэтти-бри.

Девушка отмахнулась от него, широко улыбнулась и заткнула меч за пояс. Потом она обернулась, услышав, что вернулся Энтрери, а Дзирт опустился на колени перед телом Дантрага и стянул с его запястий поручи.

— Нам нельзя задерживаться! — раздраженно позвал убийца. — Теперь о нас знает весь Мензоберранзан, и я не успокоюсь, пока меня не будет отделять от этого поганого города тысяча миль.

Наверное, впервые в жизни Дзирт был полностью согласен с наемным убийцей.

Вообще-то Хазид-Хи не рассчитывал, что достанется женщине. Меч слышал много рассказов о знаменитом Дзирте До'Урдене и после того, как Дантраг проиграл, изменил форму своего волшебного навершия, чтобы соблазнить легендарного воина.

Дроу не попался на его приманку, но меч, по праву прозывавшийся Потрошитель, умел ждать.

* * *

Дальше дорога шла без приключений, остаток дня и почти всю ночь никто не преследовал беглецов. В конце концов им пришлось остановиться на отдых, но сон их был прерывистым и беспокойным.

Так они бежали три дня, покрывая милью за милей. Дзирт мчался во главе, стараясь провести своих спутников подальше от Блингденстоуна из страха навлечь на свирфов неприятности. Он никак не мог взять в толк, почему патрули всадников на ящерах до сих пор не схватили их, и был готов к тому, что отряды темных эльфов хоронятся в боковых коридорах, готовые выскочить из засады.

Поэтому Дзирт несколько не удивился, когда заметил в туннеле впереди знакомого темного эльфа необычной наружности, поднявшего шляпу жестом приветствия.

Кэтти-бри, в которой боевой пыл еще не утих, мигом вскинула Тулмарил.

— На сей раз не сбежишь, — тихонько пробормотала она, вспомнив, как Джарлакс испарился после сражения в Мифрил Халле.

Энтрери схватил стрелу, не дав Кэтти-бри прицелиться. Девушка, увидев, что Дзирт тоже не берется за оружие, не стала возмущаться.

— Прошу тебя, добрейшая и прелестнейшая дама, — обратился к ней Джарлакс. — Я только пришел попрощаться.

Его слова неприятно резали слух Кэтти-бри, но в то же время она не могла не признать, что Джарлакс, держа ее в плену, обращался с ней уважительно и ничем ни разу не оскорбил.

— По-моему, это довольно странно, — заметил Дзирт, стараясь говорить очень спокойно. Он нащупал в сумке ониковую фигурку, но даже она не очень его утешила, поскольку он понимал, что, если дойдет до того, что возникнет нужда в Гвенвивар, они

скорее всего все умрут. И Дзирт, и Энтрери, прекрасно знакомые со способами борьбы Бреган Д'эрт и тем, как много предосторожностей обычно предпринимал ее неуловимый главарь, ничуть не сомневались, что сейчас их со всех сторон окружает громадное количество превосходных воинов.

— А ведь я не так уж противился твоему побегу, как ты, вероятно, думаешь, Дзирт До'Урден, — ответил Джарлак, но все поняли, что его слова были обращены к Артемису Энтрери.

Энтрери это заявление не удивило. Потому что слишком уж удачно все сложилось: диадема Кэтти-бри и медальон, с помощью которого нашли Дзирта; маска в виде паука; прозрачные намеки Джарлакса о том, что на территорию Дома Бэнр легче всего проникнуть во время священного ритуала; даже фигурка пантеры была как будто специально оставлена на столе наемника. Сначала он не знал, насколько способствовал Джарлак их бегству и намеренно ли он все это устроил, но теперь был уверен, что наемник ожидал: все обернется именно так.

— Ты предал свой народ, — сказал Энтрери.

— Мой народ? — хохотнул Джарлак. — Потрудись определить, что ты подразумеваешь под этим словом. — Он чуть помолчал, но так и не услышав ответа, рассмеялся. — Я просто воспрепятствовал планам одной старой матроны, — уточнил он.

— Главы первого Дома, — вставил Энтрери.

— Пока что, — с хитрой улыбкой добавил наемник. — Отнюдь не всем дроу Мензоберранзана так уж нравился союз, организованный Матерью Бэнр, — даже не все в ее собственном семействе одобряли его.

— Триль, — задумчиво произнес наемный убийца, как будто поясняя это Дзирту.

— Среди прочих, — быстро добавил Джарлак.

— О чем эти двое говорят? — прошептала Кэтти-бри Дзирту, но тот лишь пожал плечами, не понимая до конца всей интриги.

— Мы обсуждаем судьбу Мифрил Халла, милая и прекрасная дама, — пояснил девушке Джарлак, отвесив грациозный поклон, и у Кэтти-бри мурашки побежали по спине.

Джарлак глянул на Дзирта:

— Я бы дорого заплатил за то, чтобы посмотреть, какие выражения лиц были у Матерей Домов в часовне Бэнр, когда ваша хорошенькая спутница обрушила на купол сталактит!

Энтрери и Дзирт одновременно посмотрели на Кэтти-бри, которая только повела плечами и улыбнулась с видом невинного младенца.

— Правда, погибло не так уж много дроу, — сразу добавил Джарлак. — Какая-то горстка в часовне да десятка два на территории остального дворца. Дом Бэнр быстро оправится от этих потерь, хотя у них может уйти некоторое время на то, чтобы придумать, как вытащить ваш подарок из купола часовни. Но Дом Бэнр оправится.

— Однако союз... — начал Дзирт, поняв, почему никто, кроме Бреган Д'эрт, не преследовал их в туннелях.

— Да, союз, — подхватил Джарлак, но так и не объяснил, что же случилось. — По правде говоря, союз, образованный для завоевания Мифрил Халла, приказал долго жить в тот самый момент, когда Дзирта До'Урдена взяли в плен. У меня есть несколько вопросов, — продолжил наемник. — И я хотел бы получить ответы. За этим и пришел.

Трое спутников переглянулись.

— У вас есть то, что я обязан вернуть, — произнес Джарлак, глядя на Энтрери, и протянул руку ладонью вверх. — Передайте это мне.

— А если мы не отдадим? — с жаром спросила Кэтти-бри.

Джарлак только рассмеялся.

Энтрери, не мешкая, достал паучью маску. Он понимал, что Джарлаксу надо будет незаметно подложить ее в стол Громфа, иначе его уличат в причастности к побегу.

При виде маски глаза наемника жадно заблестели. Это была последняя часть

головоломки. Он подозревал, что Триль Бэнр следила за каждым шагом Энтрери и Кэтти-бри с того момента, как они забрались в Магику, чтобы выкрасть маску. Значит, предполагаемый побег Дзирта, ради осуществления которого Джарлакс и провел убийцу в кабинет Громфа, показав, где взять маску, не противоречил желаниям старшей дочери Бэнр. Поэтому наемник был почти уверен, что она не выдаст его своей матери.

Если бы ему только удалось вернуть маску в Магику — что само по себе было нетрудно, — прежде чем Громф хватится пропажи...

Энтрери посмотрел на Дзирта; тот молчал, и убийца бросил маску Джарлаксу. Наемник как будто только сейчас вспомнил что-то и снял с шеи цепочку с рубиновой подвеской.

— Против знатных дроу она не так уж эффективна, — сухо заметил он и неожиданно швырнул ее Дзирту.

Дзирт попытался ее поймать, но его движение оказалось чересчур быстрым, и подвеска ударилась о локоть эльфа. С той же молниеносной скоростью Дзирт подхватил ее прежде, чем вещь пролетела хотя бы дюйм.

— Поручи Дантрага, — с понимающим видом протянул Джарлакс и усмехнулся, заметив их на запястьях дроу. — Примерно этого я от них и ожидал. Но не бойся, ты к ним привыкнешь, Дзирт До'Урден, и тогда станешь и вовсе непревзойденным воином!

Дзирт не ответил, хотя мысленно согласился со словами наемника. Зато Энтрери, еще не изживший свое соперничество с дроу, зло поглядел на него.

— Итак, вы расстроили планы Матери Бэнр, — торжественно изрек Джарлакс и отвесил еще один поклон. — А ты, Энтрери, заслужил свободу. Но не забывайте всегда оглядываться назад, мои смелые друзья, потому что память у темных эльфов долгая, а пути их темны и коварны.

Потом что-то взорвалось, и появился большой клуб оранжевого дыма. Когда он рассеялся, Джарлакса уже не было.

— Что ж, тем лучше, — пробормотала Кэтти-бри.

— Когда мы расстанемся на поверхности, я скажу вам то же самое, — мрачно произнес Энтрери.

— Не забывай, это произойдет только потому, что Кэтти-бри дала тебе слово, — сурово отозвался Дзирт. Они вперили друг в друга ненавидящие взгляды, и Кэтти-бри, стоявшая между ними, почувствовала себя очень неудобно.

Опасность, исходящая от Мензоберранзана, осталась позади, и похоже, что старые враги вновь стали врагами.

ЭПИЛОГ

Они не стали выбираться на поверхность через пещеру рядом с Перевалом Мертвого Орка. Ведомые Гвенвивар, они вышли в глубокие туннели под Мифрил Халлом, а отсюда уже Энтрери хорошо помнил дорогу к нижним шахтам. Наемный убийца и темный эльф расстались у того самого уступа, где состоялась их последняя схватка, под таким же ослепительным звездным небом.

Энтрери немного прошел по краю обрыва, постоял, обернулся и посмотрел на своего ненавистного соперника.

— У меня тоже долгая память, — сказал он, вспомнив слова Джарлакса при прощании, — И разве я не менее коварен, чем дроу?

Дзирт не удостоил его ответом.

— Знаешь, я проклиная свое обещание, — шепнула Кэтти-бри дроу. — Как бы я сейчас хотела послать стрелу ему в спину!

Дзирт обнял ее за плечи и увел за собой в туннели. Он не спорил, что этим выстрелом девушка только оказала бы услугу миру, но сам он больше не боялся Артемиса Энтрери.

Дзирт понимал, что Энтрери есть о чем задуматься. Ужасы, увиденные убийцей в

Мензоберранзане, бесстрастно отразили черноту его собственной души, но ему это явно не понравилось, и он долго еще будет переживать душевные терзания, прежде чем вспомнит о страннике-дроу.

Меньше чем через час друзья оказались на месте гибели Вульфгара. Они остановились и немного постояли молча, держась за руки.

Но когда они уже повернулись, чтобы уйти, со всех сторон вдруг появилось около двадцати вооруженных дворфов, и все выходы оказались перекрыты боевыми машинами.

— Сдавайтесь, иначе будет плохо! — прокричал кто-то из солдат, а потом раздались удивленные возгласы, когда обоих нарушителей признали. Дворфы мгновенно обступили парочку.

— Отведем их к командиру! — предложил кто-то, и солдаты сломя голову понеслись, таща за собой Дзирта и Кэтти-бри по извилистым коридорам к официальному входу в Мифрил Халл. Там они нашли этого самого командира, которым, к удивлению друзей, оказался Реджис, изумившийся не меньше, когда увидел их.

— Командир? — спросила Кэтти-бри, недоуменно взглянув на своего маленького друга. Реджис, не отвечая, поскакал к ней и прыгнул в ее объятия, одновременно обвив рукой шею Дзирта.

— Вы вернулись, вы вернулись! — без конца повторял хафлинг, и его ангельское личико сияло.

— Ты — командир? — с тем же изумлением перебила его девушка.

— Ну, кто-то должен был этим заняться, — дернув плечом, сказал Реджис.

— И я скажу, что у него это неплохо получается, — вставил один из дворфов. Остальные коренастые бородачи согласно закивали, чем вогнали хафлинга с пухлыми детскими щечками в краску.

Реджис смущенно пожал плечами, а потом так сильно поцеловал Кэтти-бри, что у нее на щеке остался синяк.

* * *

Бренор словно окаменел, и остальные дворфы, бывшие с ним, сердечно поприветствовав Кэтти-бри, благоразумно удалились.

— Я привела его, — когда они с отцом остались одни, будничным тоном произнесла девушка, притворяясь, что ничего особенного не случилось. — А знаешь, ты бы залюбовался зрелищем Мензоберранзана!

Бренор вздрогнул; его глаза вдруг наполнились слезами.

— Дрянная безмозглая девчонка! — громко сказал он, и с Кэтти-бри мигом слетела вся напускная бравада. Она знала Бренора с раннего детства, но сейчас не была уверена, что именно он собирается сделать — обнять ее или придушить.

— Сам такой! — как обычно не слишком церемонясь, ответила она.

Бренор подскочил к ней и занес было руку. Никогда прежде он не бил свою приемную дочь, но сейчас сумел остановиться только в последний момент.

— Сам такой! — повторила Кэтти-бри, словно подзуживая Бренора ударить ее. — Сидишь тут, по уши завязнув в том, что изменить тебе не по силам, преспокойно пуская на самотек те дела, в которых твое участие действительно необходимо!

Бренор отвернулся.

— Думаешь, я меньше твоего тоскую по Вульфгару? — завелась Кэтти-бри и, схватив отца за плечо, попыталась повернуть его лицом к себе, но ей это не удалось. — Или, может, Дзирт недостаточно скучает по нему?

— И он тоже безмозглый глупец! — рявкнул Бренор, круто повернувшись и взглянув ей в глаза. На краткий миг Кэтти-бри заметила в его влажном взгляде былую искорку, ответ прежнего огня.

— Ну что ж, он сам первый с тобой согласится, — ответила девушка, широко

улыбнувшись. — Все мы время от времени становимся глупцами. Друзья на то и нужны, чтобы оказаться рядом, когда мы теряем разум.

Тут Бренор сдался и заключил в объятия свою любимую дочь, без которой он жизни не мыслил.

— И лучшего друга, чем Кэтти-бри, Дзирту никогда не найти, — сказал он, уткнувшись ей в шею, чтобы никто не видел, как по щекам старого дворфа текут слезы.

* * *

Дзирт До'Урден сидел на камне неподалеку от входа в Мифрил Халл, не обращая внимания на колючий холодный ветер, предвещавший скорый приход зимы. Он купался в лучах рассвета, который уже и не надеялся когда-либо увидеть.